Библиотека поэта

СУМАРОКОВ

СУМАРОКОВ

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА
основана
М. ГОРЬКИМ

МАЛАЯ СЕРИЯ
ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

ленинград
1953

А.П. СУМАРОКОВ

СТИХОТВОРЕНИЯ

советский
писатель

Вступительная статья,
подготовка текста и примечания
П. Н. Беркова

АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ СУМАРОКОВ

В одной из рецензий последнего периода своей литературной деятельности В. Г. Белинский писал: «Сумароков был не в меру превознесен своими современниками и не в меру унижаем нашим временем. Мы находим, что как ни сильно ошибались современники Сумарокова в его гениальности и несомненности его прав на бессмертие, но они были к нему справедливее, нежели потомство. Сумароков имел у своих современников огромный успех, а без дарования, воля ваша, нельзя иметь никакого успеха ни в какое время».[1]

Давая подобную оценку Сумарокову, Белинский вместе с тем неоднократно подчеркивал мысль об историческом, а не художественном значении его творчества. И действительно, для советского читателя поэтическая деятельность Сумарокова представляет в основном интерес исторический, интерес документа — очень важного, —

---

[1] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений. Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1914, т. X, стр. 489.

свидетельствующего о том, как оформлялась русская поэзия в ранний период своего развития, какие общественные задачи решала она, какими эстетическими принципами руководствовалась. Поэзия Сумарокова представляет для нас интерес еще и с той стороны, что, будучи безусловно явлением дворянской культуры, явлением феодальной надстройки, откровенно преследовавшим цель — упрочить позиции дворянства как господствующего класса, упрочить базис, на котором она выросла, — эта поэзия в своей сатирической, критической части оказалась в определенной мере фактом общественно-положительным. Поэтому сейчас, когда вопросы сатиры так серьезно привлекают внимание советского литературоведения и широких масс читателей, изучение или по крайней мере ознакомление с сатирическим творчеством Сумарокова может оказаться небесполезным. И Белинский, и Чернышевский, и Добролюбов ценили Сумарокова главным образом в качестве сатирика.

I

Жизнь и литературная деятельность Сумарокова совпали с расцветом крепостнического строя в России. Сумароков застал еще последние годы царствования Петра I, а умер через несколько лет после подавления восстания Пугачева. Таким образом, годы его жизни приходятся на время окончательного оформления в России «национального государства помещиков и торгов-

цев», [1] «чиновничьи-дворянской монархии XVIII века». [2]

Петровские преобразования, предпринятые в интересах помещиков и торговцев, несмотря на свою классовую направленность, сыграли большую прогрессивную роль в истории России в целом. Была создана сильная, дисциплинированная армия, быстро вырос могучий флот, было положено основание отечественной промышленности, приводились в порядок пути сообщения, развивалась торговля.

В результате сформировалось мощное, обороноспособное государство, которому уже не были страшны его недоброжелательные соседи — Швеция на северо-западе, Пруссия и Польша на западе, Турция — на юге. Россия заняла подобающее ее экономической и политической мощи место среди европейских великих держав.

Окончательное закрепление при Петре I за дворянами поместий, которые ранее давались им государством лишь во временное владение, способствовало созданию паразитического класса помещиков. Дворянское правительство постепенно узаконило неограниченные права помещиков над личностью и имуществом крепостных. После смерти Петра I, с момента возведения на престол Екатерины I (1725) дворянство всячески продолжало укреплять свои классовые позиции, добиваясь расширения своих сословных

---

[1] И. В. Сталин. Сочинения, т. 13, стр. 105.
[2] В. И. Ленин. Сочинения, т. 17, стр. 47.

привилегий и усиления власти над крепостными как утвержденной законами, так и еще больше складывавшейся на практике. Обязательная при Петре бессрочная служба для дворян была при Анне Иоанновне сокращена до 25 лет, при Елизавете фактически свелась к 10—12 годам, а при Петре III и Екатерине II, в результате издания актов «о вольности дворянской», и вовсе отменена.

Блестящее развитие Русского государства при Петре и его преемниках «происходило за счет крепостного крестьянства, с которого драли три шкуры». [1]

Крепостное крестьянство в течение царствования Петра I в разных формах проявляло свое недовольство подобным усилением эксплуатации. В центральной части страны, где было сосредоточено много правительственных войск, протест крестьян не мог выливаться в волнения или восстания. Свое недовольство крепостные проявляли в форме побегов от помещиков, и Петру не раз приходилось издавать указы о поимке беглых и возврате их помещикам.

После смерти Петра I положение крепостных крестьян продолжало ухудшаться. По указанию историков, побеги крепостных от помещиков участились в это время в высшей степени. В 1750-х годах имели место и волнения крестьян как помещичьих, так и в особенности монастырских. Но особенно ухудшилось положение кре-

[1] И. В. Сталин. Сочинения, т. 13, стр. 105.

постного крестьянства в конце царствования Елизаветы и в первые годы после захвата престола Екатериной II. К старым формам проявления протеста — побегам и волнениям — крестьяне присоединили новые — убийства помещиков. Сама Екатерина II в замечаниях на одно из произведений Сумарокова середины 1760-х годов указывала, что крепостные ежегодно вырезывали многих помещиков.

Наконец, в 1773—1775 годах разразилось самое крупное крестьянское восстание в крепостной России — крестьянская война, возглавлявшаяся Пугачевым. Она охватила огромную территорию и большие массы крепостных. Одержанные Пугачевым победы всколыхнули и крепостных других частей страны. Это вынудило правительство Екатерины любою ценой подавить восстание крепостных.

Все эти процессы — резкая классовая борьба крепостного крестьянства, усиленное и быстрое развитие дворянской диктатуры — особенно отчетливо отразились в творчестве Сумарокова, определив его дворянское содержание.

II

Сумароков родился в 1717 году.[1] Отец его был крупным военным петровской эпохи и принадлежал к старинному дворянскому роду; он играл

---

[1] Обычно приводимая дата — 1718 год — неверна. Сам Сумароков указал 1717 год.

заметную роль в чиновной жизни Петербурга в послепетровское время и умер в высоких чинах в начале царствования Екатерины II.

Сперва А. П. Сумароков получил домашнее образование (до 1727 г. его учителем был некий И. А. Зейкен или Зейкин, дававший в то же самое время уроки наследнику престола, будущему императору Петру II). В 1732 году Сумароков был определен в новооткрытый Сухопутный шляхетный корпус, специальное учебное заведение для детей высшего дворянства. Учащиеся этой «Рыцарской академии» получали поверхностные, но разнообразные знания и большей частью оставались людьми малообразованными, что не мешало им делать крупную военную и штатскую карьеру. Однако среди «кадетов» были любители поэзии и театра, выступавшие почти с самого начала существования корпуса в качестве поэтов и участников любительских спектаклей. Впрочем, в первые годы имя Сумарокова в этой связи не встречается. Лишь ко времени окончания им Сухопутного шляхетного корпуса были напечатаны две его «Оды» (1740). В них Сумароков выступил певцом «благодеяний», которые оказывала «дворянскому корпусу» (сословию) императрица Анна Иоанновна.

В 1740 году Сумароков окончил курс обучения в Сухопутном шляхетном корпусе и был выпущен адъютантом к вице-канцлеру, графу М. Г. Головкину, одному из виднейших вельмож конца царствования Анны Иоанновны и регентства Анны Леопольдовны. Падение Головкина

после воцарения Елизаветы Петровны (1741) не отразилось на судьбе Сумарокова, и он вскоре же стал адъютантом фаворита новой императрицы, гр. А. Г. Разумовского, прослужив в этой должности более десяти лет.

В 1756 году Сумароков был назначен директором новоорганизованного Российского театра; заслуги его в этой области очень значительны: благодаря его энергии театр, несмотря на противодействие придворных кругов, сохранился. Впрочем, в конце 1761 года Сумарокова заставили уйти в отставку. С этого времени он занимался исключительно литературной деятельностью. Умер он в 1777 году.

Литературная деятельность Сумарокова, начавшаяся во второй половине 1730-х годов, продолжалась не менее сорока лет. Приблизительно к концу 1750-х годов мировоззрение его полностью оформилось, и Сумароков стал литературным выразителем идеологии дворянства.

По своим философским воззрениям Сумароков был очень близок к сенсуалистам. В статье «О разумении человеческом по мнению Локка» он сочувственно излагает доводы английского философа против учения о врожденных идеях. Считая, подобно многим своим современникам, что «естество разделяется на духи и вещество», Сумароков вполне последовательно заявлял как сенсуалист: «Что — духи, я не знаю, а вещество имеет меру и вес». Вслед за сенсуалистами Сумароков признавал чувства источником человеческих знаний. Однако в своих философских

воззрениях он отдал гораздо большую дань рационализму, так как в индивидуальной и общественной жизни человека отводил большое место «разуму», «рассудку»: «Логическое и математическое доказательства — не педантство, но путь к истине, которым шествуя и просвещенный разум имея проводником до последних границ нашего умствования, заблудиться невозможно». Отрицание врожденных идей привело Сумарокова к заключению, что «природа не изъясняет истины в душах наших и, следовательно, никакого нравоучительного наставления не подает». Истина постигается человеком в результате специального развития его «разума», который тоже не является прирожденным: «Воспитание, наука, хорошие собеседники и прочие полезные наставления приводят нас к беспорочной жизни, а не врожденная истина».

Цель человеческой жизни — «благо». «Что на природе и истине основано, то никогда премениться не может, а что другие основания имеет, то похваляется, похуляется, вводится и выводится по произволению каждого и без всякого рассудка». Для того чтобы согласовать столь различные и несходные «умствования» и «действия», люди изобрели «мораль» и «политику»: «Мораль печется о благе участном (частном, личном), политика — о благе общем». Понятно, что чем «яснее» «разум» людей, тем правильнее их «мораль» и «политика».

Эти положения являются основой всей системы общественно-политических взглядов Сумарокова.

Люди, по его мнению, отличаются в общественной жизни только степенью ясности своего «разума». Раз люди одинаково получают впечатления при посредстве чувств, а врожденной истины нет, раз истина достигается усилиями «разума», значит от природы все люди равны, так как все при рождении в одинаковой мере лишены «разума». С этой точки зрения и дворянин и крепостной, и господин и слуга одинаковы и равны. Различие между ними, по Сумарокову, возникает лишь как следствие воспитания, развития «разума»: «Здравым рассуждением приближаемся мы к центру познания, которого смертные никогда не могут коснуться. Кто больше до сего центра доходит и кто меньше его преходит, тот справедливее действует».

Таким образом, дворянин, получающий образование, воспитанный соответствующим образом, окруженный культурными людьми, стоит, по мнению Сумарокова, выше крепостного, необразованного, невоспитанного, окруженного такими же, как и он сам, некультурными людьми. Следовательно, Сумароков признает равенство людей по природе и неравенство их в социальной действительности; образованных и воспитанных дворян он считает «первыми членами отечества», «сынами отечества». Этими же положениями определяются и представления Сумарокова о «морали» и «политике».

На основе эклектического соединения во взглядах Сумарокова элементов сенсуализма и рационализма и формировались его политические и

социальные убеждения — утверждая равенство людей «по природе», он оправдывал их неравенство в общественной жизни.

Все эти взгляды нашли полное отражение в художественном творчестве Сумарокова. В сатире «О благородстве» он напоминает дворянам, что

...от баб рожденным и от дам
Без исключения всем праотец Адам.

На вопрос:

Какое барина различье с мужиком? —

Сумароков отвечает:

И тот и тот земли одушевленный ком.
А если не ясняй ум барский мужикова,
Так я различия не вижу никакого.

Положение «первого члена общества» дворянин должен оправдать своим отношением к делу, к интересам «общества»:

во дворянстве всяк, с каким бы ни был чином,
Не в титле — в действии быть должен дворянином.

Дворянину, говорит Сумароков,

Не можно никогда науки презирать,
И трудно без нее нам правду разбирать.

В сатире «О честности» поэт излагает свою по-

ложительную программу дворянской морали, рисует образ «идеального» дворянина:

...истинная честь — несчастным дать отрады,
Не ожидаючи за то себе награды;
Любити ближнего, творца благодарить,
И что на мысли, то одно и говорить;
А ежели нельзя сказати правды явно,
По нужде и молчать, хоть тяжко, —
не бесславно.
Творите сколько льзя всей силою добро...
. . . .
Служити ближнему, колико сыщем силы...
. . . .
Не ползай ни пред кем, не буди и спесив.

Кончается эта сатира чисто дворянской сентенцией:

Будь сын отечества и государю верен!

Иначе понимал Сумароков место крестьян в жизни дворянского «общества». Для него «мужик» — человек

Из сама подла рода,
Которого пахать произвела природа.
(«Осел во львовой коже»)

Он считал:

Кто черен родился, тому вовек так быть.
(Арап)

Попытки осудить установленный общественный порядок крепостнического государства, оспорить

законность социального неравенства вызывали резкие возражения со стороны Сумарокова.

В притче «Пени Адаму и Еве» поэт подверг осмеянию жалобы крестьянина на свое положение:

Когда б Адам и Ева
Не скушали плода с заказанного древа,
Я жил бы как хотел
И, над сохою бы трудяся, не потел.

Для Сумарокова «пени» «мужика» — «несвойска дрянь». Своей притчей Сумароков пытается доказать, что труд крепостного крестьянина — естественное следствие человеческого несовершенства.

Учения, ставившие вопрос об изменении строя крепостнического государства, вызывали возмущение Сумарокова:

Порядок естества умеет бог уставить
И в естестве себя великолепно славить.
(Новый календарь)

Однако, признавая незыблемость общественного устройства современной ему России, Сумароков, как будет видно из дальнейшего, не одобрял рабских форм эксплуатации крепостной массы помещиками, — и именно потому, что дворяне должны во всем быть безупречны.

Такое понимание положения дворянства в «обществе» определяло сатирическое отношение Сумарокова ко всему тому, что противоречило его

этическим и социальным взглядам. Отсюда проистекло столь большое количество сатир, притч, эпиграмм, насмешливых эпитафий, иронических песенок Сумарокова. Предметами его язвительных нападок являлись самые разнообразные факты русской действительности и литературы 1750-х, 1770-х годов. Он пишет притчу о борьбе братьев Орловых за место фаворита при Екатерине II («Война орлов»), возмущается тем, что один из «первых» вельмож, граф А. Г. Орлов, дерется с ямщиками на кулачках («Кулашной бой»); он издевается над богачом Саввой Яковлевым (песенка «Савушка грешен») и т. д.

По той же причине Сумароков уделял внимание вопросу о положении крепостных крестьян. В своих прозаических произведениях публицистического характера он проводил резкое разграничение между понятиями «крепостной» и «раб»: «Между крепостным и невольником разность: один привязан к земле, а другой к помещику».[1] Сумароков не признавал «рабства» крестьян в отношении к помещикам, он считал, что крестьяне, как, впрочем, и все остальные классы общества, кроме дворян, высшего духовенства и верхнего слоя купечества, являются «рабами отчества», а не помещиков. Поэтому крепостные не могут быть, по мнению Сумарокова, продаваемы: «Продавать людей, как скотину, не должно».[2]

---

1 Сборник Русского исторического общества, т. X, стр. 84.

2 Там же, стр. 85—86.

Чтобы оправдать институт владения крепостными, Сумароков выдвигал положение, что помещики могут продавать принадлежащую им землю, к которой прикреплены крестьяне, а вместе с нею и проживающих на ней крепостных. Отдельной же продажи крепостных он не признавал. Вместе с тем он считал, что крепостное состояние не только нормально, но и необходимо для правильного функционирования дворянского государства. В записке, поданной в Вольное экономическое общество в конце 1767 года, Сумароков писал: «Прежде надобно спросить: потребна ли ради общего благоденствия крепостным людям свобода? На это я скажу: потребна ли канарейке, забавляющей меня, вольность, или потребна клетка, — и потребна ли стерегущей мой дом собаке цепь. — Канарейке лучше без клетки, а собаке без цепи. Однако одна улетит, а другая будет грызть людей; так одно потребно для крестьянина, а другое ради дворянина». Далее Сумароков спрашивает: «Что ж дворянин будет тогда, когда мужики и земля будут не его; а ему что останется?» Кончается записка Сумарокова такими безапелляционными словами: «Впрочем, свобода крестьянская не токмо обществу вредна, но и пагубна, а почему пагубна, того и толковать не надлежит». [1]

Стоя прочно на этих позициях, Сумароков считал себя обязанным в своих притчах и сатирах

---

[1] А. И. Ходнев. История имп. Вольного экономического общества. СПб., 1865, стр. 24—25.

нападать на дворян, которые продают и проигрывают в карты крепостных. В притче «Ось и бык» Сумароков язвительно говорит о «нежном господчике», который проматывает труды крепостных; в сатире «О благородстве» с негодованием клеймит «господского сына», который

...благородие свое нередко славит,
Что целый полк людей на карту он поставит.
Ах! должно ли людьми скотине обладать?
Не жалко ль? Может бык людей быку продать?

Дворянско-бюрократическое устройство тогдашней России вызывало язвительные нападки Сумарокова на чиновников, подьячих, борьбе с которыми он уделил много места в своем творчестве в самых различных жанрах. Таковы его притчи «Протокол», «Стряпчий», стихотворения «Справка», «Цидулка к детям профессора Крашенинникова» и др. В комедиях «Тресотиниус», «Чудовищи» и др. Сумароков выводит подьячих в самом непривлекательном виде. Эту борьбу Сумарокова с подьячими, с «крапивным семенем» особенно ценили Белинский, Чернышевский и Добролюбов, всегда отмечавшие ее в своих характеристиках достижений русской литературы XVIII века.

Особое место занимает в общественно-политических и философских взглядах Сумарокова его отношение к религии и церкви. В своих философских набросках он высказывал иногда взгляды, решительно шедшие вразрез с церковными

учениями. В статье «Господину Пасеку: вот наш бывший разговор», явно полемизируя с библейским рассказом о сотворении Адама и проводя мысль о том, что предки людей были четвероногие, Сумароков писал: «Нет ни малейшего довода, что естество устроило нас двуножными». Характерно, что он говорит здесь «естество», а не «божество».

Трезво смотрел Сумароков и на возникновение человеческого общества: «Общество и, следовательно, нашу силу уставила нам бедность». Развитие человеческого ума Сумароков объяснял социальными причинами: «Ежели бы не было общежития, по необходимой его (человека) бедности и безопасности, не имел бы он изощрения ума своего и был бы такою же скотиною, и еще многих скотов многократно глупяе». Из социальных же причин выводил Сумароков и развитие культуры: «Науки родилися от общежития, от коего произошло развращение сердец».

Всем сказанным объясняется отрицательное отношение Сумарокова к монашеству и вообще «жрецам», которых он считал обманщиками и под которыми разумел духовенство. В притчах «Болван», «Отрекшаяся мира мышь» и др. он проявил свое рационалистическое понимание проблемы церкви и ее места в русской жизни тех лет. Однако это неприятие духовенства уживалось у Сумарокова с деистической религиозностью, нашедшей выражение в большом количестве его духовных од и переводов псалмов.

III

Философские взгляды Сумарокова определили и его эстетические позиции. Если в вопросах теории познания он был близок к сенсуалистам, то в своих литературно-теоретических построениях и в своей художественной практике он полностью оставался рационалистом.

Наиболее существенной чертой классицизма, литературного направления, к которому принадлежал Сумароков, являлся рационализм как философская основа эстетики. Только то прекрасно, утверждали классики, что «разумно». Только то морально, что отвечает требованиям «разума». Однако «разум» не всесилен; ему приходится бороться со «страстями», нарушающими стройность мира, воздвигнутого на принципах «разума». Где царит «разум», там все прекрасно, морально, там «благо» общее и частное; где господствуют «страсти», там — хаос, борьба личных интересов, там торжествует безнравственность. Источник общественных зол — «страсти». Поэтому подавление «страстей», борьба с ними должны, по мнению классиков, составлять основную задачу искусства.

Отсюда вырастала одна из важнейших особенностей классицизма — его политическая направленность. Поскольку «политика печется о благе общем», задача писателя должна состоять в том, чтобы способствовать укреплению государственного целого, строящегося на принципах «разума». В трагедии, эпопее, оде поэт-классик обязан

пропагандировать высокие идеи государственности, идеи «морали» и «политики». «Общее благо» должно быть поставлено превыше всего. А так как «общество» Сумароков понимал как общество дворянское, то и «общее благо» в его понимании было «благо» дворянское.

«Разум» во все времена, у всех людей одинаков. Поэтому то, что было прекрасно в древности, прекрасно и сейчас. Что прекрасно у древних греков и римлян, то должно считаться прекрасным и у новейших народов, у французов например, и у русских. Этим ходом рассуждений определялось отношение классиков к античному искусству.

Прекрасное, отвечающее требованиям «разума», поэт может построить, если будет строго следовать «правилам» искусства, если будет придерживаться признанных образцов. «Правила» и «подражание» считались классиками единственным путем подлинного искусства. Чем меньше проявляет писатель фантазии, личного момента в своем творчестве, тем больше у него возможностей создать истинно художественное творение. Отказ от индивидуального, местного, национально-своеобразного был естественным следствием рационалистического понимания идеи вечного и неизменного «прекрасного».

Из всего этого проистекала одна из характернейших черт классицизма — его абстрактность, его внеисторичность. Классики, в частности Сумароков, не стремились изображать в своих произведениях — например, трагедиях — тех или

иных персонажей в соответствии с исторической и национальной обстановкой. В трагедиях Сумарокова «Хорев», «Синав и Трувор», «Мстислав», «Димитрий Самозванец» и др. действие происходит в древней России, в «Артистоне» — в Персии, в «Гамлете» — в Дании, но это никак не отражается ни в построении сюжета, ни в трактовке характеров, ни в языке действующих лиц. Сумарокова во всех трагедиях больше всего занимали морально-воспитательные, или, если следовать его терминологии, «политико»-воспитательные задачи. Цель трагедии — «вести к добродетели», «очищать через разум страсти». Отсюда возникает острая конфликтность трагедий Сумарокова. Главной коллизией в них является борьба «долга» и «любви», «чести» и «интереса», то есть тех же «разума» и «страстей».

Те же воспитательные цели преследовал Сумароков и в своих одах и других произведениях лирического характера. Подобно другим классикам, он широко пользовался мифологическими именами и сюжетами. Эту особенность классицизма обычно понимают как чисто внешнее украшение, только как искусственное «подражание» античной древности. Между тем у Сумарокова мифология имела определенный, принципиально эстетический смысл.

Характеризуя в «Эпистоле о стихотворстве» «великолепный» стиль оды и противополагая его простоте эпических произведений, Сумароков писал:

Сей стих <оды — *П. Б.*> есть полн претворств. . .

То есть: стих оды полон того, что должно быть превращено, переделано, переосмыслено:

...в нем <стихе оды — *П. Б.*> добродетель смело
Преходит в божество, приемлет дух и тело.
Минерва — мудрость в нем, Диана — чистота,
Любовь — то Купидон, Венера — красота.

Далее Сумароков более подробно раскрывает смысл мифологических упоминаний в произведениях классиков:

Где гром и молния, там ярость возвещает
Разгневанный Зевес и землю устрашает.
Когда встает в морях волнение и рев,
Не ветер то шумит, Нептун являет гнев.
И эхо есть не звук, что гласы повторяет, —
То нимфа во слезах Нарцисса вспоминает.

Иными словами, для классика Сумарокова мифология тем и прекрасна и ценна, что позволяет низменное, конкретное, повторяющееся в разных вариантах, вводить в искусство как возвышенное, отрешенное от местных, случайных черт, неизменное; мифология обобщает все частное, отбрасывает индивидуальное и заменяет его «вечнопрекрасным».

Таким образом, все в искусстве классицизма подчинялось основной задаче — созданию идеального мира прекрасной разумности, который должен еще больше «просвещать» читателей, приближать их к познанию истины, вести к «благу», к «беспорочной жизни».

Это делало классицизм искусством содержательным, «идейным». Для Сумарокова в особенности характерна борьба с тем, что позднее было названо «искусством для искусства». В соответствии со своими дворянскими позициями, Сумароков требовал от писателей содержательности, «разума», просвещения. Характеризуя «несмысленных творцов», он писал в одном из своих последних произведений:

Пиитов сих ума никто не помутит:
Безмозгла саранча без разума летит.
Такой пиит не мыслит,
Лишь только слоги числит.

(Письмо ко князю А. М. Голицыну)

Вместе с тем Сумароков был решительно против холодной, рассудочной поэзии. Он требовал от поэта подлинного чувства, искренности. В стихотворении «Недостаток изображения» эта мысль выражена так:

Трудится тот вотще,
Кто разумом своим лишь разум заражает:
Не стихотворец тот еще,
Кто только мысль изображает,
Холодную имея кровь;
Но стихотворец тот, кто сердце заражает
И чувствие изображает,
Горячую имея кровь.

Сумароков не ограничивался одной только пропагандой своей эстетической программы. Он

настойчиво и упорно боролся со всем тем в литературе, что шло вразрез с его пониманием сущности и задач поэтического искусства. Поэтому в его поэтической деятельности такое большое место отведено литературной полемике, литературной борьбе.

Он писал не только пародии («вздорные оды»), но и множество эпиграмм, притч («Жуки и пчелы», «Сова и рифмач», «Сатир и Гнусные люди») и пр., направленных как против Ломоносова и Тредиаковского, так и против более поздних писателей («Уймется ли когда парнасское роптанье»).

В посланиях к своим единомышленникам или близким по взглядам писателям (к М. М. и Е. В. Херасковым, В. И. Майкову) Сумароков развивал свою положительную эстетическую программу. В элегиях к актеру И. А. Дмитревскому он излагал свои взгляды на драматическое и актерское искусство. Наконец, в своих прозаических статьях критического и теоретического характера он дал одни из первых образцов русской литературной критики.

IV

Оставаясь на всем протяжении своей литературной деятельности поэтом дворянским, Сумароков тем не менее проделал заметную эволюцию: сначала он был поэтическим выразителем всего «дворянского корпуса» в целом, был литературным идеологом всего правящего класса,

а затем, приблизительно с конца 1750-х годов, в его творчестве, нисколько не утратившем дворянского характера, появляются и все больше растут черты критицизма по отношению к придворному дворянскому кругу, к заносчивому и наглому «вельможеству». Кончает Сумароков как поэт хотя и дворянский, но явно враждебно настроенный по отношению к Екатерине II.

В творчестве Сумарокова, как и в других явлениях дворянской культуры тех лет, отразились изменения, которые произошли в русском дворянстве в 1750-е, 1760-е годы.

Период после смерти Петра Великого характеризуется частой сменой правителей, большей частью происходившей при посредстве дворцовых переворотов. В докладе на II съезде профессиональных союзов в 1919 году В. И. Ленин, говоря о характере переворотов, предшествовавших Великой Октябрьской социалистической революции, сказал: «Возьмите старое крепостническое дворянское общество. Там перевороты были до смешного легки, пока речь шла о том, чтобы от одной кучки дворян или феодалов отнять власть и отдать другой».[1]

Дворцовые перевороты XVIII века нисколько не затрагивали социальной основы крепостнического государства, а приводили только к смене «кучек» правящего класса. Переворот 1741 года, устранивший от власти большую группу придворных немцев и возведший на престол Елиза-

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. 28, стр. 397.

вету, представлялся современникам торжеством всего русского дворянства в целом, хотя власть захватила «кучка» придворных дельцов, возглавлявшихся Бестужевым, Шуваловыми, Воронцовыми и отчасти Разумовским. В течение очень короткого времени при дворе Елизаветы из перечисленных участников «кучки» образуется новое сильное «вельможество», оттирающее среднее дворянство от власти и опирающееся на быстро росший бюрократический аппарат (подьячих). Хищения, которые производили в 1740-е, в особенности 1750-е годы Шуваловы, Воронцовы, Чернышевы и другие вельможи, высокомерие, чванство этой придворной верхушки сильно восстанавливали против нее культурное дворянство. Взяточничество и самоуправство чиновников также вызывали возмущение.

С другой стороны, превращение дворян из служилого сословия в сословие, не имеющее никаких обязанностей и обладающее только правами и привилегиями, развитие роскоши в дворянской среде, мотовство, непомерное усиление эксплуатации крепостного крестьянства, — все это вызывало возмущение Сумарокова и некультурным поместным и столичным дворянством.

Именно поэтому в творчестве Сумарокова даже раннего периода, когда он еще ощущал себя выразителем интересов всего дворянства, уже встречалась критика придворного, «гордого, раздутого как лягушка» и великосветского щеголя, с одной стороны, и взяточников-подьячих — с другой. С течением времени чем менее отвечало

дворянство сложившемуся у Сумарокова идеальному образу «сына отечества», тем более чувствовал он себя обязанным выступать против возмущавших его порядков елизаветинского правления.

В конце царствования Елизаветы Сумароков, в силу указанных обстоятельств, переносит свои политические симпатии на жену наследника престола Екатерину Алексеевну, будущую Екатерину II, вокруг которой группировались дворяне, недовольные Елизаветой и правившей от ее имени «кучкой». В 1759 году Сумароков издает журнал «Трудолюбивая пчела», который демонстративно посвящает Екатерине. Журнал, изобиловавший нападками на вельмож и подьячих, по истечении года был закрыт. В разных формах Сумароков продолжал борьбу в последующие годы.

Вступление на престол Екатерины II разочаровало Сумарокова. Новая «кучка» дворян, совершившая переворот и возглавлявшаяся братьями Орловыми, грубая, малокультурная и наглая, еще больше претила Сумарокову. «Политика» Екатерины оказалась направленной не на «общее благо», в понимании Сумарокова, а на удовлетворение личных интересов императрицы и ее окружения. Видя резкое несоответствие тогдашней действительности своему дворянскому идеалу, Сумароков решительно становится в оппозицию Екатерине и новой придворной «кучке». Чуть ли не с самого момента захвата Екатериной престола он проявляет свое недовольство, отражая

позицию многих своих культурных дворянских современников. И даже восстание Пугачева, чрезвычайно взволновавшее Сумарокова и толкнувшее его на создание произведений, в которых с наибольшей степенью отразились его дворянские взгляды — станс «Городу Синбирску на Пугачева» и «Стихи на Пугачева», — не заставило его изменить свое отношение к Екатерине: во втором стихотворении ее имя вовсе не упоминается, а в первом оно сопровождено холодными, официальными комплиментами. Незадолго до того, в трагедии «Димитрий Самозванец» (1771), Сумароков устами одного из действующих лиц откровенно характеризовал свое отношение к Екатерине:

Язык мой должен я притворству покорить:
Иное чувствовать, иное говорить,
И быти мерзостным лукавцам я подобен.
Вот поступь, если царь неправеден и злобен.

(д. II, явл. 1)

Поэтому к одам Сумарокова екатерининских времен нельзя относиться как к произведениям, полностью выражающим его взгляды. Значение Сумарокова в 1760—1770-е годы заключалось в его «притчах», сатирах, памфлетных комедиях, эпиграммах, то есть во всем том, на чем лежала печать его дворянской критики.

И как раз это сатирически-критическое отношение к екатерининским порядкам создавало популярность Сумарокову у культурного дворян-

ского и не только дворянского читателя. Именно поэтому Новиков дважды издает в течение менее чем одного десятилетия «Полное собрание всех сочинений» Сумарокова; именно поэтому в своем «Опыте исторического словаря о российских писателях» Новиков писал: «Притчи его (Сумарокова) почитаются сокровищем Российского Парнасса, и в сем роде стихотворения далеко превосходит он Федра и де ла Фонтена, славнейших в сем роде». Карамзин, «признавая (вместе со всеми) басни Сумарокова лучшим его творением», прибавлял: «Русский басенник может нравиться только легкостию и резкою сатирою... Сумароков язвит сильным стихом без пощады».

В произведениях Сумарокова отразилась треть века истории русского дворянства перед восстанием Пугачева. Вместе с тем без знакомства с историей России этого периода нельзя понять и ряда особенностей поэтического творчества Сумарокова.

V

В ранний период своей литературной деятельности молодой Сумароков не обращался еще к политической тематике. Хотя в 1740-х годах он написал несколько од, то есть произведений с политическим содержанием, но не они были характерными для тогдашнего этапа его деятельности жанрами. Адъютант фаворита императрицы, избалованный вниманием женщин светского круга, Сумароков чувствовал себя тогда прежде

всего поэтом «нежной страсти». Он в большом количестве сочинял — впрочем, не только в это время, но и позднее — модные тогда любовные песенки, как от лица мужчины, так и от лица женщины, выражавшие различные оттенки любовных чувств, в особенности ревность, томление, любовную досаду, тоску и т. д. В 1740-х годах песни пелись не на специально написанные для них мотивы, а, как указывал сам Сумароков, на «модные минаветы» (менуэты). Песни Сумарокова, особенно «пасторальные», в которых слащаво изображалась жизнь идеализированных пастушков (см. песню «Негде, в маленьком леску»), имели также большой успех. Позднее Ломоносов, ставивший перед литературой совершенно иные цели, иронизировал по этому поводу над Сумароковым: «Сочинял любовные песни и тем весьма счастлив, для того что вся молодежь, то есть пажи, коллежские юнкера, кадеты и гвардии капралы так ему последуют, что он перед многими из них сам на ученика их походил». Общее число песен, сочиненных Сумароковым, превышает 150.

Под влиянием светского общества, в котором он по долгу службы вращался, Сумароков стал писать не менее модные тогда идиллии и эклоги (последние были написаны исключительно на сюжеты «пастушеской любви»). Пасторальная живопись, росписи дворцовых стен и потолков сценами из античной и французской идиллической поэзии, гобелены на пастушеские сюжеты, статуэтки, изображавшие условных пастухов и

пастушек, — все это делало жанр эклоги очень популярным в дворянском столичном обществе. Поэтому неудивительно, что Сумароков написал 65 эклог и 7 идиллий.

Говоря об эклогах Сумарокова и указав на их достаточно откровенную эротичность, Белинский все же отметил: «И несмотря на это, Сумароков и не думал быть соблазнительным или неприличным, а, напротив, он хлопотал о нравственности».[1] В доказательство своей точки зрения Белинский полностью привел посвящение из «эклог» Сумарокова; основная идея этого посвящения сформулирована Сумароковым в следующих словах: «В эклогах моих возвещается нежность и верность, а не злопристойное сластолюбие, и нет таковых речей, кои бы слуху были противны».

Очевидно, около этого же времени Сумароков писал и свои элегии, основная цель которых заключалась, как и в песнях, в изображении тонких душевных переживаний, «нежных чувствий», как тогда говорили.

Чего ты мне еще, зло время, не наслало,
И где ты столько мук и грустей собирало?..
Опасности и страх, препятствия, беды
Терзали томный дух все вдруг без череды.

(Элегия 5)

---

[1] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений. Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1904, т. VII, стр. 383.

Я чаял, что свои я узы разрешил,
И мыслил, что любовь я в дружбу пременил;
Уж мысли нежные меня не восхищали,
Заразы глаз драгих в уме не пребывали.

(Элегия 8)

Песни, эклоги и элегии Сумарокова являлись ответом писателя на потребности того дворянского круга, который в то время с наибольшей силой определял пути формирования дворянской культуры XVIII века. И именно то, что они отвечали тогдашним эстетическим вкусам и потребностям культурного или, точнее, полукультурного дворянства, создавало Сумарокову в дворянских кругах широкую популярность.

Отсутствие точной датировки большинства произведений Сумарокова лишает нас возможности полностью воссоздать постепенное развитие его поэтического творчества. Несомненно однако, что усиленное писание песен, эклог и элегий в 1740-е годы помогло Сумарокову выработать относительно легкий, для той поры даже музыкальный стих, живой язык, близкий к тогдашнему разговорному, уменье довольно верно, хотя и поверхностно передавать душевные состояния. Сумароков хорошо овладел александрийским стихом (шестистопным ямбом), которым написаны его эклоги и элегии, а также эпистолы, сатиры и девять трагедий. Обычно вызывает удивление гладкость и плавность стиха даже самых ранних трагедий Сумарокова, а также достаточная умелость в передаче психологических

состояний героев этих произведений. Однако если принять во внимание большую поэтическую его практику в период писания песен, эклог и элегий, известная степень художественности его трагедий не должна казаться непонятной.

В 1740-е годы, наряду с песнями, эклогами и элегиями, Сумароков писал и оды — торжественные и духовные. Имея перед собой как образец оды Ломоносова, он следовал им, в особенности на первых порах. Так, в своей первой оде 1743 года Сумароков применяет ломоносовские образы и обороты речи:

О! дерзка мысль, куды взлетаешь,
Куды возносишь пленный ум?

. . . .

Стенал по нем <Петре. — *П. Б.*>
сей град священный,
Ревел великий океан...

. . . .

Борей бесстрашно дерзновенный,
В воздушных узах заключенный,
Не смел прервать оков и дуть.

Эти черты ломоносовской одической поэтики сохраняются в одах Сумарокова и более позднего времени. Вот отрывок из оды Елизавете 1755 года:

Ужасна ты была во чреве,
Ужасней будешь ты во гневе:

Ты будешь верность нашу зреть.
Восстаньте, разных стран народы,
Бунтуйте, воздух, огнь и воды!
Пойдем пленить или умреть.

Вот строфа из оды о Прусской войне (1758):

Что где Российский пламень тронет,
То там трясется и падет;
Земля и воздух тамо стонет,
И море в облаках ревет.
Где росские полки воюют,
Там огненные ветры дуют,
И тучи там текут, горя:
Пыль, дым мешаются пред зраком
И землю покрывают мраком,
В полудни в небесах заря.

Внешнее следование Ломоносову не мешало Сумарокову и в 1750-е годы выступать с пародиями на оды своего учителя, который, в сущности, был ему глубоко чужд; эти «вздорные оды» в известной мере могут считаться и автопародиями.

Во второй половине 1740-х годов Сумароков стал писать стихотворные трагедии, до того времени отсутствовавшие в русской литературе. Внимание к внутреннему миру человека, к его переживаниям, смене чувств, проявившееся в многочисленных песнях, эклогах и элегиях Сумарокова, уверенное владение стихом позволили ему сразу же создать достаточно художествен-

ные для того времени драматические произведения. Политическая позиция Сумарокова этих лет подсказала ему тематику и проблематику трагедий, способствовавших развитию той надстройки, которая укрепляла базис крепостнического государства. В своих трагедиях 1740-х, 1750-х годов Сумароков пропагандировал идеи подчинения «страстей» «разуму», «рассудку», «чувства» — «долгу». Монархи в его тогдашних трагедиях изображаются главным образом как «идеальные государи»; отклонение их от идеала, «порабощение» их «страстям», например их подозрительность, недоверчивость, влекут за собой трагическую развязку («Хорев»). Такие трагедии имели в то время серьезное воспитательное значение для дворянского общества, привыкшего к деспотизму своих быстро сменявшихся монархов.

Вместе с тем трагедии Сумарокова 1740-х, 1750-х годов привлекали тогдашнего дворянского зрителя своим умением раскрыть душевный мир героев, в особенности показать богатую гамму их переживаний, связанных с чувством любви. Для своих учеников и поклонников Сумароков был в начале 1750-х годов

Открытель таинства любовныя нам лиры,
Творец преславныя и пышныя «Семиры».

В трагедиях 1760—1770-х годов, сохраняя те же в основном воспитательные цели и ту же драматургическую технику, Сумароков повел

борьбу с политикой Екатерины II. Вместо «идеальных государей» своих ранних трагедий, в пьесах последнего периода он стал изображать «тиранов на престоле», с явным намерением вызвать у зрителей сопоставление этих отрицательных героев с Екатериной II. Особенно отчетливо видно это в трагедии «Димитрий Самозванец». Даже переиздавая в конце 1760-х годов свои ранние трагедии, Сумароков включал в них стихи, направленные против Екатерины; таков, например, монолог Кия в начале действия V «Хорева» в издании 1768 года.

Почти одновременно с первыми трагедиями Сумароков начал создавать свои теоретико-литературные поэтические произведения, так называемые «эпистолы». В них он излагал свои взгляды на свойства и особенности русского языка как языка литературного и характеризовал различные поэтические жанры.

Основная идея ранних эпистол Сумарокова была выражена в последнем стихе «Эпистолы о российском языке»: «Прекрасный наш язык способен ко всему». В те годы, когда шло формирование новой русской литературы и литературного языка, было необходимо, с одной стороны, пропагандировать правильную мысль о том, что русский язык нисколько не уступает античным и современным европейским языкам, а с другой — дать указания, какими жанрами следует обогащать русскую литературу.

«Эпистолы» Сумарокова, несмотря на свой нормативный характер, имели серьезное теоре-

тическое и практическое значение не только в момент своего появления, но и гораздо позднее, так что в 1774 году Сумароков объединил две первые — «Эпистолу о российском языке» и «О стихотворстве» — и издал отдельной брошюрой как «Наставление хотящим быти писателями».

Существенное значение для развития русской литературы имело и то, что Сумароков писал в самых различных жанрах, разнообразными метрами, создавал оды сафические, горацианские, анакреонтические, стансы, сонеты, пытался писать эпическую поэму и т. д. В противоположность принципам «громких од» Ломоносова Сумароков развивал учение о «приличной простоте», «естественности» поэзии. Однако кажущаяся правильность его суждений не должна скрывать от советского читателя дворянского, условного содержания их и основанной на них поэтической практики Сумарокова. Борьба его с Ломоносовым по внешности касалась вопросов теории литературы, а по существу это было отстаивание дворянского содержания поэзии против общенационального, по существу демократического ломоносовского, это была борьба против постановки больших проблем, имевших общенародное значение. Ломоносов пропагандировал идеи государственности, национальной культуры, просвещения; для таких больших вопросов он выбирал соответствующую лексику, грандиозные образные построения, величественные фантастические картины. Сумароков, даже касаясь тех

же проблем, решал их с чисто дворянских позиций, он стремился воспитать своей поэзией «сынов отечества», дворянских патриотов, которые как по своей «природе», происхождению, так и по своей культурности должны занимать руководящие места в государственном аппарате. У «сынов отечества» «разум», «рассудок» всегда управляет «страстями». «Ум трезвый, — говорит Сумароков в «Оде В. И. Майкову», — завсегда чуждается мечты».

Так под внешне правильными теоретическими положениями Сумароков на практике проводил классово-ограниченные дворянские воззрения. В борьбе его с Ломоносовым историческая правота была не на стороне Сумарокова.

При всем этом в литературе середины XVIII века Сумароков был наиболее крупным представителем русского дворянского классицизма. Эта разновидность классицизма имела ряд черт, делавших ее непохожей на классицизм французский, как, например, приятие некоторых сторон народного творчества (в песнях), отказ от чопорности языка (в притчах), обращение к русской истории (в трагедиях) и т. д.

VI

Имея от природы характер раздражительный, будучи очень нервным человеком (у него был нервный тик), Сумароков в житейском и литературном отношении был личностью не очень приятной. Эти черты наложили известный инди-

видуальный отпечаток на его литературную деятельность. Этим, повидимому, можно объяснить большое количество полемических выступлений Сумарокова, его эпиграммы и пародии. Однако несомненно, что в целом позиция Сумарокова — политическая и литературная — была определена требованиями, выдвинутыми в середине XVIII века историей перед дворянством России как правящим классом. Именно эта историческая необходимость продиктовала дворянскую «идейность» поэзии Сумарокова, внушила ему критическо-сатирическое отношение к дворянско-бюрократической русской действительности, угрожавшей прочности позиций дворянства как господствующего класса.

В тогдашних условиях классовой борьбы в России критика крепостнического государства, даже с тех ограниченных позиций, на которых стоял Сумароков, имела положительное значение. Читатели Сумарокова из числа передовых дворян и из демократических слоев русского народа вкладывали в его критику более глубокое содержание, переосмысливали в демократическом направлении его дворянскую «идейность». Новиков, издавая свои антиекатерининские сатирические журналы, брал для них эпиграфы из притч Сумарокова — «Они работают, а вы их труд ядите» и «Опасно наставленье строго, Где зверства и безумства много», — вкладывая в эти стихи, имевшие у Сумарокова чисто литературное содержание (см. ниже примечания к притчам «Жуки и пчелы» и «Сатир и Гнусные люди»),

более резкий, антикрепостнический смысл. Радищев вообще очень высоко ставил Сумарокова, называл его «отменным стихотворцем»; говоря о заслугах Ломоносова перед русской культурой, Радищев с особенной подчеркнутостью отметил: «Великий муж может родить великого мужа; и се венец твой победоносный. О! Ломоносов, ты произвел Сумарокова».[1]

Горячо любя родной язык и гордясь его красотой и богатством, Сумароков искренне негодовал, видя со стороны дворян пренебрежение к русскому языку и предпочтение языка французского. Он написал на эту тему ряд притч («Шалунья», «Порча языка» и др.), сатиру «О французском языке»; в комедии «Пустая ссора» поместил карикатурно-пародийный диалог «петиметра» Дюлижа и «петиметерки» Деламиды, представляющий резко сатирическое осмеяние русско-французского жаргона придворного дворянства 1740—1750-х годов.

Большое значение имела разработка Сумароковым русского литературного языка. Не обладая той школьной образованностью, которая отличала Тредиаковского и Ломоносова и которая основывалась на глубоком и серьезном изучении церковных книг, Сумароков пользовался в своем творчестве обыкновенным разговорным языком культурного столичного дворянства. Он свободно

---

1 А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву (Слово о Ломоносове). — Избранные сочинения. М., ГИХЛ, 1952, стр. 196.

нарушал устаревшие к тому времени нормы славянского языка, ставил русские ударения и окончания там, где, по мнению Тредиаковского, это было проявлением литературной необразованности и «площадного употребления». Тредиаковский упрекал Сумарокова за то, что тот писал «дальне́йший», а не «да́льнейший», «разру́шен», а не «разруше́н», «кляну», а не «клену», «красы безвестной», а не «красы безвестныя» и т. д. Когда читаешь произведения Сумарокова, в особенности его стихи, создается прочное впечатление, что они написаны более близким к нашему времени литературным языком, чем даже язык Ломоносова, не говоря уже о языке Тредиаковского.

Пушкин, при всем своем отрицательном отношении к художественной ценности наследия Сумарокова, писал: «Сумароков прекрасно знал по-русски (лучше, нежели Ломоносов)», а в другом месте повторил ту же мысль в более развернутой форме: «Сумароков лучше знал русский язык, нежели Ломоносов, и его критики (в грамматическом отношении) основательны».[1] В этом противопоставлении Пушкиным Сумарокова Ломоносову есть, несомненно, элемент преувеличения, но в одном отношении Пушкин был прав: живой литературный русский язык Сумароков знал прекрасно, и изучение языка Сумарокова может принести некоторую пользу и сейчас.

---

1 Пушкин-критик. Составление и примечания Н. В. Богословского. М., 1950, стр. 147 и 127.

Справедливо считая, что

Прекрасный наш язык способен ко всему,

Сумароков практически стремился доказать это, писал во всех возможных в то время литературных жанрах, ставя своей целью обогащение русской литературы. Много было в этом ребяческого желания во всем быть первым, быть «отцом российского стихотворства». Однако в основе этого тщеславия лежала глубокая оценка Сумароковым общественного значения литературы, глубокое понимание воспитательной роли литературы. Пушкин как заслугу его отмечал, что в ту пору невежества и пренебрежения к литературе «Сумароков требовал уважения к стихотворству». [1]

В творчестве Сумарокова, во всей его литературной деятельности было много противоречий, были элементы прогрессивные наряду с классово ограниченным, реакционным содержанием. Не закрывая глаза на эти противоречия, на дворянскую классовую ограниченность наследия Сумарокова, советская литературная наука берет положительное в его литературном творчестве и воздает ему должную историческую оценку.

П. Н. Берков

---

[1] Пушкин-критик. Составление и примечания Н. В. Богословского. М., 1950, стр. 127.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Оды торжественные

ОДА ИМПЕРАТРИЦЕ ЕЛИСАВЕТЕ ПЕТРОВНЕ
25 НОЯБРЯ 1743 ГОДА

Оставим брани и победы,
Кровавый меч приял покой.
Покойтесь, мирные соседы,
И защищайтесь сей рукой,
Которая единым взмахом
Сильна повергнуть грады прахом,
Как дерзость свой подымет рог.
Пускай Гомер богов умножит,
Сия рука их всех низложит
К подножию монарших ног.

О! дерзка мысль, куды взлетаешь,
Куды возносишь пленный ум?
Елисавет изображаешь.
Ея дел славных громкий шум
Гремит во всех концах вселенны,
И тщетно мысли восхищенны.
Известны уж ея хвалы,
Уже и горы возвещают
Дела, что небеса пронзают,
Леса и гордые валы.

Взгляни в концы твоей державы,
Царица полунощных стран,
Весь север чтит твои уставы
До мест, что кончит океан,
До края областей безвестных,
Исполнен радостей всеместных,
Что ты Петров воздвигла прах,
Дела его возобновила
И дух его в себе вместила,
Являя свету прежний страх.

Стенал по нем сей град священный,
Ревел великий океан,
В последний облак восхищенный
Лишен, кому он в область дан,
И в норде флот его прославил,
В которых он три флота правил,
Своей рукой являя путь.
Борей бесстрашно дерзновенный,
В воздушных узах заключенный
Не смел прервать оков и дуть.

Ударом нестерпима Рока
Бунтует воин в страшный час.
Отдай Петра, о смерть жестока,
И воружись противу нас.
Хотя воздвигни все стихии
И воружи против России —
Пойдем против громовых туч.
Но тщетно горесть гнев рождала
И ярость воинов терзала:
Сокрыло солнце красный луч.

Тобой восшел наш луч полдневный
На мрачный прежде горизонт,
Тобой разрушен облак гневный,
Свирепы звезды пали в понт.
Ты днесь фортуну нам пленила
И грозный рок остановила,
В единый миг своей рукой
Объяла все свои границы.
Се дело днесь одной девицы
Полсвету возвратить покой.

Отверзлась вечность, все герои
Предстали во уме моем,
Падут восточных стран днесь вои,
Скончавшись в мужестве своем,
Когда Беллона стрелы мещет
И Александр в победах блещет,
Идущ в Индийские страны,
И мнит, достигнув край вселенны,
Направить мысли устремленны
Противу солнца и луны.

На Вавилон свой меч подъемлет
К стенам его идущий Кир,
Весь свет его законы внемлет,
Пленил Восток и правит мир.
Се ищет Греция Елены
И вержет Илионски стены,
Покрыл брега Скамандры дым,
Помпей едину жизнь спасает,
Когда Иулий смерть бросает
И емлет в область свет и Рим.

Не вижу никакия славы,
Одна реками кровь течет,
Алчба всемирныя державы
В своих перунах смерть несет,
Встают народы на народы,
И кроет месть Пергамски воды:
Похвальный греков главный царь,
Чего гнушаются и звери,
Проливши кровь любезной дщери,
Для мщения багрит олтарь.

Но здесь воинский звук ужасный,
Подвластен деве, днесь молчит,
Един в победе вопль согласный
С Петровым именем гремит.
В покое град, леса и горы,
С покоем нимфы ждут Авроры.
Едина лишь Елисавет,
Исполненная днесь любови,
Брежет своих подданных крови
И в тихости свой скиптр берет.

Еще тень небо покрывает,
Еще луна в звездах горит,
Прекрасно солнце отдыхает,
И луч его в валах сокрыт.
Россия ж вся уже встречает
Владычицу, что бог венчает.
Се бурный вихрь реветь престал,
Теперь девическая сила
Полсвета скиптру покорила,
Ниспал из облак гневный вал.

Великий понт, что мир объемлет
И в полы круг земный делит,
Тобою нашу славу внемлет
И уж в концах земли гремит.
Балтийский брег днесь ощущает,
Что морем паки Петр владает
И вся под ним земля дрожит.
Нептун ему свой скиптр вручает
И с страхом Невский флот встречает,
Что мимо Белтских гор бежит.

На грозный вал поставив ногу,
Пошел меж шумных водных недр
И, положив в морях дорогу,
Во область взял валы и ветр,
Простер премудрую зеницу
И на водах свою десницу,
Подвигнул страхом глубину,
Пучина власть его познала,
И вся земля вострепетала,
Тритоны вспели песнь ему.

Тобою правда днесь сияет,
И милосердие цветет,
Щедрота скипетром владает
И всех сердца к тебе влечет.
Тобой дал плод песок бесплодный,
И камень дал источник водный,
Ты буре повелела стать
И тишину установила,
Когда волна брега ломила
И возвратила ветры вспять.

Твоя хвала днесь возрастает,
Подобно как из земных недр,
До облак всходит и скрывает
Высоки горы тенью кедр,
До рек свой корень простирая
И листвие в валы бросая.
Твой гром колеблет небеса,
И молнья сферу рассекает,
Послушный ветр моря терзает,
Дают путь горы и леса.

Ты все успехи предварила,
Желанию подав конец,
И плач наш в радость обратила,
Расторгнув скорби днесь сердец.
О вы, места красы безвестной,
Склоните ныне верх небесной,
Да взыдет наш гремящий глас
В дальнейшие пространства селы,
Пронзив последние пределы,
К престолу божьему в сей час.

О боже, восхотев прославить
Императрицу ради нас,
Вселенну рушить и восставить
Тебе в один удобно час,
Тебе судьбы суть все подвластны,
Внемли вопящих вопль согласный —
Перемени днесь естество,
Умножь сея девицы леты,
Яви во днях Елисаветы
Колико может божество.

ОДА, СОЧИНЕННАЯ В ПЕРВЫЕ ЛЕТА МОЕГО ВО СТИХОТВОРЕНИИ УПРАЖНЕНИЯ

Вперяюся в премены мира
И разных лет и разных стран:
Взыграй сие, моя мне лира,
И счастья шаткого обман,
И несколько хотя исчисли
Людей тщеславных праздны мысли
Тех смертных, коих праха нет,
Которы в ярости метались
И только в книгах лишь остались,
Поделав миллионы бед.

Царя прославити навеки,
Себе достойной ждуще мзды,
Идут в концы вселенной греки
В Семирамидины следы;
И где войск храбрых сила зрится,
Тут и победа с нею мчится.
Как воздух молния сечет
И пламень громы предвещает,
Так острый меч в полях сверкает,
И Азия попранья ждет.

Тя гордость, суеты любитель,
В страны Индийски позвала,
Тебя, покоя разоритель,
Тщета в край света завела.
Коль смерть бы мало опоздала
Скончать твой век, земля бы стала
Театром греческих темниц.
Ты б из последних стран сих вскоре
Пошел в пространнейшее море
Искать неведомых границ.

И тамо, где еще безвестны
Законы, боги и цари,
Из смертных никому невместны,
Себе б поставил олтари.
Но что прохожий возвещает,
Когда он прах твой попирает?
«Здесь, под ногой моей лежит
Той, кем вся Азия тряслася,
Чья слава выше звезд неслася,
В пещеру, в снедь червям, зарыт».

Забудь заразы Брисенды,
Уставы исполняй судьбин!
Дай зрети, что ты сын Фетиды,
Прогневанный богинин сын!
Пусть гордый Илион валится,
Пускай Скамандрин брег дымится
И хищник примет горьку часть!
Коль спартская княжна прекрасна,
Ты толь, о Фригия, несчастна!
Твоя неправдой пала власть!

Отец героев, муз любитель,
Честь вечна жителям своим,
Всея вселенной повелитель,
О ты, великолепный Рим!
Рождайся и главу подъемли!
Ликуйте, Италийски земли!
Се муж, с Эолом брань творящ,
Гонимый яростью Юноны,
Несет на Тибр свои законы,
Средьземно море преходящ.

Пришел, его оружье блещет,
Кладет начало ваших сил.
Весь мир так вами вострепещет,
Как Турка трепет поразил.
До разрушения покоя
Что ты была, огромна Троя?
Была всей Азии краса.
Но как стопы в валы направил,
Эней! каков сей град оставил
Ты после грозного часа?

Там башни пеплом покровенны,
Дом царский грудами лежит,
Жилищи, храмы разрушенны,
И Ксанф в пустых местах шумит.
Когда, о Троя, ты пылала
И искры в облака бросала,
Вещая миру свой конец,
Вверх огненные реки льючи,
Вещала ль ты сквозь дымны тучи
Любовь двух дерзостных сердец?

Морями Тибр повелевает,
Венчан величеством с тобой,
От гор твоих устав внимает,
О Рим! страшась, весь круг земной.
Дидонины низверглись стены,
И пала область Карфагены,
Где прежде воздыхал Эней.
Он, сердце покорив царицы,
Простер за понт свои границы,
В потомках возвратился к ней.

Не странствуя блудящ водами,
Любовник твой к тебе пришел,
Не ищет суши меж волнами,
К жилищу обрести предел,
Разверзя глубины утробу,
Не плакать шествует ко гробу,
Где твой, Дидона, тлеет прах.
Скончалося его стенанье:
Идет твое рассыпать зданье
И пышный град погресть в валах.

Тебе прехвальные победы,
Италия, приносят плод.
В тех были днях твои соседы —
Один Нептун и дик народ.
Взнесенна на престол высоко,
Куды ни простирала око,
Все зрела ниже ты себя,
Все царствы зрела под ногами.
Римлян род смертных чтил богами
И матерью богов тебя

Филиппов сын, когда корона
Сияла на главе его,
Слыть сыном восхотел Аммона
Среди народа своего.
Навходоносор в счастье многом
Возмнил себя почтити богом.
До звезд ты, гордость, возросла!
О лесть, душ подлых жертва
смертным,
Куды ты прославленьем тщетным
Геройски имена взнесла!

Когда вселенна трепетала,
Со страхом твой храня устав,
Так мнила, как хвалы сплетала,
Римлян богами почитав.
Твой град победой украшался
И ложных сих имен гнушался,
Которы мир ему давал,
Его судьбиной ослепленный.
Он, внемля глас сей дерзновенный,
Ту честь на небо воссылал.

Дух слабый прямо помышляет,
То так зря в счастье тьму чудес,
И робость сильну власть равняет
С превышней властию небес.
Там Македонин — сын Аммона,
Там бог — владыко Вавилона.
Сбылся царя стран Мидских сон.
На дщерь его причина гнева:
Восток покрылся тенью древа —
И пал великий Вавилон.

Ерусалима разоритель,
Воззри, где твой престол стоял!
Ты мертв, о гордый повелитель,
Божественный твой трон упал.
Израиль плен свой покидает
И храм свой паки созидает.
Когда лишился ты венца
И с жизнью власть твоя скончалась,
Куды лесть грубая девалась,
Которой не было конца?

Народ стран прежде неизвестных,
Живущ при солнечных вратах,
Ты мнил, что жителей небесных
В крылатых градах на водах,
Что молнией повелевают
И гром из рук своих бросают,
Твои смятенны очи зрят!
Не распознал людей с богами,
Которы вашими брегами
И вами овладеть хотят.

Касаются бессмертны суши,
Котору лютость им дала,
Хотят очистить смертных души
И поражают их тела.
В руке святые держат правы,
Блаженство истинныя славы,
Смиренным мзду и казни злым,
В другой остр меч и возвещающ,
Что ближним счастия желающ,
Подобно как себе самим.

Прибытка, счастия и славы
Основан в истине предел.
Блаженства твердыя державы,
Благих побед, великих дел, —
Не сила, ум един содетель,
Хранящий в сердце добродетель.
Пусть меч рвет области из рук,
Огнь в пепел грады рассыпает
И крепки горы разрывает, —
В неправде то единый звук.

ОДА ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ[1]

В ДЕНЬ ЕЯ ВСЕВЫСОЧАЙШЕГО РОЖДЕНИЯ, ТОРЖЕСТВУЕМОГО 1755 ГОДА ДЕКАБРЯ 18 ДНЯ

Благословенны наши лета;
Ликуй, блаженная страна;
В сей день тебе Елисавета
Всевышним и Петром дана.
Источник празднуя судьбине,
Возрадуйтесь, народы, ныне,
Где сей царицы щедра власть.
О день, исполненный утехи!
Великого Петра успехи
Тобою славят нашу часть.

Ты наше время наслаждаешь,
Тобою Россов век цветет,
Ты новы силы в нас рождаешь,
Тобой прекраснее стал свет.
Презренны сих времен морозы,
Нам мнятся на полях быть розы,
И мнится, что растут плоды;
Играют реки с берегами,
Забвен под нашими ногами
Окаменелый ток воды.

---

1 Елизавете Петровне.

Богиня красотою тела,
Души подобно красотой,
Богатством своего предела
И обладанья широтой,
Ты наше счастье вожделенно,
Ты нами царствуешь смиренно,
Ты нам владычица и мать;
К тебе в любви Россия тает,
Вселенна трон твой почитает,
Враги страшатся восставать.

Не ищешь ты войны кровавой
И подданных своих щадишь,
Довольствуясь своею славой,
Спокойства смертных не вредишь.
Покойтесь, Русских стран соседы;
На что прославленной победы
И грады превращати в прах?
Седящия на сем престоле
Нельзя хвалы умножить боле,
Ни света усугубить страх.

Императрица возвещает,
Уставы истины храня:
«Кто в сердце дерзость ощущает
Восстать когда против меня,
Смирю рушителей покою,
Сломлю рог гордый сей рукою,
Покрою войском горизонт;
Отверстое увидит вскоре
Петровой дщери силу море:
Покрою в гневе флотом понт».

Над ними будешь ты царица,
Наложишь на противных дань.
Воздвигни меч, императрица,
Когда потребна будет брань!
Пред войском твой штандарт увидев,
Мы, тихий век возненавидев,
Забудем роскошь, род и дом:
Последуя монаршей воле,
Наступим на Полтавско поле.
Бросай из рук девичьих гром.

Тогда сей год возобновится,
В который в чреве ты была,
И паки пламень возгорится
Против на нас восставша зла.
Ужасна ты была во чреве,
Ужасней будешь ты во гневе:
Ты будешь верность нашу зреть.
Восстаньте, разных стран народы,
Бунтуйте, воздух, огнь и воды!
Пойдем пленить или умреть.

Пожжем леса, рассыплем грады,
Пучину бурну возмутим.
Иныя от тебя награды
За ревность мы не восхотим,
Чтоб ты лишь перстом указала
И войску своему сказала:
«Достойны Россами вы слыть».
О дщерь великому Герою!
Готовы мы итти под Трою
И грозный океан преплыть.

Внимаю звуки я тогдашни:
Се бомбы в облака летят,
Подкопы воздымают башни,
На воздух преисподню мчат.
Куда ни хочет удалиться,
Не может неприятель скрыться;
На суше смерть и на водах.
Несется страх в полках смятенных,
Уже Россиян разъяренных
На градских вижу я стенах.

Но днесь, народа храбра племя,
Ты в мысли пребывай иной:
Забудь могущее быть время
И наслаждайся тишиной.
Вспевайте, птички, песни складно,
Дышите, ветры, вы прохладно,
Целуй любезную, зефир;
Она листочки преклоняет,
Тебя подобно обоняет,
Изображая сладкий мир.

На нивах весело порхает
И в жирных пелепел травах,
И земледелец отдыхает,
На мягких лежа муравах;
Не слышны громы здесь Беллоны,
Не делают тревоги стоны,
Нет плача вдов и бед сирот.
Драгой довольствуяся частью,
Живя под милосердой властью,
О коль ты счастлив, Россов род!

С разверстием свирепа зева
Бежит из рощей алчный зверь,
За ним стремится храбра дева,
Диана, иль Петрова дщерь;
Девица красотою блещет
И мужественно стрелы мещет.
Но кое здание зрю там!
И что, мои пленяя взоры,
Мне тамо представляют горы?
Диана, твой Эфесский храм.

Покойся, града удаленна,
В прекрасных зданиях ты сих
И, тьмою дел отягощенна,
Покойся по трудах своих.
Полночны ветры, отлетайте,
Луга, вседневно процветайте,
А ты тверди наш, эхо, глас:
Мы счастливые человеки;
Златые возвращенны веки
Елисаветой ради нас.

Оттоль, монархиня, взираешь
На град Петров, на свой престол
И как ты взоры простираешь,
Твои слова сей слышит дол:
«В сем месте было прежде блато,
Теперь сияет тамо злато
На башнях счастия творца;
Нева средь пышна града льется,
И с нею во весь мир несется
Шум славы моего отца».

В сем твой родитель вертограде
Для нас науки насадил:
В великолепном сем он граде
Жилище музам учредил.
Премудрость отворила двери
Петру и для Петровой дщери
Во храм сокровищей своих.
Ступайте, Россы, просвещайтесь,
Ея дарами насыщайтесь,
Вкушайте к пользе сладость их.

Елисавет, Москва страдала
В прехвальной зависти своей,
Наук подобно ожидала
В покрове милости твоей.
Уже, Российская столица,
Воспомнила императрица
Твое довольствие начать.
О матерь своего народа!
Тебя произвела природа
Дела Петровы окончать.

Дивится грому вся вселенна,
Твое оружие внемля,
Победа нам определенна,
Тебя страшится вся земля.
Промчится в превеликих звуках
О наших слава так науках
И всю Европу удивит.
Твоя сияюща корона
В России Локка и Невтона
И всех премудрых оживит.

Смешайтесь, токи Иппокрены,
Вы с чистой гордою Невой,
Плещите вы в Московски стены,
Смесившися с ея водой.
В далекие пределы света,
Как царствует Елисавета,
Гласи, Российский Геликон:
Сего тебе довольно слова,
Вещай лишь только: дочь Петрова,
Велика, такова, как он.

ОДА ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ ЕКАТЕРИНЕ ВТОРОЙ
НА ДЕНЬ ЕЯ ТЕЗОИМЕНИТСТВА 1762 ГОДА НОЯБРЯ 24 ДНЯ

Во все пространные границы
К Екатерининым сынам
Воззри с горящей колесницы,
Воззри с небес, о солнце, к нам;
Будь нашей радости свидетель,
И кая ныне добродетель
Российский украшает трон;
Подобье види райску крину,
Красу держав, красу корон,
Премудрую Екатерину.

И, луч пуская раскаленной,
Блистая, прогоняя тень,
Лети и возвещай вселенной
Сей полный радостию день!
О день, день имени преславна!
Да будет радость наша явна
Везде, где солнце пролетит,
Куда ни спустит быстры взоры,
И где оно ни осветит
Моря, леса, долины, горы!

Ликуй, Российская держава!
Мир, наше счастие внемли!
А ты, Екатерины слава,
Гласись вовек по всей земли!
Чего желать России боле?
Минерва на ея престоле,
Щедрота царствует над ней!
Астрея с небеси спустилась
И в прежней красоте своей
На землю паки возвратилась.

И се фортуна обновляет
Спокойствие и тишину,
Златые дни восстановляет,
Зло вержет в адску глубину.
Законы тверды ныне стали,
Грабители вострепетали:
Исчезнет лихоимства труд;
В порфире правосудье блещет;
Страшна вина, не страшен суд:
Судим, невинный не трепещет.

Лучом багряным землю кроя,
Судьба являет чудеса:
Разверзлось небо, зрю Героя,
Восшедшего на небеса;
Российский славный обладатель
И града Невского создатель
Уставы чтет судьбины там;
Богиня таинство вверяет;
Монарх ту тайну сим местам
В восторге духа повторяет.

Среди осмьнадесята века
Россия ангела найдет,
А он во плоти человека
На славный трон ея взойдет,
И в образе жены прекрасной
Воззысится хвалой согласной
И действом до краев небес:
Екатериной наречется.
Бог ангела на трон вознес —
По всей вселенной слух промчется.

Нагая правда не зардится
В природной пышной красоте,
Невежество не возгордится
Во грубой, наглой простоте,
В учение народы вникнут,
Великолепствовать обыкнут
Красою только хвальных дел,
И Росский, пользу умножая,
Наполнят радостьми предел,
Императрице подражая.

Горят и верностью пылают,
Пылают наши к ней сердца;
Уста молитвы воссылают
Ко трону господа творца:
«Благословляй Екатерину!»
«Я сей молитвы не отрину», —
Вещает царь небесных стран.
Природа бурей восшумела,
Потрясся вихрем океан,
Подсолнечная возгремела.

ОДА ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ ЕКАТЕРИНЕ ВТОРОЙ
НА ДЕНЬ ЕЯ РОЖДЕНИЯ 1768 ГОДА АПРЕЛЯ 21 ДНЯ

Возыграйте, струны лиры;
Возбуждает Феб от сна.
Вейте, тихие зефиры;
Возвращается весна:
День предшествует огромный,
Оживляя воздух томный,
Флора, царству твоему.
Как тебе, богиня, крины,
Так дела Екатерины
Счастье северу всему.

Ты в сей день, императрица,
Зрела в первый раз на свет,
И всевышняя десница
Орошала райский цвет;
Злоба челюсти терзала,
Как судьбина отверзала
Двери во Фортуны храм;
Растворились двери пышны,
В небе восклицанья слышны:
«Россы, дар сей бог дал вам!»

Тако возвещали духи,
Трон носящи на крылах,
Ниспуская Россам слухи,
Восклицая в небесах,
И оттоле многи лета
Глас сей чрез пределы света
Резче к нам стрелы летел;
Внемлют оно Невски воды,
И исполнили народы,
Нам чего творец хотел.

Бог пречудно помогает
Нам во злейши времена
И с отчаянных слагает
Возложенны бремена;
Тако, бурю ненавидя,
Мореплаватель, увидя
Пристань и покойный брег,
Сколько в море он тоскует,
Столько в пристани ликует,
Окончав опасный бег.

Разум мой восторжен ныне,
Любопытствие пленя:
В сердце зря Екатерине,
Извещает он меня,
Что она на троне мыслит,
Как часы владенья числит,
Жертвуя своей судьбе.
Душу зря необычайну
Я сию, Россия, тайну
Открываю днесь тебе.

Мыслит так о славе трона:
«Мне обширная страна
К исправлению закона
От небес поручена.
Я во дни моей державы
Не ищу иной забавы,
Кроме счастия людей.
Всё, что можно, в них исправлю,
Пользу им и честь оставлю
Диадиме я своей.

Океана ветром волны
Взносятся превыше гор;
Мысли, общей пользы полны, —
Нашей высоты подпор;
Скипетр — дело невелико,
Если оного владыко
Благом ставит только блеск;
Царско имя устрашает:
Коль оно не утешает —
Тщетен и народный плеск.

Мне сие в трудах отрада,
Сей хочу я плеск примать,
Что в России все мне чада,
Что в России всем я мать.
О мои любезны дети!
То ласкает мя владети,
Что вы любите меня;
В чем вам польза, то мне славно;
Вас и я люблю вам равно,
Должность матери храня».

Се, что сердце в ней находит,
В утро, в вечер, в день и в ночь
На минуту не отходит
Мысль от ней такая прочь.
В нашем ты внемли ответе:
Для тебя мы жить на свете,
Для тебя умреть хотим.
За свою мы мать любезну,
В пламень, в пропасти и в бездну,
Яко Курций, полетим.

Ты, Россия, побеждала
Неприятелей своих,
Тверды грады осаждала,
Претворяя в пепел их.
Кровь тогда лилась реками,
Дым казался облаками,
Воздух выл и трясся понт,
Стрелы Зевсовы летали,
Молнии во мгле блистали,
Колебался горизонт.

Вся с победами та слава
Во блаженной сей судьбе
При рушении устава
Ах! не пользует тебе;
Слава с стоном несогласна,
Если жизнь небезопасна,
И имение, и честь;
Где мздоимство обитает,
Яко снег, там правда тает,
Тщится суд неправду плесть.

В томну грудь бия руками,
В горести вседневно бдя,
С распущенными власами,
Очи к трону возводя,
К нижней трона пад ступени,
Пред богиней на колени
Се империя падет.
«Зри мои потоки слезны,
Дай законы мне полезны», —
Так Россия вопиет.

Соответствуй общей доле,
Сонм достойнейших людей,
И монаршей мудрой воле
К наставлению судей,
О сладчайше упованье,
Соверши скоряй желанье
Наших алчущих сердец:
Украси сию державу,
Вознеси богини славу
Выше солнца наконец!

ПРОТИВУ ЗЛОДЕЕВ

На морских берегах я сижу,
Не в пространное море гляжу,
Но на небо глаза возвожу.
На врагов, кои мучат нахально,
Стон пуская в селение дально,
Сердце жалобы взносит печально.
Милосердие мне сотвори,
Празосудное небо, воззри
И все действа мои разбери!
Во всей жизни минуту я кажду
Утесняюсь, гонимый, и стражду,
Многократно я алчу и жажду.
Иль на свет я рожден для того,
Чтоб гоним был, не знав для чего,
И не трогал мой стон никого?
Мной тоска день и ночь обладает,
Как змея мое сердце съядает,
Томно сердце всечасно рыдает.
Иль не будет напастям конца?
Вопию ко престолу творца:
Умягчи, боже, злые сердца!

ЧАСЫ

Суетен будешь
Ты, человек,
Если забудешь
Краткий свой век.
Время проходит,
Время летит,
Время проводит
Все, что ни льстит.
Счастье, забава,
Светлость корон,
Пышность и слава —
Все только сон.
Как ударяет
Колокол час,
Он повторяет
Звоном сей глас:
«Смертный, будь ниже
В жизни ты сей;
Стал ты поближе
К смерти своей!»

ОДА

Всё в пустом лишь только цвете,
Что ни видим — суета.
Добродетель, ты на свете
Нам едина красота!
Кто страстям себя вверяет,
Только время он теряет
И ругательства влечет;
В той бесчестие забаве,
Кая непричастна славе;
Счастье с славою течет.

Чувствуют сердца то наши,
Что природа нам дала;
Строги стоики! не ваши
Проповедую дела.
Я забав не отметаю,
Выше смертных не взлетаю,
Беззакония бегу
И, когда его где вижу,
Паче смерти ненавижу
И молчати не могу.

Смертным слабости природны,
Трудно сердцу повелеть,

И старания бесплодны
Всю природу одолеть,
А неправда с перва века
Никогда для человека
От судьбины не дана;
Если честность мы имеем,
Побеждать ее умеем,
Не вселится в нас она.

Не с пристрастием, но здраво
Рассуждайте обо всем;
Предпишите оно право,
Утверждайтеся на нем:
Не желай другому доли
Никакой, противу воли,
Тако, будто бы себе.
Беспорочна добродетель,
Совести твоей свидетель,
Правда — судия тебе.

Не люби злодейства, лести,
Сребролюбие гони;
Жертвуй всем и жизнью — чести,
Посвящая все ей дни:
К вечности наш век дорога;
Помни ты себя и бога,
Гласу истины внемли;
Дух не будет вечно в теле;
Возвратимся все отселе
Скоро в недра мы земли.

ГИМН
О ПРЕМУДРОСТИ БОЖИЕЙ В СОЛНЦЕ

Светило гордое, всего питатель мира,
Блистающее к нам с небесной высоты!
О, если бы взыграть могла моя мне лира
Твои достойно красоты!

Но трудно на лицо твое воззрети оку;
Трудняе нам еще постигнути тебя;
Погружено творцом ты в бездну преглубоку,
Во мраке зря густом себя.

Вострепетала тьма, лишь только луч пустился;
Лишь только в вышине подвигнулся небес,
Горящею стрелой дом смертных осветился,
И мрак перед тобой исчез.

О солнце, ты — живот и красота природы,
Источник вечности и образ божества!
Тобой жива земля, жив воздух, живы воды,
Душа времен и вещества!

Чистейший бурный огнь, лампада перед вечным,
Пылающе пред ним из темноты густой,
Волнующаяся стремленьем быстротечным,
Висяща в широте пустой!

Тобою всякое дыханье ликовствует,
Встречает радостно лицо твое вся тварь,
Пришествие твое вседневно торжествует;
Небесных тел ты — вождь и царь!

Объемля взором всю пространную державу,
Вовеки бодро бдя, не дремля николи,
Великолепствуя, вещаешь божью славу,
Хваля творца по всей земли.

ОДА К М. М. ХЕРАСЬКОВУ

Среди игры, среди забавы,
Среди благополучных дней,
Среди богатства, чести, славы
И в полной радости своей,
Что всё сие, как дым, преходит,
Природа к смерти нас приводит,
Воспоминай, о человек!
Умрешь, хоть смерти ненавидишь,
И всё, что ты теперь ни видишь,
Исчезнет от тебя навек.

Покинешь матерню утробу —
Твой первый глас есть горький стон,
И, исходя отсель ко гробу,
Исходишь ты, стеня, и вон;
Предписано то смертных части,
Чтоб ты прошел беды, напасти
И разны мира суеты,
Вкусил бы горесть ты и сладость,
Печаль, утеху, грусть и радость
И всё бы то окончил ты.

Во всем на свете сем премена,
И всё непостоянно в нем,
И всё составлено из тлена:

Не зрим мы твердости ни в чем;
Пременой естество играет,
Оно дарует, отбирает;
Свет — только образ колеса.
Не грянет гром, и ветр не дохнет,
Земля падет, вода иссохнет,
И разрушатся небеса.

Зри, как животных гибнут роды,
На собственный свой род воззри,
Воззри на красоты природы
И коловратность разбери.
Зимой луга покрыты снегом,
Река спрягается со брегом,
Творя из струй крепчайший мост;
Прекрасны, благовонны розы
Едины оставляют лозы
И обнаженный только грозд.

Почтем мы жизнь и свет мечтою;
Что мы ни делаем, то сон,
Живем, родимся с суетою,
Из света с ней выходим вон,
Достигнем роскоши, забавы,
Великолепия и славы,
Пройдем печаль, досаду, страх,
Достигнем крайнего богатства,
Преодолеем все препятства
И после превратимся в прах.

Умерим мы страстей пыланье;
О чем излишне нам тужить?

Оставим лишнее желанье;
Не вечно нам на свете жить.
От смерти убежать не можно,
Умрети смертным неотложно
И свет покинуть навсегда.
На свете жизни нет миляе,
И нет на свете смерти зляе, —
Но смерть — последняя беда.

ИЗ 145 ПСАЛМА

Не уповайте на князей;
Они рожденны от людей,
И всяк по естеству на свете честью равен,
Земля родит, земля пожрет:
Рожденный всяк, рожден умрет,
Богат и нищ, презрен и славен.

Тогда исчезнут лести те,
Которы данны суете,
И чем гордилися бесстыдно человеки,
Скончаются их кратки дни,
И вечно протекут они,
Как гордые, шумя, текущи быстро реки.

Когда из них изыдет дух,
О них пребудет только слух,
Лежащих у земли бесчувственно в утробе:
Лишатся гордостей своих,
Погибнут помышленья их,
И пышны титла все сокроются во гробе.

ГИМН ВЕНЕРЕ

(сафическим стопосложением)

Не противлюсь сильной, богиня, власти;
Отвращай лишь только любви напасти.
Взор прельстив, мой разум ты весь пленила,
Сердце склонила.

Хоть страшимся к жизни прейти мятежной,
Произвольно жертвуем страсти нежной.
Ты пространной всею вселенной правишь,
Праздности славишь.

Кои подают от тебя успехи,
Можно ли изъяснить сии утехи:
Всяк об оных, ясно хоть ощущает,
Темно вещает.

Из сего мне века не сделай слезна;
Паче мне драгая всего любезна:
Я для той единой лишь, кем пылаю,
Жизни желаю.

Дух мой с нею, радуясь, обитает,
Кровь моя возлюблéнным взором тает.
Я живу подвластен в такой неволе
Счáстливым боле.

Всё тогда, как с ней, веселясь, бываю,
Удаленный шума, позабываю.
В восхищеньи чувствую жизни сладость,
Крайнюю радость.

Кем горю, я мыслю о ней единой,
И доволен ныне своей судьбиной;
Сердце полно жаром к кому имею,
Тою владею.

ОДА АНАКРЕОНТИЧЕСКАЯ

Пляскою своей, любезна,
Разжигай мое ты сердце,
Пением своим приятным
Умножай мою горячность.
Моему, мой свет, ты взору,
Что ни делаешь, прелестна.
Всё любовь мою питает
И мое веселье множит.
Обольщай мои ты очи,
Пой, пляши, играй со мною.
Бей в ладони и, вертяся,
Ты руками подпирайся.
Руки я твои прекрасны
Целовал неоднократно:
Мной бесчисленно целован
Всякой рук твоих и палец.

ОДА АНАКРЕОНТИЧЕСКАЯ

Завидны те мне розы,
Которы ты срываешь.
К чему тебе уборы:
Прекрасней быть не можешь!
Хотя не украшайся,
Дурняй ты быть не можешь!
Да что в твоем пригожстве,
Когда любви не знаешь
И знать ее не хочешь?
На то ль ты мне знакома,
Чтоб я любил так слепо,
А ты б была сурова,
А ты бы презирала
Того, который любит
Тебя всего на свете
И самой жизни боле?

ОДА САФИЧЕСКАЯ

Долго ль мучить будешь ты, грудь терзая?
Рань ты сердце сильно, его пронзая,
Рань меня ты, только не рань к несчастью,
Пленного страстью.

Зрак твой в мысли, властвуя, обитает,
Непрестанно сердце тобою тает;
Весь наполнен ум мой тобой единой,
Муки причиной.

Будь причиной, вместо того, утехи,
Воздыханья ты преврати мне в смехи,
Люты преврати мне печали в радость,
Горести в сладость!

Дай надежды сердцу, драгая, боле,
Облегченье тяжкой моей неволе.
Иль надежды тщетно себе желаю,
Тщетно пылаю.

Отгони ты прочь беспокойно время,
Сбрось с меня тобой возложенно бремя,
Премени, сложив сей тяжелый камень,
Хлад свой ты в пламень!

Будь хоть мало жару сему причастна,
Будь хоть меньше мной, как тобой я,
страстна,
Тай, моей ты нежности отвечая,
Взоры встречая.

Нет терпети больше страданья мочи;
Обрати ко мне дорогие очи
И введи меня ты из жизни слезной
В мысли любезной!

ОДА ГОРАЦИАНСКАЯ

Скажи свое веселье, Нева, ты мне,
Что сталося за счастие сей стране?
Здесь молния, играя, блещет,
Радостны громы селитра мещет.

Глашу по всем местам, разнося трубой
Вселенной нову весть, о Нева, с тобой:
Простерлося Петрово племя,
Россам продлится блаженно время.

Петров Екатерина умножить род
России принесла предражайший плод.
Ликуй, супруг, ликуй, супруга,
Радуйтесь, жители полукруга!

А ты, Елисавет, от земных сих мест
Благодарение воссылай до звезд;
Родитель твой остался с нами,
Царствовать Русскими ввек странами.

Благослови сей дар с небеси, наш бог,
Возвысь России чад славы вевеки рог,
Взнеси российскую корону
Ближе еще к своему ты трону!

Россия, торжествуй и хвали сей день:
Он превысокая для тебя степень;
Взлетай на верх огромной славы
С скипетром пышной твоей державы.

И ныне только ты рассмотри себя,
Увидишь ты, как Петр украсил тебя.
Хоть дни Петровы скоротечны,
Только заслуги пребудут вечны.

Взлетай полночных стран в облака, орел;
Враждебные народы, страшитесь стрел,
Которы Россов защищают
И дерзновение отомщают.

Оружие свое через горы, лес,
Чрез степи и моря Петр отсель пренес;
Разите с именем Петровым
Новою молнией, громом новым.

Посеянные им, возрастайте вы,
Науки, на брегах чистых вод Невы,
Труды Петровы, процветайте,
Музы, на севере обитайте.

Расти, порфирородный младенец, нам,
Расти, надежду вечну подай странам,
Расти в объятиях Елисаветы,
Вечной надежды сверши обеты.

Внимай родителей к наставленью глас,
Елисаветин ты исполняй приказ,
Читай Петрово ты владенье;
Будешь империи услажденье.

ОДА АНАКРЕОНТИЧЕСКАЯ
К ЕЛИСАВЕТЕ ВАСИЛЬЕВНЕ ХЕРАСЬКОВОЙ

Прелетите ко Московским
Вы, сии стихи, селеньям,
В дом Хераськова войдите
И предстаньте вы пред очи
Стихотворице Московской.
Не сердитеся вы, музы,
Что дерзну, стихи слагая,
Подражать Анакреонту,
Сладкому Анакреонту,
И писать его словами,
И его писати складом,
И его писати духом.
Грации его учили
Украшаться простотою.
О прекрасные богини,
Три прелестные девицы!
И меня вы научите
Простотою украшаться.
А Московскому Парнассу
Вы Хераськовой устами
От меня скажите это:
Чисти, чисти сколько можно
Ты свое стопосложенье,

И грамматики уставы
Наблюдай по крайней силе.
Чувствуй точно, мысли ясно,
Пой ты просто и согласно.
Я не критике касаюсь,
Не к тому мои слова,
Только то другим вещаю,
Что вещаю я себе.
Совершенство тщуся видеть
Древних греков и у нас
И, подобный их Парнассу,
В Петровой области Парнасс.
А ты, Хераськова, сему внимая слову,
Увидети в себе дай Россам Сафу нову.
Когда воспеть героев,
Когда гласить победы
Другому оставляешь,
Поди в луга зелены,
Поди к потокам водным,
Гуляй в приятных рощах
И слушай песни птичек,
Когда они Аврору
Согласно воспевают.
Воспой весну прекрасну
И сладкую свободу,
Воспой любви заразы,
Которы ощущаешь,
Любезного имея
И верного супруга,
Которому вручила

Свое ты нежно сердце,
Свою цветущу младость.
С тобой игры и смехи,
С тобой веселье, радость.
Имей в любви успехи
И чувствуй в ней утехи.

ДИФИРАМБ 1

Вижу будущие веки:
Дух мой в небо восхищен.
Русских стран, играйте, реки;
Дальный океан смущен:
В трепет приведен он нами,
В ужас вашими водами.

Ваше суетно препятство,
Ветры, нашим кораблям.
Рассыпается богатство
По твоим, Нева, брегам.
Бедны, пред России оком,
Запад с югом и востоком.

Горы злато изливают,
К нам сокровищи текут.
Степь народы покрывают,
Разны там плоды растут.
Где, леса, вы непроходны?
Где, пустыни, вы безводны?

Там, где звери обитали,
Обитают Россы днесь.

Там, где птицы не летали,
Градами покрыт край весь.
Где снега вовек не тают,
Там науки процветают.

Тщетно буря возвевает
Дерзкий рев из глубины.
Море новы открывает
Нам среди валов страны.
Наступают Россы пышно,
Имя их и тамо слышно.

Очи как ни обратятся,
Вижу страх, и Россы тут.
Стены твердые валятся,
Башни гордые падут.
Только солнце где блистает,
Наша слава там летает.

Разверзается мне боле
Высоты небесной вид:
Петр Великий к нам оттоле
Превеселым ликом зрит.
Зри исполненны утехи
В мире, Петр, свои успехи!

Основатель нашей славы,
О творец великих дел!
Зри в конце своей державы
И на счастливый предел;
Веселись своей судьбою,
Будем таковы тобою.

Петр Великий просвещает
Вдохновение сие:
Сбудется, с верхов вещает,
Привидение твое.
Трон мой тако вознесется,
И вселенна потрясется.

Воспеваю безопасно,
Вся подсолнечна, внемли.
Простирайся велегласно,
Речь моя, по всей земли!
Я глашу России тайну,
Честь народа чрезвычайну.

Насыщайся, Россов племя,
В оный век ты частью сей.
Зрите предсказанно время,
О потомки наших дней,
Плеском мир весь проницайте,
Радуйтесь и восклицайте!

ОДА

Долины, Волга, потопляя,
Себя в стремлении влечешь,
Брега различны окропляя,
Поспешно к устию течешь.

Ток видит твой в пути премены,
Противности и блага цепь;
Проходишь ты луга зелены,
Проходишь и песчану степь.

Век видит наш тому подобно
Различные в пути следы:
То время к радости способно,
Другое нам дает беды.

В Каспийские валы впадаешь,
Преславна мати многих рек,
И тамо в море пропадаешь, —
Во вечности и наш так век.

ОДА

Разумный человек
Умеренностию препровождает век,
К восторгу счастие премудрого не тронет,
В печалях он не стонет.

Хотя кто слез отерть,
Не тщится в горести вкусить и плача смерть;
Хотя кто в радости свой сладкой век проводит,
От смерти не уходит.

Смерть кончит наши дни,
Вселяются во гроб не бедные одни;
Богатства и чинов она не разбирает,
Всяк равно умирает.

Имея в головах
Подушки мягкие, на мягких муравах,
Доволясь овощми и вин Арарских соком, —
Скосимся общим роком.

Цветы пестрят луга,
И орошают вод потоки берега;
В сии места, доколь мы крепки и здоровы,
Сосуды нам готовы.

Наполним их вином,
Доколе мы еще на свете не уснем,
И мыслей от себя гоня о смерти бремя,
Почтим нам данно время.

Когда придет мороз,
Минется красота благоуханных роз.
Пусть время завсегда утехи нам приносит,
Доколе смерть не скосит.

Зеленые леса,
Долины чистые и ясны небеса,
Пригорки и сады, источники и реки
Оставим мы навеки.

Вода Невы течет
И в море навсегда свои струи влечет.
Струи сии от нас в минуты укатятся
И уж не возвратятся.

Что видим мы своим,
Не наше это всё, достанется другим.
Не будет больше нас, и будто бы нимало
Здесь нас и не бывало.

Героев и царей,
За добродетели достойных олтарей,
И в бедной хижине живущего убога
Берет отсель смерть строга.

Необходим сей страх,
И без изъятия в песке истлеет прах
Зарытого в лубках тогда в земной утробе
И в позлащенном гробе.

Когда судьба велит
И жребий нам во гроб итти определит —
Хотя сие и всем нам, смертным, неприятно, —
Отходим невозвратно.

И не спасет ничто
От смерти никого, родился только кто,
Кто прожил мало лет или жил лета многи —
Не обойдет сея дороги.

Надписи

К СТОЛПУ НА ПОЛТАВСКОМ ПОЛЕ

На сих полях имел сраженье с Карлом Петр
И шведов разметал, как прах бурливый ветр,
Вселенну устрашил Российскою державой
И шел отселе вспять с победою и славой.

К ДОМИКУ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

В пустынях хижинка состроена сия,
Не для затворника состроили ея:
В порфире, с скипетром, с державой и короной
Великий государь имел жилище в оной.
Льзя ль пышный было град сим домом обещать?
Никто не мог того в то время предвещать;
Но то исполнилось; стал город скоро в цвете...
Каков сей домик мал, так Петр велик на свете.

Гора содвигнулась, а место пременя
И видя своего стояния кончину,
Прешла Бальтийскую пучину
И пала под ноги Петрова здесь коня.

Сия гора не хлеб — из камня, не из теста,
И трудно сдвигнуться со своего ей места;
Однако сдвинулась, а место пременя,
Упала ко хвосту здесь медного коня.

Элегии

Уже ушли от нас играние и смехи;
Предай минувшие забвению утехи!
Дай власть свирепствовать жестоким временам;
Воспоминание часов веселых нам,
Часов, которые тобой меня прельщали
И красотой твоей все чувства восхищали,
В глубокой горести сугубит муки те,
Которы ты нашла в несчастной красоте.
Пусть будет лишь моя душа обремененна
И жизнь на вечные печали осужденна;
Пусть буду только я крушиться в сей любви,
А ты в спокойствии и в радостях живи.
О, в заблуждении безумное желанье!
Когда скончается тех дней воспоминанье
И простудит твою пылающую кровь,
Где денется тогда твоя ко мне любовь!
Но что мне помощи, что ты о мне вздыхаешь
И дни прошедшие со плачем вспоминаешь!
В претемном бедствии какую мысль приять!
Чего несчастному в смущении желать?
Мне кажется, как мы с тобою разлучились,
Что все противности на мя вооружились,
И ото всех сторон, стесненный дух томя,
Случаи лютые стремятся здесь на мя

И множат сердца боль в неисцелимой ране.
Так ветры шумные на гордом океане
Ревущею волной в корабль пресильно бьют
И воду с пеной, злясь, в него из бездны льют.
Терпи, о сердце, днесь болезнь неисцеленну!
Сноси, моя душа, судьбину непременну!
Теките из очей, потоки горьких слез!
Все наши радости сердитый рок унес.
Вздыхай о мне, вздыхай, возлюбленная, ныне;
Но ах! покорствуя случаям и судьбине,
Всегдашнюю тоску как можешь умеряй
И в сокрушении надежды не теряй!
Претерпевай тоску, напасть и время скучно:
Мы либо и опять жить будем неразлучно.
Смягчись, жестокий рок, стенанье сократи
И взяты радости несчастным возврати!

Другим печальный стих рождает стихотворство,
Когда преходит мысль восторгнута в претворство,
А мне стихи родит случай неложно злой, —
Отъята от меня свобода и покой.
В сей злой, в сей злейший час любовь мой дух
тревожит,
И некий лютый гнев сие смятенье множит.
Лечу из мысли в мысль, бегу из страсти
в страсть,
Природа над умом приемлет полну власть;
Но тщетен весь мой гнев, кого я ненавижу!
Она невинна в том, что я ее не вижу.
Сержусь, что нет в глазах; но кто виновен тем!
Причина днесь случай в несчастии моем.
Напрасно на нее рождается досада,
Она бы всякий час со мной быть купно рада.
Сержусь и думаю, почто не изберет
К тому удобна дня, а ей в том воли нет.
Но как во многих днях не сыщет дня такова,
Сулит увидеться, сулит, не держит слова,
А я в обмане сем мучение терплю,
Сержусь, но гневом тем лишь пуще я люблю.
Нельзя престать любить; я ею уж уверен,
Что мне она верна; и я быть должен верен.
Я верен; ах! но что имею из того!
Я днесь от беспокойств, терпенья моего,

Лишенный всех забав, ничем не услаждаюсь,
С утра до вечера в вздыханьи упражняюсь.
В отчаяньи, в тоске, терпя мою беду,
С утра до вечера покойной ночи жду;
Хожу, таская грусть, чрез горы, долы, рощи
И с нетерпением желаю темной нощи;
Брожу по берегам и прехожу леса;
Нечувственна земля, не видны небеса;
Повсюду предо мной моей любезной очи,
Одна она в уме. Дождавшись тихой ночи,
Хочу замкнуть глаза и проводить часы
В забвении и сне; но ах! ея красы
И сомкнуты глаза сквозь веки проницают,
И мя среди ночи с постели подымают;
Проснувшися, ловлю ея пустую тень
И, осязая мрак, желаю, чтоб был день.
Лишаясь сладка сна и моя слезами,
Что видел, ничего не вижу пред глазами.
О мысль! о тяжка мысль, бродяща по всему,
Найди убежище и, ах! пристань к чему!
О страсть! о люта страсть! погибни иль умалься!
О сердце, отдохни на час и не печалься!
Бегу без памяти, везде ее ищу,
Бегу во все страны, во всех странах грущу.
Озлюсь и стану полн лютейшия досады;
Но только вспомяну ея приятны взгляды,
В минуту, я когда ярюсь, как лютый лев,
В нежнейшую любовь преходит пущий гнев.
Ты в верности ко мне в уме моем летаешь,
Как таю я тобой, ты мной взаимно таешь.
Но если гнев мой прав, увы! когда то так —
Моя любезнейша мне стала злейший враг.

Какое следствие мы нежности имеем!
Ты, ах! злодейка мне, мне быть твоим злодеем.
Злодействуй, только я не буду твой злодей,
Ты будешь завсегда жить в памяти моей.
Хоть и не хочешь уж меня ты больше видеть,
Но мне тебя нельзя, мой свет, возненавидеть.
Нельзя престать любить, хотя бы я хотел;
Великое число приятств твоих имел,
Из коих хоть одно на ум когда приходит,
Опять меня в любовь и в прежню мысль приводит.
От лютыя тоски скрываюсь от людей,
Но скрывшися, еще страдаю больше в ней,
Когда печальных дум никто не разрушает
И зрака твоего от глаз не отымает.
Во множестве людей, в весельях, меж красот,
Когда часы летят, мне час не час, но год;
Лучшайша красота очей не притягает,
И хочется уйти, ничто мя не прельщает.
О дни! каких я дней доныне не имел!
От вас днесь гибнет жизнь и дух мой весь омлел.
Часы, которые в утехах пролетали,
Вы сделали мне скорбь и вечной мукой стали!
Мой дух воспламенен, и вся пылает кровь:
Несчастлив человек, кто чувствует любовь.

К г. ДМИТРЕВСКОМУ
НА СМЕРТЬ Ф. Г. ВОЛКОВА

Котурна Волкова пресеклися часы.
Прости, мой друг, навек, прости, мой друг любезный!
Пролей со мной поток, о Мельпомена, слезный,
Восплачь и возрыдай и растрепли власы!
Мой весь мятется дух, тоска меня терзает,
Пегасов предо мной источник замерзает.
Расинов я театр явил, о Россы, вам;
Богиня, а тебе поставил пышный храм;
В небытие теперь сей храм перенесется,
И основание его уже трясется.
Се смысла моего и тщания плоды,
Се века целого прилежность и труды.
Что, Дми́тревский, зачнем мы с сей теперь судьбою!
Расстался Волков наш со мною, и с тобою,
И с музами навек. Воззри на гроб его,
Оплачь, оплачь со мной ты друга своего,
Которого, как нас, потомство не забудет!
Переломи кинжал; театра уж не будет.
Простись с отторженным от драмы и от нас,
Простися с Волковым уже в последний раз,
В последнем как ты с ним игрании прощался,

И молви, как тогда Оскольду извещался,
Пустив днесь горькие струи из смутных глаз:
«Коликим горестям подвластны человеки!
Прости, любезный друг, прости, мой друг,
навеки!»

Страдай, прискорбный дух, терзайся, грудь моя;
Несчастливее всех людей на свете я!
Я счастья пышного сыскать себе не льстился
И от рождения о нем не суетился;
Спокойствием души одним себе ласкал:
Не злата, не сребра, но муз одних искал.
Без провождения я к музам пробивался
И сквозь дремучий лес к Парнассу прорывался.
Преодолел я труд: увидел Геликон;
Как рай, моим очам вообразился он.
Эдемским звал его я светлым вертоградом,
А днесь тебя зову, Парнасс, я мрачным адом;
Ты мука фурий мне, не муз ты мне игра.
О бедоносная, противная гора,
Подпора моея немилосердой части,
Источник и вина всея моей напасти,
Плачевный вид очам и сердцу моему,
Нанесший горести бесчисленны ему!
Несчастен был тот день, несчастнейша минута,
Когда по строгости и гневу рока люта,
Польстив утехою и славою себе,
Ногою в первый раз коснулся я тебе.
Крылатый мне там конь был несколько упорен,
Но после стал Пегас обуздан и покорен.
Эрата перва мне воспламенила кровь,
Я пел заразы глаз и нежную любовь;

*

Прелестны взоры мне сей пламень умножали,
Мой взор ко взорам сим, стихи ко мне бежали.
Стал пети я потом потоки, берега,
Стада, и пастухов, и чистые луга.
Ко Мельпомене я впоследок обратился
И, взяв у ней кинжал, к театру я пустился,
И, музу лучшую к несчастью полюбя,
Я сей, увы! я сей кинжал вонзу в себя
И окончаю жизнь я прежнею забавой,
Довольствуясь одной предбудущею славой,
Которой слышати не буду никогда.
Прожив на свете век, я сетую всегда.
Когда лишился я прекрасной Мельпомены
И стихотворства стал искати перемены,
Делафонтен, Эсоп в уме мне были вид.
Простите вы, Расин, Софокл и Еврипид;
Пускай, Расин, твоя Монима жалко стонет,
Уж нежная любовь ея меня не тронет.
Орестова сестра пусть варвара клянет,
Движения, Софокл, во мне нимало нет.
С супругом, плача, пусть прощается Альцеста,
Не сыщешь, Еврипид, в моем ты сердце места.
Аристофан и Плавт, Терентий, Молиер,
Любимцы Талии и комиков пример,
Едва увидели меня в парнасском цвете,
Но всё уж для меня кончается на свете.
Не буду драм писать, не буду притчей плесть,
И на Парнассе мне противно всё, что есть.
Не буду я писать! но — о несчастна доля!
Во предприятии моя ли этом воля!
Против хотения мя музы привлекут
И мне решение другое изрекут.

Хочу оставить муз и с музами прощаюсь,
Прощуся с музами и к музам возвращаюсь:
Любовницею так любовник раздражен,
Который многи дни был ею заражен,
Который покидать навек ее печется
И в самый оный час всем сердцем к ней влечется.
Превредоносна мне, о музы, ваша власть.
О бесполезная и пагубная страсть,
Которая стихи писать меня учила!
Спокойство от меня ты вечно отлучила,
Но пусть мои стихи презренье мне несут,
И музы кровь мою, как фурии, сосут,
Пускай похвалятся надуты оды громки,
А мне хвалу сплетет Европа и потомки

Все меры превзошла теперь моя досада.
Ступайте, фурии, ступайте вон из ада,
Грызите жадно грудь, сосите кровь мою!
В сей час, в который я терзаюсь, вопию,
В сей час среди Москвы «Синава» представляют
И вот как автора достойно прославляют:
Играйте, говорят, во мзду его уму,
Играйте пакостно за труд назло ему.
Сбираются ругать меня враги и други;
Сие ли за мои, Россия, мне услуги!
От стран чужих во мзду имею не сие.
Слезами я кроплю, Вольтер, письмо твое.
Лишенный муз, лишусь, лишуся я и света.
Екатерина, зри, проснись, Елисавета,
И сердце днесь мое внемлите вместо слов!
Вы мне прибежище, надежда и покров;
От гроба зрит одна, другая зрит от трона:
От них и с небеси мне будет оборона.
О боже, видишь ты, колика скорбь моя,
Зришь ты, в коликом днесь отчаянии я,
Терпение мое преходит за границы,
Подвигни к жалости ты мысль императрицы!
Избави ею днесь от варварских мя рук
И от гонителей художеств и наук!
Невежеством они и грубостию полны.

О вы, кропящие Петрополь, Невски волны,
Сего ли для, ах, Петр храм музам основал.
Я суетно на вас, о музы, уповал!
За труд мой ты, Москва, меня увидишь мертва:
Стихи мои и я наук злодеям жертва.

К г. ДМИТРЕВСКОМУ
НА СМЕРТЬ ТАТИАНЫ МИХАЙЛОВНЫ ТРОЕПОЛЬСКОЙ ПЕРВОЙ АКТРИСЫ ИМПЕРАТОРСКОГО ПРИДВОРНОГО ТЕАТРА

В сей день скончалася, и нет ея теперь,
Прекрасна женщина и Мельпомены дщерь,
И охладели уж ея младые члены,
И Троепольской нет, сей новыя Ильмены.
Елиза да живет на свете больше лет,
Она осталася, но Троепольской нет.
Живущие игрой к увеселенью света,
Ей память вечная, Елизе многи лета!
Да веселит она игрою наш народ;
И чтобы мир изрек: Елизе сотый год.
А ты, мой верный друг, игравший нам
Мстислава,
Кем днесь умножилась моя в России слава,
Старайся, чтобы наш театр не пал навек.
А так, как жалостный и добрый человек,
Восплачь, восплачь о той со мной и
воспечались,
Которой роли все на свете окончались!

Идиллии и эклоги

Пойте, птички, вы свободу,
Пойте красную погоду;
Но когда бы в рощах сих,
Ах! несносных мук моих
Вы хоть соту часть имели,
Больше б вы не пели.

Мчит весна назад прежни красоты,
Луг позеленел, сыплются цветы.
Легки ветры возлетают,
Розы плен свой покидают,
Тают снеги на горах,
Реки во своих брегах,
Веселясь, струями плещут.
Всё премённо, только мне,
В сей печальной стороне,
Солнечны лучи не блещут.

О потоки, кои зрели радости мои,
Рощи и пещеры, холмы, все места сии!
Вы-то видели тогда, как я веселился,
Ныне, ах! того уж нет, я тех дней лишился:

Вы-то знаете одни,
Сносно ль без Клариcы ныне
Пребывать мне в сей пустыне
И иметь такие дни.

Земледелец в жаркий полдень отдыхает
И в тени любезну сладко вспоминает,
В день трудится над сохой,
Ввечеру пойдет домой
И в одре своей любезной
Засыпает по трудах;
Ах! а мне в сей жизни слезной
Не видать в своих руках
Дорогой Клариcы боле,
Только тень ее здесь в поле.

Древеса, я в первый раз
Жар любви познал при вас;
Вы мне кажетеся сиры,
К вам уж сладкие зефиры
С смехами не прилетят,
Грации в листах сплетенных,
Глаз лишася драгоценных,
Завсегда о них грустят.

Ах, зачем вы приходили,
Дни драгие, ах, зачем!
Лучше б вы мне не манили
Счастием в жилище сем.
За немногие минуты
Дни оставши стали люты,
И куда я ни пойду —

Ни в приятнейшей погоде,
Ни в пастушьем короводе
Я утехи не найду.
Где ты, вольность золотая,
Как Кларисы я не знал,
А когда вздыхати стал,
Где ты, где ты, жизнь драгая!

Не смотрю я на девиц,
Не ловлю уже силками
Я, прикармливая, птиц,
Не гоняюсь за зверями
И не ужу рыб; грущу,
Ни на час не испущу
Больше в сих местах незримой
Из ума моей любимой.

КЛАРИСА

С высокия горы источник низливался
И чистым хрусталем в долине извивался.
По белым он пескам и камышкам бежал.
Брега потоков сих кустарник украшал.
Милиза некогда с Кларисой тут гуляла
И, седши на траву, ей тайну объявляла:
«Кустарник сей мне мил, — она вещала ей, —
Он стал свидетелем всей радости моей.
В нем часто Палемон скотину напояет
И мниму в нем красу Милизину воспевает.
Здесь часто сетует он, в сердце жар храня,
И жалобы свои приносит на меня.
Здесь именем моим всё место полно стало,
И эхо здесь его стократно повторяло.
О если б ведала ты, как я весела:
Я вижу, что его я сердцу впрямь мила.
Селинте Палемон меня предпочитает,
Знак склонности ея к себе уничтожает.
Мне кажется, душа его ко мне верна.
И ежели то так — так, знать, я недурна.
Намнясь купаясь я в день тихия погоды,
Нарочно пристально смотрела в ясны воды;
Хотя казался мне мой образ и пригож,
Но знать, что он в водах еще не так хорош».

Клариса ничего на то не отвечала,
Несмысленна была, любви еще не знала.
Милиза говорит: «Под этою горой
Незапно в первый раз он свиделся со мной.
Он, сшед с верхов ея с своим блеящим стадом,
Удержан был в долу понравившимся взглядом,
Где внятно слушала свирелку я его,
Не слыша никогда про пастуха сего;
Когда я, сидючи в приятной сей долине,
Взирала на места, лежащи в сей пустыне,
И, величая жизнь пастушью во уме,
Дивилась красотам в прелестной сей стране.
Любовны мысли в ум еще мне не впадали,
Пригожства сих жилищ мой разум услаждали,
И веселил меня пасомый мною скот.
Не знала прежде я иных себе забот.
Однако Палемон взложил на сердце камень.
Почувствовала я влиянный в жилах пламень,
Который день от дня умножился в крови
И учинил меня невольницей любви;
Но склонности своей поднесь не открываю,
И только ныне тем себя увеселяю,
Что знаю то, что я мила ему равно.
Уже бы с ним в любви открылась я давно,
Да только приступить к открытию стыжуся,
А паче от него измены я боюся.
Я тщуся, чтоб пастух любил меня такой,
Который б не на час, на целый век был мой.
Кто ж подлинно меня, Клариса, в том уверит,
Что будет он мой ввек? теперь не лицемерит,
Всем сердцем покорен став зраку моему,
Но, может быть, склонясь, прискучуся ему.

Довольно видела примеров я подобных:
Как волки, изловя когда овец беззлобных,
Терзают их, когда из паства унесут,
Так часто пастухи сердца пастушек рвут». —
«Богине паств, тебе, Милиза, я клянуся,
Что я по смерть свою к тебе не пременюся», —
Пастух, перед нее представши, говорил.
Колико он тогда пастушку удивил!
Ей мнилося, что куст в него преобратился
Иль он из облака перед нее свалился.
А он, сокрывшися меж частых тут кустов,
Был всех свидетелем ея любовных слов.
Она со трепетом и в мысли возмущенной
Вскочила с муравы долины наводненной
И к жительницам рощ, к прелестницам сатир,
Когда препархивал вокруг ея зефир
И быстрая вода в источнике журчала,
Прискорбным голосом, вздыхаючи, вещала:
«Богини здешних паств, о нимфы рощей сих,
Ступайте за леса, бежа жилищ своих!
Зефир, когда ты здесь вокруг меня летаешь,
Мне кажется, что ты меня пересмехаешь.
Лети отселе прочь, оставь места сии,
Спокой журчащие в источнике струи,
Чтоб я осмелилась то молвить, что мне должно:
Открывшися, уже таиться невозможно!»
Скончалась на брегах сих горесть пастуха,
Любезная его престала быть лиха.
Стократно тут они друг другу присягают
И поцелуями те клятвы утверждают.
Клариса, видя то, стыдиться начала,
И, зря, что тут она ненадобна была,

Их тающим сердцам не делает помехи,
Отходит; но, чтоб зреть любовничьи утехи,
Скрывается в кустах сплетенных и густых,
Внимает милый взгляд и разговоры их.
Какое множество прелестных видит взоров!
Какую слышит тьму приятных разговоров!
Спор, шутка, смех, игра — всё тут их веселит,
Всё тут, что мило им, и свет от них забыт.
Несмысленна, их зря, Клариса изумелась,
Ожглась, их видючи, и кровь ея затлелась.
Отходит скот пасти, но тех часов уж нет,
Как кровь была хладна: любовь с ума нейдет.
Луга покрыла ночь, пастушке уж не спится,
Затворит лишь глаза — ей то же всё и снится.
Лишается совсем робяческих забав,
И пременяется пастушкин прежний нрав.
Подружкина любовь Кларису заражает,
Клариса дней чрез пять Милизе подражает.

Без Филисы очи сиры,
Сиры все сии места;
Отлетайте вы, зефиры,
Без нея страна пуста;
Наступайте вы, морозы,
Увядайте, нежны розы.

Пожелтей, зелено поле,
Не журчите вы, струи,
Не воспевайте ныне боле
Сладких песней, соловьи;
Стонь со мною, эхо, ныне
Всеминутно в сей пустыне.

С горестью ль часы ты числишь
В отдаленной стороне?
Часто ль ты, ах! часто ль мыслишь,
Дорогая, обо мне!
Тужишь ли, воспоминая,
Как расстались мы, стоная?

В час тот, как ты мыться станешь,
Хоть немного потоскуй,
И когда в потоки взглянешь,
Молви ты у ясных струй:
Зрима я перед собою,
Но не зрима я тобою.

Эпистолы

ДВЕ ЭПИСТОЛЫ

В первой предлагается о русском языке,
а во второй о стихотворстве

ЭПИСТОЛА I

Для общих благ мы то перед скотом имеем,
Что лучше, как они, друг друга разумеем
И помощию слов пространна языка
Всё можем изъяснить, как мысль ни глубока.
Описываем всё, и чувствие и страсти,
И мысли голосом делим на мелки части.
Приняв драгой сей дар от щедрого творца,
Изображением вселяемся в сердца.
То, что постигнем мы, друг другу сообщаем
И в письмах то своих потомкам оставляем.
Но не такие так полезны языки,
Какими говорят мордва и вотяки;
Возьмем себе в пример словесных человеков:
Такой нам надобен язык, как был у греков,
Какой у римлян был и, следуя в том им,
Как ныне говорит Италия и Рим,
Каков в прошедший век прекрасен стал
французский,
Иль, наконец, сказать, каков способен русский!

Довольно наш язык в себе имеет слов,
Но нет довольного числа на нем писцов.
Один, последуя несвойственному складу,
Влечет в Германию Российскую Палладу
И, мня, что тем он ей приятства придает,
Природну красоту с лица ея берет.
Другой, не выучась так грамоте, как должно,
По-русски, думает, всего сказать не можно,
И, взяв пригоршни слов чужих, сплетает речь
Языком собственным, достойну только сжечь.
Иль слово в слово он в слог русский переводит,
Которо на себя в обнове не походит.
Тот прозой скаредной стремится к небесам
И хитрости своей не понимает сам.
Тот прозой и стихом ползет, и письма оны,
Ругаючи себя, дает писцам в законы.
Хоть знает, что ему во мзду смеется всяк,
Однако он своих не хочет видеть врак.
«Пускай, — он думает, — меня никто не хвалит.
То сердца моего нимало не печалит:
Я сам себя хвалю, на что мне похвала?
И знаю то, что я искусен дозела».
Зело, зело, зело, дружок мой, ты искусен,
Я спорить не хочу, да только склад твой гнусен.
Когда не веришь мне, спроси хотя у всех:
Всяк скажет, что тебе пером владети грех.
Но только ли того? не можно и помыслить,
Чтоб враки мне писцов подробно все исчислить.
Кто пишет, должен мысль прочистить наперед
И прежде самому себе подать в том свет;
Но многие писцы о том не рассуждают,
Довольны только тем, что речи составляют.

Несмысленны чтецы, хотя их не поймут,
Дивятся им и мнят, что будто тайна тут,
И, разум свой покрыв, читая темнотою,
Невнятный склад писца приемлют красотою.
Нет тайны никакой безумственно писать,
Искусство, чтоб свой слог исправно предлагать.
Чтоб мнение творца воображалось ясно
И речи бы текли свободно и согласно.
Письмо, что грамоткой простой народ зовет,
С отсутствующими обычну речь ведет,
Быть должно без затей и кратко сочиненно,
Как просто говорим, так просто изъясненно.
Но кто не научен исправно говорить,
Тому не без труда и грамотку сложить.
Слова, которые пред обществом бывают,
Хоть их пером, хотя языком предлагают,
Гораздо должны быть пышняе сложены,
И риторски б красы в них были включены,
Которые в простых словах хоть необычны,
Но к важности речей потребны и приличны
Для изъяснения рассудка и страстей,
Чтоб тем входить в сердца и привлекать людей.
Нам в оном счастлива природа путь являет,
И двери чтение к искусству отверзает.
Посем скажу, какой похвален перевод:
Имеет в слоге всяк различие народ.
Что очень хорошо на языке французском,
То может в точности быть скаредно на русском.
Не мни, переводя, что склад в творце готов;
Творец дарует мысль, но не дарует слов.
В спряжение речей его ты не вдавайся
И свойственно себе словами украшайся.

*

На что степень в степень последовать ему?
Ступай лишь тем путем и область дай уму.
Ты сим, как твой творец письмом своим ни славен,
Достигнешь до него и будешь сам с ним равен.
Хотя перед тобой в три пуда лексикон,
Не мни, чтоб помощь дал тебе велику он,
Коль речи и слова поставишь без порядка,
И будет перевод твой некая загадка,
Которую никто не отгадает ввек;
То даром, что слова все точно ты нарек.
Когда переводить захочешь беспорочно,
Не то — творцов мне дух яви и силу точно.
Язык наш сладок, чист, и пышен, и богат,
Но скупо вносим мы в него хороший склад.
Так чтоб незнанием его нам не бесславить,
Нам должно весь свой склад хоть несколько поправить.
Не нужно, чтобы всем над рифмами потеть,
А правильно писать потребно всем уметь.
Но льзя ли требовать от нас исправна слога?
Затворена к нему в учении дорога.
Лишь только ты склады немного поучи,
Изволь писать Бову, Петра Златы ключи.
Подьячий говорит: писание тут нежно,
Ты будешь человек, учися лишь прилежно.
И я то думаю, что будешь человек,
Однако грамоте не станешь знать вовек.
Хоть лучшим почерком, с подьяческа совета,
Четыре литеры сплетай ты в слово «лета»
И вычурно писать научишься «конец»,
Поверь, что никогда не будешь ты писец.

Перенимай у тех, хоть много их, хоть мало,
Которых тщание искусству ревновало
И показало им, коль мысль сия дика,
Что не имеем мы богатства языка.
Сердись, что мало книг у нас, и делай пени:
Когда книг русских нет, за кем итти в степени?
Однако больше ты сердися на себя
Иль на отца, что он не выучил тебя.
А если б юность ты не прожил своевольно,
Ты б мог в писании искусен быть довольно.
Трудолюбивая пчела себе берет
Отвсюду то, что ей потребно в сладкий мед,
И, посещающа благоуханну розу,
Берет в свои соты частицы и с навозу.
Имеем сверх того духовных много книг;
Кто винен в том, что ты псалтыри не постиг,
И, бегучи по ней, как в быстром море судно,
С конца в конец раз сто промчался безрассудно.
Коль *аще, точию* обычай истребил,
Кто нудит, чтоб ты их опять в язык вводил?
А что из старины поныне неотменно,
То может быть тобой повсюду положенно.
Не мни, что наш язык не тот, что в книгах чтем,
Которы мы с тобой нерусскими зовем.
Он тот же, а когда б он был иной, как мыслишь,
Лишь только оттого, что ты его не смыслишь,
Так что ж осталось бы при русском языке?
От правды мысль твоя гораздо вдалеке.
Не знай наук, когда не любишь их, хоть вечно,
А мысли выражать знать надобно конечно.

ЭПИСТОЛА II

О вы, которые стремитесь на Парнасс,
Нестройного гудка имея грубый глас,
Престаньте воспевать, песнь ваша не прелестна,
Когда музыка вам прямая неизвестна.
Но в нашем ли одном народе только врут,
Когда искусства нет или рассудок худ?
Прадон и Шапелен не тамо ли писали,
Где в их же времена стихи свои слагали
Корнелий и Расин, Депро и Молиер,
Делафонтен и где им следует Вольтер.
Нельзя, чтоб тот себя письмом своим прославил,
Кто грамматических не знает свойств и правил
И, правильно письма не смысля сочинить,
Захочет вдруг творцом и стихотворцем быть.
Он только лишь слова на рифму прибирает,
Но соплетенный вздор стихами называет.
И что он соплетет нескладно без труда,
Передо всеми то читает без стыда.
Преславного Депро прекрасная сатира
Подвигла в севере разумна Кантемира
Последовать ему и страсти охуждать;
Он знал, как о страстях разумно рассуждать,
Пермесских голос нимф был ввек его утеха,
Стремился на Парнасс, но не было успеха.

Хоть упражнялся в том, доколе был он жив,
Однако был Пегас всегда под ним ленив.
Разумный Феофан, которого природа
Произвела красой словенского народа,
Что в красноречии касалось до него,
Достойного в стихах не создал ничего.
Стихи слагать не так легко, как многим мнится.
Незнающий одной и рифмой утомится.
Не должно, чтоб она в плен нашу мысль брала,
Но чтобы нашею невольницей была.
Не надобно за ней без памяти гоняться:
Она должна сама нам в разуме встречаться
И, кстати приходив, ложиться где велят.
Невольные стихи чтеца не веселят.
А оное не плод единыя охоты,
Но прилежания и тяжкия работы.
Однако тщетно всё, когда искусства нет:
Хотя творец, трудясь, струями пот прольет,
А паче если кто на Геликон дерзает
Противу сил своих и грамоте не знает.
Он мнит, что он, слепив стишок, себя вознес
Предивной хитростью до самых до небес.
Тот, кто не гуливал плодов приятных садом,
За вишни клюкву ест, рябину виноградом
И, вкус имея груб, бездельные труды
Пред общество кладет за сладкие плоды.
Взойдем на Геликон, взойдем, увидим тамо
Творцов, которые достойны славы прямо.
Там царствует Гомер, там Сафо, Феокрит,
Ешилл, Анакреон, Софокл и Еврипид,
Менандр, Аристофан и Пиндар восхищенный,
Овидий сладостный, Виргилий несравненный,

Терентий, Персий, Плавт, Гораций, Ювенал,
Лукреций и Лукан, Тибулл, Проперций, Галл,
Мальгерб, Русо, Кино, французов хор реченный,
Мильтон и Шекеспир хотя непросвещенный,
Там Тасс и Ариост, там Камоенс и Лоп,
Там Фондель, Гинтер там, там остроумный Поп.
Последуем таким писателям великим.
А ты, несмысленный, вспеваешь гласом диким
Всё то, что дерзостно невежа сочинит,
Труды его ему преобращает в стыд.
Без пользы на Парнасс слагатель смелый всходит,
Коль Аполлон его на верх горы не взводит.
Когда искусства нет иль ты не тем рожден,
Нестроен будет глас и слог твой принужден.
А если естество тебя тем одарило,
Старайся, чтоб сей дар искусство украсило.
Знай в стихотворстве ты различие родов,
И что начнешь, ищи к тому приличных слов.
Не раздражая муз худым своим успехом:
Слезами Талию, а Мельпомену смехом.
Пастушка за сребро и злато на лугах
Имеет весь убор в единых лишь травах.
Луг камней дорогих и перл ей не являет,
Она главу и грудь цветами украшает.
Подобно каковой всегда на ней наряд,
Таков быть должен весь в стихах пастуших склад.
В них гордые слова, сложения высоки
В лугах подымут вихрь и возмутят потоки.
Оставь свой пышный глас в идиллиях своих
И в царствах не глуши трубой свирелок их.
Пан скроется в леса от звучной сей погоды,
И нимфы у поток уйдут от страха в воды.

Любовну ль пишешь речь или пастуший спор —
Чтоб не был ни учтив, ни груб их разговор,
Чтоб не был твой пастух крестьянину примером
И не был бы опять придворным кавалером.
Вспевай в идиллии мне ясны небеса,
Зеленые луга, кустарники, леса,
Биющие ключи, источники и рощи,
Весну, приятный день и тихость темной нощи,
Дай чувствовати мне пастушью простоту
И позабыть, стихи читая, суету.
Плачевной музы глас быстряе проницает,
Когда она в любви власы свои терзает,
Но весь ея восторг свой нежный склад красит
Единым только тем, что сердце говорит:
Любовник в сих стихах стенанье возвращает,
Когда Аврорин всход с любезной быть мешает,
Или он, воздохнув, часы свои клянет,
В которые в глазах его Ирисы нет,
Или жестокости Филисы вспоминает,
Или своей драгой свой пламень открывает,
Иль, с нею разлучась, представив те красы,
Со вздохами твердит прешедшие часы.
Но хладен будет стих и весь твой плач притворство,
Когда то говорит едино стихотворство;
Но жалок будет склад, оставь и не трудись;
Коль хочешь то писать, так прежде ты влюбись.
Гремящий в оде звук, как вихорь, слух пронзает,
Хребет Рифейских гор далеко превышает,
В ней молния делит на полы горизонт,
То верх высоких гор скрывает бурный понт,
Эдип гаданьем град от Сфинкса избавляет,

И сильный Геркулес злу Гидру низлагает,
Скамандрины брега богов зовут на брань,
Великий Александр кладет на персов дань,
Великий Петр свой гром с брегов Бальтийских
мещет,
Российский меч во всех концах вселенной блещет.
Творец таких стихов вскидает всюды взгляд,
Взлетает к небесам, свергается во ад,
И, мчася в быстроте во все края вселенны,
Врата и путь везде имеет отворенны.
Что в стихотворстве есть, всем лучшим стих
крася
И глас эпический до неба вознося,
Летай во облаках, как в быстром море судно,
Но возвращаясь вниз, спускайся лишь рассудно.
Пекись, чтоб не смешать по правам лирным дум;
В эпическом стихе порядочен есть шум.
Глас лирный так, как вихрь, порывами терзает,
А глас эпический недерзостно взбегает,
Колеблется не вдруг и ломит так, как ветр
Бунтующ многи дни, восшед из земных недр.
Сей стих есть полн претворств, в нем
добродетель смело
Преходит в божество, приемлет дух и тело.
Минерва — мудрость в нем, Диана — чистота,
Любовь — то Купидон, Венера — красота.
Где гром и молния, там ярость возвещает
Разгневанный Зевес и землю устрашает.
Когда встает в морях волнение и рев,
Не ветер то шумит, Нептун являет гнев.
И эхо есть не звук, что гласы повторяет, —
То нимфа во слезах Нарцисса вспоминает

Эней перенесен на Африканский брег,
В страну, в которую имели ветры бег,
Не приключением; но гневная Юнона
Стремится погубить остаток Илиона.
Эол в угодность ей средьземный понт терзал
И грозные валы до облак воздымал.
Он мстил Парисов суд за выигрыш Венеры
И ветрам растворил глубокие пещеры.
По сем рассмотрим мы свойство и силу драм,
Как должен представлять творец пороки нам
И как должна цвести святая добродетель:
Посадской, дворянин, маркиз, граф, князь, владетель
Восходит на театр: творец находит путь
Смотрителей своих чрез действо ум тронуть.
Когда захочешь слез, введи меня ты в жалость;
Для смеху предо мной представь мирскую шалость;
Не представляй двух действ к смешению мне дум;
Смотритель к одному свой устремляет ум.
Ругается смотря единого он страстью
И беспокойствует единого напастью:
Афины и Париж, зря красну царску дщерь,
Котору умерщвлял отец, как лютый зверь,
В стенании своем единогласны были
И только лишь о ней потоки слезны лили.
Не тщись глаза и слух различием прельстить
И бытие трех лет мне в три часа вместить:
Старайся мне в игре часы часами мерить,
Чтоб я, забывшися, возмог тебе поверить,
Что будто не игра то действие твое,
Но самое тогда случившесь бытие.
И не бренчи в стихах пустыми мне словами,

Скажи мне только то, что скажут страсти сами.
Не сделай трудности и местом мне своим,
Чтоб мне, театр твой зря имеючи за Рим,
Не полететь в Москву, а из Москвы к Пекину;
Всмотряся в Рим, я Рим так скоро не покину.
Явлениями множь желание, творец,
Познать, как действию положишь ты конец.
Трагедия нам плач и горесть представляет,
Как люто, например, Венерин гнев терзает.
В прекрасной описи, в Расиновых стихах,
Трезенский князь забыл о рыцарских играх,
Воспламенение почувствовавши крови
И вечно быть престав противником любови,
Пред Арисиею, стыдяся, говорит,
Что он уже не стал сей гордый Ипполит,
Который иногда стрелам любви ругался
И сим презрением дел нежных величался.
Страшатся греки, чтоб сын Андромахин им
По возрасте своем не стал отцом своим.
Трепещут имени Гекторова народы,
Которые он гнал от стен Троянских в воды,
Как он с победою по трупам их бежал
И в корабли их огнь из рук своих метал.
Страшася, плод его стремятся погубити
И в отрасли весь корнь Приамов истребити;
Пирр хочет спасть его: защита немала!
Но чтоб сия вдова женой ему была.
Она в смятении низверженна в две страсти,
Не знает, что сказать при выборе напасти.
Богинин сын против всех греков восстает
И Клитемнестрин плод под свой покров берет.
Нерон прекрасную Июнью похищает,

Возлюбленный ея от яда умирает;
Она, чтоб жизнь ему на жертву принести,
Девичество свое до гроба соблюсти,
Под защищение статуи прибегает
И образ Августов слезами омывает,
И после таковых свирепых ей судьбин,
Лишася брачных дум, вестальский емлет чин.
Мониме за любовь приносится отрава.
Аталья Франции и Мельпомене слава.
Меропа без любви тронула всех сердца,
Умножив в славу плеск преславного творца:
Творец ея нашел богатство Геликона.
Альзира, наконец, — Вольтерова корона.
Каков в трагедии Расин был и Вольтер,
Таков в комедиях искусный Молиер.
Как славят, например, тех Федра и Меропа,
Не меньше и творец прославлен Мизантропа.
Мольеров лицемер, я чаю, не падет
В трех первых действиях, доколь пребудет свет.
Женатый философ, Тщеславный воссияли
И честь Детушеву в бессмертие вписали.
Для знающих людей ты игрищ не пиши;
Смешить без разума — дар подлыя души.
Не представляй того, что мне на миг приятно,
Но чтоб то действие мне долго было внятно.
Свойство комедии — издевкой править нрав.
Смешить и пользовать — прямой ея устав.
Представь бездушного подьячего в приказе,
Судью, что не поймет, что писано в указе.
Представь мне щеголя, кто тем вздымает нос,
Что целый мыслит век о красоте волос,
Который родился, как мнит он, для амуру,

Чтоб где-нибудь к себе склонить такую ж дуру.
Представь латынщика на диспуте его,
Который не соврет без *ерго* ничего.
Представь мне гордого, раздута, как лягушку,
Скупого, что готов в удавку за полушку.
Представь картежника, который, снявши крест,
Кричит из-за руки, с фигурой сидя, *рест,*
О таинственник муз! уставов их податель!
Разборщик стихотворств и тщательный писатель,
Который Франции муз жертвенник открыл
И в чистом слоге сам примером ей служил,
Скажи мне, Боало, свои в сатирах правы,
Которыми в стихах ты чистил грубы нравы!
В сатирах должны мы пороки охуждать,
Безумство пышное в смешное превращать,
Страстям и дуростям играючи ругаться,
Чтоб та игра могла на мысли оставаться
И чтобы в страстные сердца она втекла:
Сие нам зеркало сто раз нужняй стекла.
Тщеславный лицемер святым себя являет
И в мысли ближнему погибель соплетает.
Льстец кажется, что он всея вселенной друг,
И отрыгает яд во знак своих услуг.
Набитый ябедой прехищный душевредник
Старается, чтоб был у всех людей наследник,
И, что противу прав, заграбив, получит,
С неправедным судьей на части то делит.
Богатый бедного невинно угнетает
И совесть из судей мешками выгоняет,
Которы, богатясь, страх божий позабыв,
Пекутся лишь о том, чтоб правый суд стал крив.
Богатый в их суде не зрит ни в чем препятства:

Наука, честность, ум, по их, среди богатства.
Охотник до вестей, коль нечего сказать,
Бежит с двора на двор и мыслит что солгать.
Трус, пьян напившися, возносится отвагой
И за робятами гоняется со шпагой.
Такое что-нибудь представь, сатирик, нам.
Рассмотрим свойство мы и силу эпиграмм:
Они тогда живут красой своей богаты,
Когда сочинены остры и узловаты,
Быть должны коротки, и сила их вся в том,
Чтоб нечто вымолвить с издевкою о ком.
Склад басен должен быть шутлив, но благороден,
И низкий в оном дух к простым словам пригоден,
Как то Делафонтен разумно показал
И басенным стихом преславен в свете стал.
Наполнил с головы до ног все притчи шуткой
И, сказки пев, играл все тою же погудкой.
Быть кажется, что стих по воле он вертел,
И мнится, что, писав, ни разу не вспотел;
Парнасски девушки пером его водили
И в простоте речей искусство погрузили.
Еще есть склад смешных геройческих поэм,
И нечто помянуть хочу я и о нем:
Он в подлу женщину Дидону превращает,
Или нам бурлака Энеем представляет,
Являя рыцарьми буянов, забияк;
Итак, таких поэм шутливых склад двояк.
В одном богатырей ведет отвага в драку,
Парис Фетидину дал сыну перебяку.
Гектор не на войну идет — в кулачный бой,
Не воинов — бойцов ведет на брань с собой.
Зевес не молнию, не гром с небес бросает,

Он из кремня огонь железом высекает,
Не жителей земных им хочет устрашить,
На что-то хочет он лучинку засветить.
Стихи, владеющи высокими делами,
В сем складе пишутся пренизкими словами.
В другом таких поэм искусному творцу
Велит перо давать дух рыцарский борцу.
Поссорился буян, не подлая то ссора,
Но гонит Ахиллес прехраброго Гектора.
Замаранный кузнец в сем складе есть Вулькан,
А лужа от дождя не лужа — океан.
Робенка баба бьет — то гневная Юнона.
Плетень вокруг гумна — то стены Илиона.
В сем складе надобно, чтоб муза подала
Высокие слова на низкие дела.
В эпистолы творцы те речи избирают,
Какие свойственны тому, что составляют,
И самая в стихах сих главна красота,
Чтоб был порядок в них и в слоге чистота.
Сонет, рондо, баллад — игранье стихотворно,
Но должно в них играть разумно и проворно.
В сонете требуют, чтоб очень чист был склад.
Рондо безделица, таков же и баллад,
Но пусть их пишет тот, кому они угодны,
Хороши вымыслы и тамо благородны.
Состав их хитрая в безделках суета:
Мне стихотворная приятна простота
О песнях нечто мне осталося представить,
Хоть песнописцев тех никак нельзя исправить,
Которые, что стих, не знают, и хотят
Нечаянно попасть на сладкий песен лад.
Нечаянно стихи из разума не льются,

И мысли ясные невежам не даются.
Коль строки с рифмами — стихами то зовут.
Стихи по правилам премудрых муз плывут.
Слог песен должен быть приятен, прост и ясен,
Витийств не надобно; он сам собой прекрасен;
Чтоб ум в нем был сокрыт и говорила страсть;
Не он над ним большой — имеет сердце власть.
Не делай из богинь красавице примера
И в страсти не вспевай: «Прости, моя Венера,
Хоть всех собрать богинь, тебя прекрасней нет»,
Скажи, прощаяся: «Прости теперь, мой свет!
Не будет дня, чтоб я, не зря очей любезных,
Не источал из глаз своих потоков слезных.
Места, свидетели минувших сладких дней,
Их станут воображать на памяти моей.
Уж начали меня терзати мысли люты,
И окончалися приятные минуты.
Прости в последний раз, и помни, как любил».
Кудряво в горести никто не говорил:
Когда с возлюбленной любовник расстается,
Тогда Венера в мысль ему не попадется.
Ни ударения прямого нет в словах,
Ни сопряжения малейшего в речах,
Ни рифм порядочных, ни меры стоп пристойной
Нет в песне скаредной при мысли недостойной.
Но что я говорю: при мысли? да в такой
Изрядной песенке нет мысли никакой:
Пустая речь, конец не виден, ни начало;
Писцы в них бредят всё, что в разум ни попало.
О чудные творцы, престаньте вздор сплетать!
Нет славы никакой несмысленно писать.
Во окончании еще напоминаю

О разности стихов и речи повторяю:
Коль хочешь петь стихи, помысли ты сперва,
К чему твоя, творец, способна голова.
Не то пой, что тебе противу сил угодно,
Оставь то для других: пой то, тебе что сродно,
Когда не льстит тебе всегдашний града шум
И ненавидит твой лукавства светска ум,
Приятна жизнь в местах, где к услажденью взора
И обоняния ликует красна Флора,
Где чистые струи по камышкам бегут
И птички сладостно Аврорин всход поют,
Одною щедрою довольствуясь природой,
И насыщаются дражайшею свободой;
Пускай на верх горы взойдет твоя нога
И око кинет взор в зеленые луга,
На реки, озера, в кустарники, в дубровы:
Вот мысли там тебе по склонности готовы.
Когда ты мягкосерд и жалостлив рожден
И ежели притом любовью побежден,
Пиши элегии, вспевай любовны узы
Плачевным голосом стенящей де ла Сюзы.
Когда ты рвешься, зря на свете тьму страстей,
Ступай за Боалом и исправляй людей.
Смеешься ль, страсти зря, представь мне их примером
И, представляя их, ступай за Молиером.
Когда имеешь ты дух гордый, ум летущ
И вдруг из мысли в мысль стремительно бегущ,
Оставь идиллию, элегию, сатиру
И драмы для других: возьми гремящу лиру
И с пышным Пиндаром взлетай до небеси,
Иль с Ломоносовым глас громкий вознеси:

Он наших стран Мальгерб, он Пиндару подобен;
А ты, Штивелиус, лишь только врать способен.
Имея важну мысль, великолепный дух,
Пронзай воинскою трубой вселенной слух:
Пой Ахиллесов гнев иль, двигнут русской славой,
Воспой Великого Петра мне под Полтавой.
Чувствительней всего трагедия сердцам,
И таковым она вручается творцам,
Которых может мысль входить в чужие страсти
И сердце чувствовать других беды, напасти.
Виргилий брани пел, Овидий воздыхал,
Гораций громкий глас при лире испускал
Или, из высоты сходя, страстям ругался,
В которых римлянин безумно упражнялся.
Хоть разный взяли путь, однако посмотри,
Что, сладко пев, они прославились все три.
Всё хвально — драма ли, эклога или ода:
Слагай, к чему тебя влечет твоя природа;
Лишь просвещение писатель дай уму:
Прекрасный наш язык способен ко всему.

Желай, чтоб на брегах сих музы обитали,
Которых вод струи Петром преславны стали.
Октавий Тибр вознес, и Сейну — Лудовик.
Увидим, может быть, мы нимф Пермесских лик
В достоинстве, в каком они в их были леты,
На Невских берегах во дни Елисаветы.
Пусть славит тот дела героев Русских стран
И громкою трубой подвигнет океан,
Пойдет на Геликон неробкими ногами
И свой устелет путь прекрасными цветами.
Тот звонкой лирою края небес пронзит,
От севера на юг в минуту прелетит,
С Бальтийских ступит гор ко глубине Японской,
Сравняет русску власть со властью Македонской.
В героях кроючи стихов своих творца,
Пусть тот трагедией вселяется в сердца:
Принудит чувствовать чужие нам напасти
И к добродетели направит наши страсти.
Тот пусть о той любви, в которой он горит,
Прекрасным и простым нам складом говорит.
Плачевно скажет то, что дух его смущает,
И точно изъяснит, что сердце ощущает.
Тот рощи воспоет, луга, потоки рек,
Стада и пастухов и сей блаженный век,
В который смертные друг друга не губили
И злата с серебром еще не возлюбили.

Пусть пишут многие, но зная, как писать:
Звон стоп блюсти, слова на рифму прибирать —
Искусство малое и дело не пречудно;
А стихотворцем быть есть дело не беструдно.
Набрать любовных слов на новый минавет,
Который кто-нибудь удачно пропоет,
Нет хитрости тому, кто грамоте умеет.
Да что и в грамоте, коль он писца имеет.
Подобно не тяжел пустой и пышный слог, —
То толстый стан без рук, без головы и ног,
Или издалека являющася туча,
А как ты к ней придешь, так то навозна куча.
Кому не дастся знать богинь Парнасских нрав,
Не можно ли тому прожить и не писав?
Худой творец стихов себя не прославляет,
На рифмах он свое безумство изъявляет.

К НЕПРАВЕДНЫМ СУДЬЯМ

О вы, хранители уставов и суда,
Для отвращения от общества вреда
Которы силою и должностию власти
Удобны отвращать и приключать напасти
И не жалеете невинных поражать!
Случалось ли себе вам то воображать,
Колико тягостно вам кланяться напрасно,
Молитвы принося, как богу, повсечасно,
Против вас яростью по правости кипеть
И в сердце то скрывать, сердиться и терпеть?
Иль вы не помните, в ожесточеньи тверды,
Что вышний справедлив, а вы немилосерды?
Иль вы не верите, что бог неправду мстит
И вам стенание невинных отплатит?
Иль вы забыли то, что время скоротечно
И что и на земли нам счастие не вечно?
Неправду видит бог и внемлет бедных стон;
Что́ вы ни мыслите, о всем известен он,
А что творите вы, так то и люди знают,
Которые от вас отчаянно стонают.

ЭПИСТОЛА
ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ ГОСУДАРЮ, ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ ПАВЛУ ПЕТРОВИЧУ
В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ЕГО 1761 ГОДА СЕНТЯБРЯ 20 ЧИСЛА

Любовь к отечеству есть перва добродетель
И нашей честности неспоримый свидетель:
Не только можно быть героем без нея,
Не можно быть никак и честным человеком.
Премудрая судьба довольствует мя веком,
Чтоб жил и приносил народу пользу я:
Член члена помощи ежеминутно просит,
И всяки тягости всё тело обще носит.
Всем должно нам любить отечество свое,
А царским отраслям любити должно боле:
Благополучие народа на престоле.
Известно, государь, на свете нам сие,
Что счастье инако от стран не убегает,
Как только если царь свой долг пренебрегает.
Кто больше носит сан, тот пользы и вреда
Удобней обществу соделати всегда:
Крестьянин, сея хлеб, трудится и не дремлет,

К тому родился он и гласу долга внемлет;
Но польза оная совсем не такова,
Какую учинит венчанная глава!
Оратель дремлющий, имея мысль лениву,
Со небрежением посеяв семена,
Убыток понесет, утратя времена,
Но небрежением одну испортит ниву,
И лягут на него не только бремена;
А если государь проступится, так горе
Польется на народ, и часто будто море.
Сия причина есть венчанныя крови
Имети более к отечеству любви.
Вторая важная любви сея причина,
Что вашего уж нет на свете больше чина,
Отечество дает утехи больше вам;
Так долг его любить вам больше, нежель нам.
Причина первая из должности единой,
А в воздаяние вам мы и наш живот;
Из благодарности другая вам причиной
За приношенье жертв любити свой народ.
Судьбами таковы порядки учрежденны:
Рожденны мы для вас, а вы для нас
рожденны.
Благополучными одним нельзя вам быть:
Коль любите себя, вы должны нас любить.
Льстецы не обществу работать осужденны,
Льстецы боготворят ласкательством царей,
О пользе не его пекутся, о своей;
Не сын отечества — ласкатель, но злодей.
Коль хочет наказать царя когда создатель,
Льстецами окружит со всех сторон его,
Не зрит он верного раба ни одного

И будет он врагам своим щедрот податель,
Которые за тьму к себе его наград,
Ругаяся ему, влекут его во ад
И, разверзая всю геенскую утробу,
Сынам отечества влекут его во злобу.
В ласкательстве сию имеет пользу он.
Таков Калигула был в Риме и Нерон:
Все жители земли гнушаются их прахом.
Царь мудрый подданных любовию, не страхом,
Имея истину единую в закон,
К повиновению короны привлекает
И сходны с естеством уставы изрекает.
Елисавета — мать, а Петр нам был отец:
Они правители душ наших и сердец.
Правительствовати едины те довлеют,
В сердца которые повиновенье сеют,
Чьи собственны сердца наполнены щедрот,
Которы жалости в себе плоды имеют
И больше, как карать, нас миловать умеют,
То помня, сколько слаб и страстен смертных род.
Но с слабостию я злодейства не мешаю,
И беззаконников я сим не утешаю·
Рождаются они ко общему вреду
И подвергаются строжайшему суду.
Муж пагубный грешит от предприятья злаго,
Царь праведный грешит, ему являя благо,
И тако тяжкий грех злодея извинить,
Но тяжче грех еще за слабости казнить.
Который человек преступку непричастен?
Един бесстрастен бог: кто смертен, тот и страстен.

Не мог Тит слез своих во оный час отерть,
Когда подписывал сей муж великий смерть.
Владычица сих стран родившися беззлобна,
На оно и руки подняти неудобна.
Блажен такой народ, которому приязнь
Соделать может то, что сделать может казнь,
И счастлив будешь ты, когда тебя порода
Возвысит на престол для счастия народа.

Сатиры

ПИИТ И ДРУГ ЕГО

Д. Во упражнении расхаживая здесь,
Вперил, конечно, ты в трагедию ум весь;
В очах, во всем лице теперь твоем премена,
И ясно, что в сей час с тобою Мельпомена.

П. Обманываяся, любезный друг, внемли!
Я так далек от ней, как небо от земли.

Д. Эклогу...

П. Пастухи, луга, цветы, зефиры
Толико ж далеки; хочу писать сатиры;
Мой разум весь туда стремительно течет.

Д. Но что от жалостных тебя днесь драм
влечет?

П. В Петрополе они всему народу вкусны,
А здесь и городу и мне подобно гнусны:
Там съедутся для них внимати и молчать,
А здесь орехи грызть, шумети и кричать,
Благопристойности не допуская в моду,
Во своевольствие преобратя свободу:

За что ж бы, думают, и деньги с нас сбирать,
Коль было бы нельзя срамиться и орать.
Возможно ль автору смотреть на то спокойно:
Для зрителей таких трудиться недостойно.

Д. Не всех мы зрителей сим должны обвинить,
Безумцев надобно одних за то бранить;
Не должно критики употребляти строго.

П. Но зрителей в Москве таких гораздо
много, —
Крикун, как колокол, единый оглушит
И автора всего терпения лишит;
А если закричат пять дюжин велегласно,
Разумных зрителей внимание напрасно.

Д. Сатиры пишучи, ты можешь досадить
И сею сам себя досадой повредить.
На что мне льстить тебе? я в дружбе не
таюся.

П. А я невежества и плутней не боюся,
Против прямых людей почтение храня:
Невежи как хотят пускай бранят меня,
Их тесто никогда в сатиру не закиснет,
А брань ни у кого на вороте не виснет.

Д. Не брань одна вредит; побольше брани есть,
Чем можно учинить твоей сатире месть:
Лжец вымыслом тебя в народе обесславит,
Судья соперника неправедно оправит,
Озлобясь, межевщик полполя отрядит,
А лавочник не даст товару на кредит,

Со съезжей поберут людей за мостовую,
Кащей тебе с родней испортит мировую.

П. Когда я истину народу возвещу
И несколько людей сатирой просвещу,
Так люди честные, мою зря миру службу,
Против бездельников ко мне умножат дружбу.
Невежество меня ничем не возмутит,
И росская меня Паллада защитит;
Немалая статья ея бессмертной славы,
Чтоб были чищены ея народа нравы.

Д. Но скажет ли судья, винил неправо он?
Он будет говорить: винил тебя закон.

П. Пускай винит меня, и что мне он ни скажет,
Из дела выписки он разве не покажет?

Д. Из дела выписки, во четверти земли,
Подьячий нагрузит врак целы корабли,
И разум в деле том он весь переломает;
Поймешь ли ты, чего он сам не понимает?
Удобней проплясать, коль песенка не в такт,
Как мыслям вобразить подьяческий экстракт.
Экстракт тебя одной замучит долготою,
И спросят: выпиской доволен ли ты тою;
Ты будешь отвечать: я дела не пойму;
Так скажут: дай вину ты слабому уму,
Которым ты с толпой вралей стихи кропаешь
И деловых людей в бесчестии купаешь.
А я даю совет: ты то предупреди
Или, сатирствуя, ты по миру ходи.

П. Где я ни буду жить — в Москве, в лесу
иль поле,
Богат или убог, терпеть не буду боле
Без обличения презрительных вещей.
Пускай злодействует бессмертный мне Кащей,
Пускай Кащеиха совсем меня ограбит,
Мое имение и здравие ослабит,
И крючкотворцы все и мыши из архив
Стремятся на меня, доколе буду жив,
Пускай плуты попрут и правду и законы, —
Мне сыщет истина на помощь обороны;
А если и умру от пагубных сетей,
Монархиня по мне покров моих детей.

Д. Безделъство на тебя отраву усугубит:
Изморщенный Кащей вить зеркала не любит.
Старухе, мнящейся блистати как луна,
Скажи когда-нибудь: изморщилась она
И что ея краса выходит уж из моды;
Скажи слагателю нестройной самой оды,
Чтоб бросил он ее, не напечатав, в печь, —
Скоряе самого тебя он станет жечь.
Неправедным судьям сказать имей отвагу,
Что рушат дерзостно и честность и присягу,
Скажи откупщику жаднейшему: он плут,
И дастся орденом ему ременный жгут.
Скажи картежнику: он обществу отрава, —
Не плутня де игра, он скажет, но забава.
Спроси, за что душа приказная дерет, —
Он скажет: то за труд из чести он берет.
За что ханжа на всех проклятие бросает, —
Он скажет: души их проклятием спасает.

Противу логики кто станет отвечать,
Такого никогда нельзя изобличать:
А логики у нас и имя редким вестно;
Так трудно доказать, бесчестно что иль честно.

П. Еще трудняй того бездельство зря терпеть
И, видя ясно всё, молчати и кипеть.
Доколе дряхлостью иль смертью не увяну,
Против пороков я писать не перестану.

О БЛАГОРОДСТВЕ

Сию сатиру вам, дворяне, приношу!
Ко членам первым я отечества пишу.
Дворяне без меня свой долг довольно знают,
Но многие одно дворянство вспоминают,
Не помня, что от баб рожденным и от дам
Без исключения всем праотец Адам.
На то ль дворяне мы, чтоб люди работали,
А мы бы их труды по знатности глотали?
Какое барина различье с мужиком?
И тот и тот земли одушевленный ком.
А если не ясняй ум барский мужикова,
Так я различия не вижу никакого.
Мужик и пьет и ест, родился и умрет,
Господский так же сын, хотя и слаще жрет
И благородие свое нередко славит,
Что целый полк людей на карту он поставит.
Ах! должно ли людьми скотине обладать?
Не жалко ль? Может бык людей быку
продать?
А во учении имеем мы дороги,
По коим посклизнуть не могут наши ноги:
Единой шествуя, вдали увидя дым,
Я твердо заключу, что там огонь под ним.
Я знаю опытом, пера тяжеле камень,
И льда не вспламенит и жесточайший пламень;

По счету ведаю, что десять — пять да пять;
Но это не верста, едина только пядь:
Шагнуть и без наук искусно мы умеем;
А всей премудрости цель дальную имеем,
Хотя и вечно к ней не можем мы дойти,
Но можем на пути сокровищи найти.
Перикл, Алькивияд наукой не гнушались,
Начальники их войск наукой украшались;
Великий Александр и ею был велик,
Науку храбрый чтит венчанный Фридерик;
Петром она у нас Петрополь услаждает,
Екатерина вновь науку насаждает.
Не можно никогда науки презирать,
И трудно без нея нам правду разбирать.
Мне мнится, на слепца такой судья походит,
Младенец коего куда похочет водит.
На то ль кому судьба высокий чин дала,
Чтоб он подписывал, подьячий вел дела?
Такою слабостью умножатся нам нищи,
Лишенны им навек своей дневныя пищи.
Подьячий согрешит или простой солдат:
Один из мужиков, другой из черни взят,
А во дворянстве всяк, с каким бы ни был чином,
Не в титле — в действии быть должен дворянином,
И непростителен большой дворянский грех.
Начальник, сохраняй уставы больше всех!
Дворянско титло нам из крови в кровь лиется;
Но скажем: для чего дворянство так дается.
Коль пользой общества мой дед на свете жил,
Себе он плату, мне задаток заслужил,
А я задаток сей, заслугой взяв чужею,

Не должен класть его достоинства межею.
И трудно ли сию задачу разрешить,
Когда не тщимся мы работы довершить,
Для ободрения пристойный взяв задаток,
По праву ль без труда имею я достаток?
Судьба монархине велела побеждать
И сей империей премудро обладать,
А нам осталося во дни ея державы
Ко пользе общества в трудах искати славы.
Похвален человек, не ищущий труда,
В котором он успеть не может никогда.
К чему способен он, он точно разбирает:
Пиитом не рожден, бумаги не марает
А если у тебя безмозгла голова,
Пойди и землю рой или руби дрова,
От низких более людей не отличайся
И предков титлами уже не величайся.
Сей Павла воспитал достойного корон,
Дабы подобен был Екатерине он;
С Спиридовым валы Орловы пребегают
И купно на водах с ним пламень возжигают;
Голицын гонит рать, Румянцев — наш Тюрен,
А Панин — Мальборуг у неприступных стен;
Подобно Еропкин в час бдения не дремлет,
И силу дерзкия мегеры он отъемлет.
А ты, в ком нет ума, безмозглый дворянин,
Хотя ты княжеский, хотя господский сын,
Как будто женщина дурная не жеманься
И, что тебе к стыду, пред нами тем не чванься!
От Августа пускай влечен твой знатный род;
Когда прекрасна мать, а дочь ея урод,
Полюбишь ли ты дочь, узришь ли в ней заразы,

Хотя ты по уши зарой ее в алмазы?
Коль только для себя ты в обществе живешь,
И в поте не своем ты с маслом кашу ешь,
И не собой еще ты сверх того гордишься, —
Не дивно ли, что ты, дружочек мой, не рдишься?
Без крылья хочешь ты летети к небесам.
Достоин я, коль я сыскал почтенье сам,
А если ни к какой я должности не годен —
Мой предок дворянин, а я не благороден.

*

О ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Взращен дитя твое и стал уже детина,
Учился, научен, учился, стал скотина;
К чему, что твой сынок чужой язык постиг,
Когда себе плода не собрал он со книг?
Болтать и попугай, сорока, дрозд умеют,
Но больше ничего они не разумеют.
Французским словом он в речь русскую плывет:
Солому *пальею, обжектом* вид зовет,
И речи русские ему лишь те прелестны,
Которы на Руси вралям одним известны.
Коль должно молвити о чем или о ком,
На основании совсем не на таком, —
Он бредит безо сна, и без стыда, и смело:
Не на такой ноге я вижу это дело.
И есть родители, желающи того,
По-русски б дети их не знали ничего.
Французски авторы почтенье заслужили,
Честь веку принеся, они в котором жили.
Язык их вычищен, но всяк ли Молиер
Между французами, и всяк ли в них Вольтер?
Во всех землях умы великие родятся,
А глупости всегда ж и более плодятся,
И мода стран чужих России не закон:
Мне мнится, все равно — присядка и поклон.

Об этом инако Екатерина мыслит:
Обряд хороший нам она хорошим числит,
Стремится нас она наукой озарить,
А не в французов нас некстати претворить,
И неоспориму дает на то надежду,
Сама в российскую облекшися одежду.
Безмозглым кажется язык российский туп:
Похлебка ли вкусняй, или вкусняе *суп*?
Иль *соус*, просто *сос*, нам поливки вкусняе?
Или уж наш язык мордовского гнусняе?
Ни шапка, ни картуз, ни шляпа, ни чалма
Не могут умножать нам данного ума.
Темноволосая, равно и белокура,
Когда умна — умна, когда глупа — так дура.
Не в форме истина на свете состоит;
Нас красит вещество, а не по моде вид;
По моде ткут тафты, парчи, обои, штофы,
Однако люди те ткачи, не философы.
А истина нигде еще не знала мод,
Им слепо следует безумный лишь народ.
Разумный моде мнит безделкой быть покорен,
В длине кафтана он со прочими бесспорен,
А в рассуждении он следует себе,
Оставив дурака предписанной судьбе;
Кто русско золото французской медью медит —
Ругает свой язык и по-французски бредит.
Языки чужды нам потребны для того,
Чтоб мы читали в них на русском нет чего;
Известно, что еще книг русских очень мало,
Колико их перо развратно ни вломало.
Прекрасен наш язык единой стариной,
Но глупостью писцов он ныне стал иной,

И ежели от их он уз не свободится,
Так скоро никуда он больше не годится.
Пиитов на Руси умножилось число,
И все примаются за это ремесло.
Не соловьи поют, кукушки то кукуют,
И врут, и враки те друг друга критикуют;
И только тот из них поменее наврал,
Кто менее еще бумаги замарал.
А твой любезный сын бумаги не марает,
В библиотеку книг себе не собирает.
Похвален он и тем, что бредит на речах,
Парнасса и во сне не видев он в очах.
На русском прежде был языке сын твой шумен;
Французского хватив, он стал совсем безумен.

О ЧЕСТНОСТИ

Везде и всякий день о чести говорят,
Хотя своих сердец они не претворят.
Но что такое честь? один победой льстился,
И пьян со пьяным он за честь на смерть
пустился;
Другой приятеля за честь поколотил,
Тот шутку легкую пощечиной платил,
Тот, карты подобрав, безумного обманет
И на кредит ему реванж давати станет
И, вексельно письмо с ограбленного взяв,
Не будет поступать по силе строгих прав
И подождет ему дни три великодушно.
Так сердце таково бесчестию ль послушно?
Иной любовнице вернейшей изменил,
Однако зрак ея ему и после мил,
И если о любви своей кому что скажет,
Он честностью о том молчать его обяжет.
Оправив ябеду, судья возносит честь;
Благодеяния нельзя не превознесть
И добродетели сыскати где толикой,
Коль правда продана ценою невеликой?
Почтен и ростовщик над деньгами в клети,
Что со ста только взял рублев по десяти
И другу услужил, к себе напомнив службу,

Деревню под заклад большую взяв за дружбу.
Пречестный господин слуг кормит и поит,
Хотя его слуга и не довольно сыт;
Без нужды не отдаст он лишнего в солдаты,
Как разве что купить иль долга на заплаты;
Однако и за то снабдит его жену
И даст ей куль муки за ту свою вину.
Да чем детей кормить? за что ж терпеть им голод?
Так их во авкцион боярин шлет под молот.
Премерзкий суевер шлет ближнего во ад
И сеет на него во всех беседах яд.
Премерзкий атеист создателя не знает,
Однако тот и тот о чести вспоминает.
Безбожник, может ли тебя почтити кто,
Когда ты самого чтишь бога за ничто?
И может ли в твоем быть сердце добродетель?
Не знаешь честности, не знаем коль содетель,
Который ясно зрим везде во естестве,
И нет сумнения о божьем существе.
Скупой несчастными те годы почитает,
В которы мир скирды числом большим считает
И мыслит: не могу продати хлеба я;
Земля везде добра и столько ж, как моя.
А истинная честь — несчастным дать отрады,
Не ожидаючи за то себе награды;
Любити ближнего, творца благодарить,
И что на мысли, то одно и говорить,
А ежели нельзя сказати правды ясно,
По нужде и молчать, хоть тяжко, — не бесславно.
Творити сколько льзя всей силою добро,
И не слепило б нас ни злато, ни сребро;

Служити ближнему, колико сыщем силы,
И благодетели б нам наши были милы,
С злодеем никогда собщенья не иметь,
На слабости людски со сожаленьем зреть;
Не мстити никому, кто может быть исправен:
Ты мщением своим не можешь быти славен.
Услужен буди всем, держися данных слов,
Будь медлен ко вражде, ко дружбе будь готов!
Когда кто кается, прощай его без мести,
Не соплетай кому ласкательства и лести,
Не ползай ни пред кем, не буди и спесив;
Не будь нападчиком, не буди и труслив,
Не будь нескромен ты, не буди лицемерен,
Будь сын отечества и государю верен!

НАСТАВЛЕНИЕ СЫНУ

Вещал так некто, зря свою кончину слезну,
К единородному наследнику любезну:
«Мой сын, любезный сын! уже я ныне стар;
Тупеет разум мой, и исчезает жар.
Готовлюся к суду, отыду скоро в вечность
И во предписанну нам смертным бесконечность,
Так я тебе теперь, как жить тебе, скажу,
Блаженства твоего дорогу покажу.
Конец мой близок,
А ты пойдешь путем, который очень склизок.
Хотя и всё на свете суета,
Но льзя ли презирать блаженство живота?
Так должны мы о нем всей мыслью
простираться,
И что потребно нам, о том всегда стараться.
Забудь химеру ту, слывет котора честь;
На что она, когда мне нечего поесть?
Нельзя в купечестве пробыти без продажи,
Подобно в бедности без плутни и без кражи.
Довольно я тебе именья наплутал,
И если б без меня ты это промотал,
На что ж бы для тебя свою губил я душу?
Когда представлю то, я всё спокойство рушу.

Доходы умножай, гони от сердца лень
И белу денежку береги на черный день.
Коль можно что украсть — украдь, да только
скрытню.
И умножай доход
Ты всеми образы себе на всякий год!
Вить око зрением вовеки ненасытно.
Коль можешь обмануть,
Обманывай искусно;
Изобличенным быти гнусно.
И часто наш обман — на виселицу путь.
Не знайся ты ни с кем беспрочно попустому,
И с ложкой к киселю мечися ты густому.
Богатых почитай, чтоб с них имети дань,
Случайных похвалять, их выся, не устань,
Великим господам ты, ползая, покорствуй!
Со всеми ты людьми будь скромен и
притворствуй!
Коль сильный господин бранит кого,
И ты с бояриком брани его!
Хвали ты тех, кого бояре похваляют,
И умаляй, они которых умаляют!
Глаза свои протри
И поясняй смотри,
Большие на кого бояре негодуют!
Прямым путем итти,
Так счастья не найти.
Плыви, куда тебе способны ветры дуют!
Против таких господ,
Которых чтит народ,
Не говори ни слова,
И чтоб душа твоя была всегда готова,

Не получив от них добра, благодарить!
Стремися, как они, подобно говорить!
Вельможа что сказал — знай, слово это свято,
И что он рек,
Против того не спорь: ты малый человек!
О черном он сказал — красно; боярин рек —
Скажи и ты, что то гораздо красновато!
Пред низкими людьми свирепствуй ты как черт,
А без того они, кто ты таков, забудут
И почитать тебя не будут;
Простой народ того и чтит, который горд.
А пред высокими ты прыгай, как лягушка,
И помни, что мала перед рублем полушка!
Душища в них, а в нас, любезный сын мой,
душка.
Благодари, когда надеешься еще
От благодетеля себе имети милость!
А ежели не так, признание — унылость,
И благодарный дух имеешь ты вотще.
Не делай сам себе обиды!
Ты честный человек пребуди для себя,
Себя единого ты искренно любя!
Не делай ты себе единому обиды;
А для других имей едины только виды,
И помни, свет каков:
В нем мало мудрости и много дураков.
Довольствуй их всегда пустыми ты местами:
Чти сердцем ты себя, других ты чти устами!
Вить пошлины не дашь, лаская, им за то.
Показывай, что ты других гораздо ниже
И будто ты себя не ставишь ни за что;
Но помни, епанчи рубашка к телу ближе!

Позволю я тебе и в карты поиграть,
Когда ты в те игры умеешь подбирать:
И видь игру свою без хитрости ты мертву,
Не принеси другим себя, играя, в жертву!
А этого, мой сын, не позабудь:
Играя, честен ты в игре вовек не будь!
Пренебрегай крестьян, их видя под ногами,
Устами чти господ великих ты богами
И им не согруби;
Однако никого из них и не люби,
Хотя б они достоинство имели,
Хотя бы их дела в подсолнечной гремели!
Давай и взятки сам и сам опять бери!
Коль нет свидетелей — воруй, плутуй сколь можно,
А при свидетелях бездельствуй осторожно!
Добро других людей во худо претвори
И ни о ком добра другом не говори:
Какой хвалою им тебе иметь нажиток?
Явлённое добро другим — тебе убыток.
Не тщися никому беспрочно ты служить;
Чужой мошной себе находки не нажить!
Ученых ненавидь и презирай невежу,
Имея мысль одну себе на пользу свежу!
Лишь тем не повредись:
В сатиру дерзостным писцам не попадись!
Смучай и рви родства ты узы, дружбы, браков;
Во мутной вить воде ловить удобней раков.
Любви, родства, свойства и дружбы ты не знай
И только о себе едином вспоминай!
Для пользы своея тяни друзей в обманы,
Пускай почувствуют тобой и скорбь и раны!
Везде сбирай плоды,

Для пользы своея вводи друзей в беды!
Бесчестно, бредят, то, а этого не видно,
Себя мне только долг велит любить.
Мне это не обидно,
Коль нужда мне велит другого погубить;
Противно естеству себя не возлюбить.
Пускай в отечество мое беда вселится,
Пускай оно хотя сквозь землю провалится,
Чужое гибни всё, лишь был бы мне покой.
Не забывай моих ты правил!
Имение тебе и разум я оставил.
Живи, мой сын, живи, как жил родитель
твой!»
Как это он изрек, ударен он был громом
И разлучился он с дитятею и с домом,
И сеявша душа толико долго яд
Из тела вышла вон и сверглася во ад.

О ХУДЫХ РИФМОТВОРЦАХ

Одно ли дурно то на свете, что грешно?
И то не хорошо, что глупостью смешно
Пиит, который нас стихом не утешает,
Презренный человек, хотя не согрешает.
Но кто от скорби сей нас может исцелить,
Коль нас бесчестие стремится веселить?
Когда б учились мы, исчезли б пухлы оды,
И не ломали бы языка переводы;
Невеже никогда нельзя переводить:
Кто хочет поплясать, сперва учись ходить.
Всему положены и счет, и вес, и мера,
Сапожник кажется поменее Гомера;
Сапожник учится, как делать сапоги,
Пирожник учится, как делать пироги;
А повар иногда, коль стряпать он умеет,
Доходу более профессора имеет;
В поэзии ль одной уставы таковы,
Что к ним не надобно ученой головы?
В других познаниях текли бы мысли дружно,
А во поэзии еще и сердце нужно.
В иной науке вкус не стоит ничего,
А во поэзии не можно без него.
Не все к науке сей рожденны человеки:
Расин и Молиер во все ль бывают веки?

Кинольт, Руссо, Вольтер, Депро, Делафонтен —
Плоды ль во естестве обычны всех времен?
И сколько вестно нам, с начала сама света,
Четыре раза шли драги к Парнассу лета:
Тогда, когда Софокл и Еврипид возник,
Как римский стал Гомер с Овидием велик,
Как после тяжкого поэзии ущерба
Европа слышала и Тасса и Мальгерба,
Как жил Депро и, жив, он бредни осуждал
И против совести Кинольта охуждал.
Не можно превзойти великого пиита,
Но тщетность никогда величием не сыта.
Лукан Виргилия превесити хотел,
Сенека до небес с Икаром возлетел,
Евгении ль льзя превесить Мизантропа,
И с Ипермнестрою сравнительна ль Меропа?
Со Мельпоменою вкус Талию сопряг;
Но стал он Талии и Мельпомене враг;
Нельзя ни сей ни той театром обладати,
Коль должно хохотать и тотчас зарыдати.
Хвалителю сего скажу я: «Это ло́жь,
Расинов, говорит, француз, совместник то ж:
Двум разным музам быть нельзя в одном совете».
И говорит Вольтер ко мне в своем ответе:
«Когда трагедии составить силы нет,
А к Талии речей творец не приберет,
Тогда с трагедией комедию мешают
И новостью людей безумно утешают.
И, драматический составя род таков,
Лишенны лошадей впрягают лошаков».
И сам я игрище всегда возненавижу,
Но я в трагедии комедии не вижу.

Умолкни тот певец, кому несвойствен лад,
Покинь перо, когда его невкусен склад,
И знанья малого не преходи границы.
Виргилий должен петь в дни сей императрицы,
Гораций возгласит великие дела:
Екатерина век преславный нам дала.
Восторга нашего пределов мы не знаем:
Трепещет Отоман, уж Россы за Дунаем.
Под Бендером огнем покрылся горизонт,
Колеблется земля и стонет Гелеспонт,
Сквозь тучи молния в дыму по сфере блещет,
Там море корабли турецки в воздух мещет,
И кажется с брегов: морски валы горят,
А Россы бездну вод во пламень претворят.
Российско воинство везде там ужас сеет,
Там знамя Росское, там флаг Российский веет.
Подсолнечныя взор империя влечет:
Нева со славою троякою течет —
На ней прославлен Петр, на ней Екатерина,
На ней достойного она взрастила сына.
Переменится Кремль во новый нам Сион,
И сердцем северна зрим будет Рима он:
И Тверь, и Искорест, и многи грады новы
Ко украшению России уж готовы;
Дом сирых, где река Москва струи лиет,
В веселии своем на небо вопиет:
Сим бедным сиротам была бы смерть судьбиной,
Коль не был бы живот им дан Екатериной.
А ты, Петрополь, стал совсем уж новый град —
Где зрели тину мы, там ныне зрим Евфрат.
Брег невский, каменем твердейшим украшенный
И наводнением уже не устрашенный,

Величье новое показывает нам;
Величье вижу я по всем твоим странам,
Великолепные зрю домы я повсюду,
И вскоре я, каков ты прежде был, забуду.
В десятилетнее ты время превращен,
К Эдему новый путь по югу намощен.
Иду между древес прекрасною долиной
Во украшенный дом самой Екатериной,
Который в месте том взвела Елисавет.
А кто ко храму здесь Исакия идет,
Храм для рождения узрит Петрова пышный:
Изобразится им сей день повсюду слышный.
Узрит он зрак Петра, где был сожженный храм;
Сей зрак поставила Екатерина там.
Петрополь, возгласи с великой частью света:
Да здравствует она, владея, многи лета.

Эпиграммы

Ты туфли обругал, а их бояре носят,
Бояре на тебя отмщения в том просят,
Бояре иль паны. Зияет всякий пан,
Держа в руке большой венгерского стакан,
Пышит и дуется от ярости безмерной
И вопит: отомстим скоряй сей твари
скверной,
Которая на наш восстать дерзнула сан
И нагло плевелы отважилася сеять.
Преступника в куски устав велит иссечь,
А тело после сжечь
И сей негодный прах по воздуху развеять.

Танцовщик, ты богат; профессор, ты убог.
Конечно, голова в почтеньи меньше ног.

Мужик не позабудет,
Как кушал толокно,
И посажён хоть будет
За красное сукно.

Окончится ль когда парнасское роптанье?
Во драме скаредной явилось воспитанье,
Явилося еще сложение потом:
Богини дыни жрут. Пегас стал, видно, хром.
А ныне этот конь, шатаяся, тупея,
Не скачет, не летит — ползет, тащит Помпея.

Под камнем сим лежит Фирс Фирсович
Гомер,
Который пел, не знав галиматии мер.
Великого воспеть он мужа устремился:
Отважился, дерзнул, запел — и осрамился,
Оставив по себе потомству вечный смех.
Он море обещал, а вылилася лужа.
Прохожий! возгласи к душе им пета мужа:
Великая душа, прости вралю сей грех!

Стихи разные

МАДРИГАЛ <Е. О. БЕЛОГРАДСКОЙ>

Любовны Про́крисы представившая узы,
Достойная во всем прехвальныя дочь музы,
Ко удовольствию Цефалова творца
Со страстью ты, поя, тронула все сердца
И действом превзошла желаемые меры,
В игре подобием преславной Лекувреры.
С начала оперы до самого конца,
О Белоградская! прелестно ты играла,
И Прокрис подлинно в сей драме умирала

СТИХИ ИВАНУ АФАНАСЬЕВИЧУ ДМИТРЕВСКОМУ

Дмитревский, что я зрел! колико я смущался,
Когда в тебе Синав несчастный унывал.
Я все его беды своими называл,
Твоею страстию встревожен, восхищался,
И купно я с тобой любил и уповал.
Как был Ильменой ты смущен неизреченно,
Так было и мое тем чувство огорченно.
Ты страсти все свои во мне производил:
Ты вел меня с собой из страха в упованье,
Из ярости в любовь и из любви в стенанье;
Ты к сердцу новые дороги находил.
Твой голос и лицо и стан согласны были
Да, зрителя тронув, в нем сердце воспалить.
Твой плач все зрители слезами заплатили,
И, плача, все тебя старалися хвалить.
Искусство с естеством в тебе совокупленны,
Производили в нас движения сердец.
Ах! как тобою мы остались исступленны!
Мы в мысли все тебе готовили венец:
Ты тщился всех пленить, и все тобою пленны.

СПРАВКА

Запрос

Потребна в протокол порядочная справка,
Имеет в оном быть казенной интерес,
Понеже выпала казенная булавка:
Какой по описи булавки оной вес,
Железо или медь в булавке той пропала,
В котором именно году она упала,
В котором месяце, которого числа,
Которым и часом, которою минутой,
Казенной был ущерб, булавки помянутой?

Ответ

Я знаю только то, что ты глупяй осла.

РАССТАВАНИЕ С МУЗАМИ

Для множества причин
Противно имя мне писателя и чин;
С Парнасса нисхожу, схожу противу воли
Во время пущего я жара моего,
И не взойду по смерть я больше на него, —
Судьба моей то доли.
Прощайте, музы, навсегда!
Я более писать не буду никогда.

ЦИДУЛКА
К ДЕТЯМ ПРОФЕССОРА КРАШЕНИННИКОВА

Несчастного отца несчастнейшие дети,
Которыми злой рок потщился овладети!
Когда б ваш был отец приказный человек,
Так не были бы вы несчастливы вовек,
По гербу вы бы *рцы* с большим писали
крюком,
В котором состоят подьячески умы,
Не стали бы носить вы нищенской сумы.
И статься бы могло, что б ездили вы
цуком,
Потом бы стали вы большие господа;
Однако бы блюли подьячески порядки
И без стыда
Со всех бы брали взятки,
А нам бы сделали пуд тысячу вреда.

НЕДОСТАТОК ИЗОБРАЖЕНИЯ

Трудится тот вотще,
Кто разумом своим лишь разум заражает:
Не стихотворец тот еще,
Кто только мысль изображает,
Холодную имея кровь;
Но стихотворец тот, кто сердце заражает
И чувствие изображает,
Горячую имея кровь.
Царица муз, любовь!
Парнасским жителем назваться я не смею:
Я сладости твои почувствовать умею;
Но что я чувствую, когда скажу, — солгу,
А точно вымолвить об этом не могу.

ОТ АВТОРА ТРАГЕДИИ „СИНАВА И ТРУВОРА“ ТАТИАНЕ МИХАЙЛОВНЕ ТРОЕПОЛЬСКОЙ

АКТРИСЕ РОССИЙСКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО ТЕАТРА, НА ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ИЛЬМЕНЫ, НОЯБРЯ 16 ДНЯ 1766 ГОДА

Не похвалу тебе стихами соплетаю,
Ниже́ прельщен тобой, к тебе в любви я таю,
Ниже́ на Геликон ласкати возлетаю,
Ниже́ ко похвале я зрителей влеку,
Ни к утверждению их плеска я теку —
Едину истину я только изреку.
Достойно росскую Ильмену ты сыграла:
Россия на нее, слез ток лия, взирала
И зрела, как она, страдая, умирала.
Пуская Дми́тревский вздыхание и стон,
Явил Петрополю красы котурна он:
Проснулся и пришел на Невский брег Барон.
А ты с приятностью прелестныя Венеры,
Стремяся превзойти похвал народных меры,
Достигни имени преславной Лекувреры.

ОТВЕТ НА ОДУ
ВАСИЛИЯ ИВАНОВИЧА МАЙКОВА

Витийство лишнее — природе злейший враг;
Брегися сколько можно
Ты, Майков, оного; витийствуй осторожно.
Тебе на верх горы один остался шаг;
Ты будешь на верхах Парнасса неотложно;
Благоуханные рви там себе цветы
И украшай одними
Ими
Свои поэмы ты!
Труды без сих цветов — едины суеты;
Ум здравый завсегда гнушается мечты;
Коль нет во чьих стихах приличной простоты,
Ни ясности, ни чистоты,
Так те стихи лишенны красоты
И полны пустоты.
Когда булавочка в пузырь надутый резнет,
Вся пышность пузыря в единый миг исчезнет;
Весь воздух выйдет вон из пузыря до дна,
И только кожица останется одна.

ЖАЛОБА

Во Франции сперва стихи писал мошейник,
И заслужил себе он плутнями ошейник;
Однако королем прощенье получил
И от дурных стихов французов отучил.
А я мошейником в России не слыву
И в честности живу;
Но если я Парнасс российский украшаю
И тщетно в жалобе к фортуне возглашаю,
Не лучше ль, коль себя всегда в мученьи зреть,
Скоряе умереть?
Слаба отрада мне, что слава не увянет,
Которой никогда тень чувствовать не станет.
Какая нужда мне в уме,
Коль только сухари таскаю я в суме?
На что писателя отличного мне честь,
Коль нечего ни пить, ни есть?

ПЕРЕВОД ИЗ ТИЛИМАХА ФЕНЕЛОНОВА

В грусти была по отъезде Улиса всегдашней
Калипса
И бессмертье свое, тоскуя, несчастьем имела.
Песни в пещере ея уж не были более слышны:
Нимфы, служащие ей, не смели ей молвить
ни слова.
Часто гуляла она одна в муравах цветоносных,
Коими вечна весна весь остров ея окружала,
Но места прекрасные ей не смягчали злой
грусти
И Улиса в них бывшего к вящей тоске
воображали.
Часто была она на брегах морских неподвижна,
Часто сии брега орошала Калипса слезами.
Зря непрестанно в страну, где корабль
Одисеев летящий,
Горды валы попирая, от глаз ея вечно сокрылся.
Вдруг усмотрела она остатки погибшего судна:
Там по пескам изломáнны лавки гребецки и
веслы;
Там по водам кормило, веревки и мачта
плывущи
После увидела двух человек: единого в летах,

Млада другого и видом любезну подобна Улису;
То же приятство, стан, бодрость и та же
походка геройска, —
То Тилимах, сын Улисов, узнала богиня в минуту.
Хоть бессмертны больше смертных познанья
имеют,
Не познала богиня, кто муж почтенный был
с оным;
Вышние боги скрывают от нижних всё, что
изволят;
Скрылась Калипсы под образом Ментора хитро
Минерва.
Впрочем, Калипсино сердце играло разбитием
судна,
Ибо оно ей причиной узрети любезного образ.
Будто не зная о нем, богиня к пришельцу
приходит:
«Рцы мне, отколе ты дерзко коснулся земле
моей, странник?
Знай, что к моей ты не можешь коснуться
державе без казни».
В грозных словах сокрывала она веселие сердца,
Кое противу воли ея во взорах сияло.

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ „ДИМИТРИАДА“

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Пою оружие и храброго героя,
Который, воинство российское устроя,
Подвигнут истиной, для нужных оборон
Противу шел татар туда, где плещет Дон,
И по сражении со наглою державой
Вступил во град Москву с победою и славой

О муза, всё сие ты миру расскажи
И повести мне сей дорогу покажи,
Дабы мои стихи цвели, как райски крины,
Достойны чтения второй Екатерины!

Великий град Москва сияти начала
И силы будущей надежду подала:
Смиренным Калитой воздвиженные стены
На хладном севере готовили премены;
Во Скандинавии о них разнесся слух,
И в Польше возмущен народа ими дух.
Молва о граде сем вселенну пролетала,
Услышал то весь свет, Орда вострепетала,
И славу росскую, на сей взирая град,
В подземной глубине уже предвидел ад.
И се из пропастей во скважины отверсты

Зла адска женщина, свои грызуща персты,
Котора рыжет яд на всех во все часы,
Из змей зияющих имущая власы
И вдоль по бледному лицу морщины, жилы,
Страшняе мертвеца, восставша из могилы,
Оставив огненный волнующийся понт,
Из преисподния взошла на горизонт.

Песни

Благополучны дни
Нашими временами;
Веселы мы одни,
Хоть нет и женщин с нами:
Честности здесь уставы,
Злобе, вражде конец,
Ищем единой славы
От чистоты сердец.

Гордость, источник бед,
Распрей к нам не приводит,
Споров меж нами нет,
Брань нам и в ум не входит;
Дружба, твои успехи
Увеселяют нас;
Вот наши все утехи,
Благословен сей час.

Мы о делах чужих
Дерзко не рассуждаем
И во словах своих
Света не повреждаем;
Все тако человеки
Должны себя явить,

Мы золотые веки
Тщимся возобновить.

Ты нас, любовь, прости,
Нимфы твои прекрасны
Стрелы свои внести
В наши пиры не властны;
Ты утех не умножишь
В братстве у нас, любовь,
Только лишь востревожишь
Ревностью дружню кровь.

Только не верь тому,
Что мы твои злодеи:
Сродны ли те уму,
Чистым сердцам затеи?
Мы, приобщая мира
Сладости дар себе,
Только пойдем из пира
Подданны все тебе.

О места, места драгие!
Вы уже немилы мне.
Я любезного не вижу
В сей прекрасной стороне.
Он от глаз моих сокрылся,
Я осталася страдать
И, стеня, не о любезном —
О неверном воздыхать.

Он игры мои и смехи
Превратил мне в злу напасть,
И, отнявши все утехи,
Лишь одну оставил страсть.
Из очей моих лиется
Завсегда слез горьких ток,
Что лишил меня свободы
И забав любовных рок.

По долине сей текущи
Воды слышали твой глас,
Как ты клялся быть мне верен,
И зефир летал в тот час.
Быстры воды пробежали,
Легкий ветер пролетел.
Ах! и клятвы те умчали,
Как ты верен быть хотел.

Чаю взор тот, взор приятный,
Что был прежде мной прельщен,
В разлучении со мною
На иную обращен;
И она те ж нежны речи
Слышит, что слыхала я.
Удержися, дух мой слабый,
И крепись, душа моя.

Мне забыть его не можно
Так, как он меня забыл;
Хоть любить его не должно,
Он, однако, все мне мил.
Уж покою томну сердцу
Не имею никогда;
Мне прошедшее веселье
Воображается всегда.

Весь мой ум тобой наполнен,
Я твоей привыкла слыть.
Хоть надежды я лишилась,
Мне нельзя престать любить.
Для чего вы миновались,
О минуты сладких дней!
А минув, на что остались
Вы на памяти моей.

О свидетели в любови
Тайных радостей моих!
Вы то знаете, о птички,
Жители пустыней сих!
Испускайте глас плачевный,

Пойте днесь мою печаль,
Что, лишась его, я страждү,
А ему меня не жаль!

Повторяй слова печальны,
Эхо, как мой страждет дух;
Отлетай в жилища дальны
И трони его тем слух.

Сокрылись те часы, как ты меня искала,
И вся моя тобой утеха отнята:
Я вижу, что ты мне неверна ныне стала,
Против меня совсем ты стала уж не та.

Мой стон и грусти люты
Вообрази себе,
И вспомни те минуты,
Как был я мил тебе.

Взгляни на те места, где ты со мной видалась,
Все нежности они на память приведут.
Где радости мои! где страсть твоя девалась!
Прошли и ввек ко мне обратно не придут.

Настала жизнь другая;
Но ждал ли я такой!
Пропала жизнь драгая,
Надежда и покой.

Несчастен стал я тем, что я с тобой спознался;
Началом было то, что муки я терплю,
Несчастнее еще, что я тобой прельщался,
Несчастнее всего, что я тебя люблю.

Сама воспламенила
Мою ты хладну кровь;
За что ж ты пременила
В недружество любовь?

Но в пенях пользы нет, что я, лишась
свободы,
И радостей лишен, едину страсть храня.
На что изобличать — бессильны все доводы,
Коль более уже не любишь ты меня.

Уж ты и то забыла,
Мои в плен мысли взяв,
Как ты меня любила,
И время тех забав.

Тщетно я скрываю сердца скорби люты,
Тщетно я спокойною кажусь:
Не могу спокойна быть я ни минуты,
Не могу, как много я ни тщусь.
Сердце тяжким стоном, очи током слезным
Извлекают тайну муки сей;
Ты мое старанье сделал бесполезным,
Ты, о хищник вольности моей!

Ввергнута тобою я в сию злу долю,
Ты спокойный дух мой возмутил,
Ты мою свободу пременил в неволю,
Ты утехи в горесть обратил;
И к лютейшей муке ты, того не зная,
Может быть, вздыхаешь о иной,
Может быть, бесплодным пламенем сгорая,
Страждешь ею так, как я тобой.

Зреть тебя желаю, а узрев, мятуся
И боюсь, чтоб взор не изменил:
При тебе смущаюсь, без тебя крушуся,
Что не знаешь, сколько ты мне мил;
Стыд из сердца выгнать страсть мою стремится,
А любовь стремится выгнать стыд.
В сей жестокой брани мой рассудок тмится,
Сердце рвется, страждет и горит.

Так из муки в муку я себя ввергаю,
И хочу открыться, и стыжусь,
И не знаю прямо, я чего желаю,
Только знаю то, что я крушусь;
Знаю, что всеместно пленна мысль тобою
Воображает мне твой милый зрак;
Знаю, что, вспаленной страстию презлою,
Мне забыть тебя нельзя никак.

Ты сердце полонила,
Надежду подала
И то переменила,
Надежду отняла.
Лишаяся приязни,
Я все тобой гублю.
Достоин ли я казни,
Что я тебя люблю?

Я рвусь, изнемогая;
Взгляни на скорбь мою,
Взгляни, моя драгая,
На слезы, кои лью!
Дня светла ненавижу,
С тоскою спать ложусь,
Во сне тебя увижу —
Вскричу и пробужусь.

Терплю болезни люты,
Любовь мою храня;
Сладчайшие минуты
Сокрылись от меня.
Не буду больше числить
Я радостей себе,
Хотя и буду мыслить
Я вечно о тебе.

Летите, мои вздохи, вы к той, кого люблю,
И горесть опишите, скажите, как терплю;
Останьтесь в ея сердце, смягчите гордый
взгляд
И после прилетите опять ко мне назад;
Но только принесите приятную мне весть,
Скажите, что еще мне любить надежда есть.
Я нрав такой имею, чтоб долго не вздыхать,
Хороших в свете много, другую льзя сыскать.

Уже восходит солнце, стада идут в луга,
Струи в потоках плещут в крутые берега.
Любезная пастушка овец уж погнала
И на вечер сегодня в лесок меня звала.

О темные дубравы, убежище сует!
В приятной вашей тени мирской печали нет;
В вас красные лужайки природа извела
Как будто бы нарочно, чтоб тут любовь жила.

В сей вечер вы дождитесь под тень меня свою,
А я в вас буду видеть любезную мою.
Под вашими листами я счастлив уж бывал
И верную пастушку без счету целовал.

Пройди, пройди скоряе, ненадобный мне день,
Мне свет твой неприятен, пусть кроет ночи тень.
Спеши, дражайший вечер, о время, пролетай!
А ты уж мне, драгая, ни в чем не воспрещай.

Негде, в маленьком леску,
При потоках речки,
Что бежала по песку,
Стереглись овечки.
Там пастушка с пастухом
На брегу была крутом,
И в струях мелких вод с ним она плескалась.

Зацепила за траву,
Я не знаю точно,
Как упала в мураву,
Вправду иль нарочно.
Пастух ее подымал,
Да и сам туда ж упал
И в траве он щекотал девку без разбору.

«Не шути так, молодец, —
Девка говорила, —
Дай мне встать пасти овец, —
Много раз твердила. —
Не шути так, молодец,
Дай мне встать пасти овец;
Не шути, не шути, дай мне пасти стадо.

Закричу», — стращает вслух.
Дерзкий не внимает
Никаких речей пастух,
Только обнимает.
А пастушка не кричит,
Хоть стращает, да молчит.
Для чего же не кричит, я того не знаю.

И что сделалось потом,
И того не знаю.
Я не много при таком
Деле примечаю;
Только эхо по реке
Отвечало вдалеке:
Ай, ай, ай! — знать, они дралися.

Не гордитесь, красны девки,
Ваши взоры нам издевки,
Не беда.
Коль одна из вас гордится,
Можно сто сыскать влюбиться
Завсегда.
Сколько на небе звезд ясных,
Столько девок есть прекрасных.
Вить не впрямь об вас вздыхают,
Всё один обман.

*

Не грусти, мой свет, мне грустно и самой,
Что давно я не видалася с тобой.
Муж ревнивый не пускает никуда;
Отвернусь лишь, так и он идет туда.

Принуждает, чтоб я с ним всегда была;
Говорит он, отчего невесела?
Я вздыхаю по тебе, мой свет, всегда,
Ты из мыслей не выходишь никогда.

Ах, несчастье, ах, несносная беда,
Что досталась я такому молода;
Мне в совете с ним вовеки не живать,
Никакого мне веселья не видать.

Сокрушил злодей всю молодость мою;
Но поверь, что в мыслях крепко я стою;
Хоть бы он меня и пуще стал губить,
Я тебя, мой свет, вовек буду любить.

В роще девки гуляли
Калина ли моя, малина ли моя!
И весну прославляли.
Калина и пр.
Девку горесть морила,
Калина и пр.
Девка тут говорила:
Калина и пр.
Я лишилася друга.
Калина и пр.
Вянь, трава чиста луга,
Калина и пр.
Не всходи, месяц ясный,
Калина и пр.
Не свети ты, день красный,
Калина и пр.
Не плещите вы, воды.
Калина и пр.
Не пойду в короводы,
Калина и пр.
Не нарву я цветочков,
Калина и пр.
Не сплету я веночков.
Калина и пр.

Я веселья не знаю,
Калина и пр.
Друг, тебя вспоминаю
Калина и пр.
Я и денно и ночно.
Калина и пр.
В день и в ночь сердцу тошно.
Калина и пр.
Я любила сердечно
Калина и пр.
И любить буду вечно.
Калина и пр.
Сыщешь ты дорогую,
Калина и пр.
Отлучився — другую
Калина и пр.
Сыщешь милу, прекрасну
Калина и пр.
И забудешь несчастну.
Калина и пр.
Та прекраснее будет,
Калина и пр.
Да тебя позабудет.
Калина и пр.
Ах, а я не забуду,
Калина и пр.
Сколько жить я ни буду.
Калина и пр.
Не пойдут быстры реки
Калина и пр.
Ко источнику ввеки.
Калина и пр.

Так и мне неудобно
Калина и пр.
Быть неверной подобно.
Калина и пр.

О ты, крепкий, крепкий Бендер-град,
О разумный храбрый Панин граф!
Ждет Европа чуда славного,
Ждет Россия славы новыя:
Царь турецкий и не думает,
Чтобы Бендер было взяти льзя.
Петр Великий, храбрый мудрый Петр,
Дал Петру свой ум и мужество,
И устами самодержицы
Щедрой, мудрой и великия
Говорит он графу Панину:
«Не был город Бендер взят никем;
Вижу града стены крепкие,
Вижу множество турецких войск,
Здесь число войск русских малое,
Да в тебе душа великая,
Покажите вы величество
Чад и матери империи,
Будьте славой самодержицы,
Будьте пользою отечества».
Панин на это ответствует
От Невы пришедшу голосу:
«Я клянуся перед воинством:
Град возьму, или умру под ним;
Увенчаемся здесь лаврами,
Иль падем под кипарисами».

Слышен голос войска храброго:
«Град возьмем, иль все помрем с тобой».
Наступил уже решенья день,
Приближается ночь темная,
Скрылось солнце в море бурное,
Из-за леса не взошла луна,
Не мешает небо мрачное.
Войско двигнулось ко Бендеру,
Загремели громы страшные,
Заблистали светлы молнии,
Зашумели войски русские,
Затряслися стены градские,
Зажигается селение,
Разгораются все здания.
Панин, Панин, то исполнил ты,
В чем ты клялся перед воинством:
Стонут, стонут побежденные,
Торжествуют победители.

Лжи на свете нет меры,
То ж лукавство да то ж,
Где ни ступишь, тут ложь;
Скроюсь вечно в пещеры,
В мир не помня дверей:
Люди зляе зверей.

Я сокроюсь от мира,
В мире дружба лишь лесть
И притворная честь;
И под видом зефира
Скрыта злоба и яд,
В райском образе ад.

В нем крючок богатится,
Правду в рынок нося
И законы кося;
Льстец у бар там лестится,
Припадая к ногам,
Их подобя богам.

Там Кащей горько плачет:
«Кожу, кожу дерут!»
Долг с Кащея берут;
Он мешки в стену прячет,
А лишась тех вещей,
Стонет, стонет Кащей.

Савушка грешен,
Сава повешен.
Савушка, Сава!
Где твоя слава?

Больше не падки
Мысли на взятки.
Савушка, Сава!
Где твоя слава?

Где делись цуки,
Деньги и крюки?
Савушка, Сава!
Где твоя слава?

Пруд в вертограде,
Сава во аде.
Савушка, Сава!
Где твоя слава?

Всего на свете боле
Страшитесь докторов,
Ланцеты все в их воле,
Хоть нет и топоров.
Не можно смертных рода
От лавок их оттерть,
На их торговлю мода,
В их лавках жизнь и смерть.
Лишь только жизни вечной
Они не продают,
А жизни скоротечной
Купи хотя сто пуд.
Не можно смертных и проч.
Их меньше гривны точка
В продаже николи,
Их рукописи строчка
Ценою два рубли.
Не можно смертных и проч.

Если девушки метрессы,
Бросим мудрости умы;
Если девушки тигрессы,
Будем тигры так и мы.

Как любиться в жизни сладко,
Ревновать толико гадко,
Только крив ревнивых путь,
Их нетрудно обмануть.

У муринов в государстве
Жаркий обладает юг.
Жар любви во всяком царстве,
Любится земной весь круг.

Трепещет и рвется,
Страдает и стонет.
Он верного друга,
На брег сей попадша,
Желает объяти,
Желает избавить,
Желает умреть!

Лицо его бледно,
Глаза утомленны;
Бессильствуя молвить,
Вздыхает лишь он!

ХОР КО ПРЕВРАТНОМУ СВЕТУ

Прилетела на берег синица
Из-за полночного моря,
Из-за холодна океана.
Спрашивали гостейку приезжу,
За морем какие обряды.
Гостья приезжа отвечала:
Всё там превратно на свете.
За морем Сократы добронравны,
Каковых мы здесь и <не> видаем,
Никогда не суеверят,
Не ханжат, не лицемерят.
Воеводы за морем правдивы;
Дьяк там цуками не ездит,
Дьячихи алмазов не носят,
Дьячата гостинцев не просят,
За нос там судей писцы не водят.
Сахар подьячий покупает.
За морем подьячие честны,
За морем писать они умеют.
За морем в подрядах не крадут;
Откупы за морем не в моде,
Чтобы не стонало государство.
Завтрем там истца не питают.

За морем почетные люди
Шеи назад не загибают,
Люди от них не погибают.
В землю денег за морем не прячут,
Со крестьян там кожи не сдирают,
Деревень на карты там не ставят,
За морем людьми не торгуют.
За морем старухи не брюзгливы,
Четок они хотя не носят,
Добрых людей не злословят.
За морем противну указу
Росту заказного не емлют.
За морем пошлины не крадут.
В церкви за морем кокетки
Бредить, колобродить не ездят.
За морем бездельник не входит
В домы, где добрые люди.
За морем людей не смучают,
Сору из избы не выносят.
За морем ума не пропивают;
Сильные бессильных там не давят;
Пред больших бояр лампад не ставят.
Все дворянски дети там во школах,
Их отцы и сами учились;
Учатся за морем и девки;
За морем того не болтают:
Девушке-де разума не надо,
Надобно ей личико да юбка,
Надобны румяна да белилы.
Там язык отцовский не в презреньи;
Только в презреньи те невежи,
Кои свой язык уничтожают,

Кои, долго странствуя по свету,
Чужестранным воздухом некстати
Головы пустые набивая,
Пузыри надутые вывозят.
Вздору там ораторы не мелют;
Стихотворцы вирши не кропают;
Мысли у писателей там ясны,
Речи у слагателей согласны:
За морем невежа не пишет,
Критика злобой не дышет;
Ябеды за морем не знают,
Лучше там достоинство — наука,
Лучше приказного крюка.
Хитрости свободны там почтенней,
Нежели дьячьи закрепы,
Нежели выписки и справки,
Нежели невнятные экстракты.
Там купец — купец, а не обманщик.
Гордости за морем не терпят,
Лести за морем не слышно,
Подлости за морем не видно.
Ложь там велико беззаконье.
За морем нет тунеядцев.
Все люди за морем трудятся,
Все там отечеству служат;
Лучше работящий там крестьянин,
Нежель господин тунеядец;
Лучше нерасчесаны кудри,
Нежели парик на болване.
За морем почтеннее свиньи,
Нежели бесстыдны сребролюбцы.
За морем не любятся за деньги:

Там воеводская метресса
Равна своею степенью
С жирною гадкою крысой.
Пьяные по улицам не ходят,
И людей на улицах не режут.

Притчи

ЖУКИ И ПЧЕЛЫ

Прибаску
Сложу
И сказку
Скажу.
Невежи Жуки
Вползли в науки
И стали патоку Пчел делать обучать.
Пчелам не век молчать,
Что их дурачат;
Великий шум во улье начат.
Спустился к ним с Парнасса Аполлон,
И Жуков он
Всех выгнал вон,
Сказал: «Друзья мои, в навоз отсель подите;
Они работают, а вы их труд ядите,
Да вы же скаредством и патоку вредите!»

*

СОВА И РИФМАЧ

Расхвасталась Сова,
В ней вся от гордости и злобы кровь кипела,
И вот ее слова:
«Я перва изо птиц в сей роще песни пела,
А ныне я за то пускаю тщетный стон;
Попев, я выбита из этой рощи вон:
Во сладко пение я бедство претерпела».
Ответствовал Сове какой-то Стихоткач,
Несмысленный Рифмач:
«Сестрица! я себе такую ж часть наследил,
Что первый в городе на рифмах я забредил».

БЕЗНОГИЙ СОЛДАТ

Солдат, которому в войне отшибли ноги,
Был отдан в монастырь, чтоб там кормить его.
А служки были строги
Для бедного сего.
Не мог там пищею несчастливый ласкаться
И жизни был не рад.
Оставил монастырь безногий сей солдат.
Ног нет; пополз, и стал он по миру таскаться.
Я дело самое преважное имел,
Желая, чтоб никто тогда не зашумел,
Весь мозг, колико я его имею в теле,
Был в этом деле,
И голова была пуста.
Солдат, ползя с пустым лукошком,
Ворчал перед окошком:
«Дай милостынку кто мне, для́ ради Христа,
Подайте ради бога;
Я целый день не ел, и наступает ночь».
Я злился и кричал: «Ползи, негодный, прочь,
Куда лежит тебе дорога:
Давно тебе пора, безногий, умирать,
Ползи, и не мешай мне в шахматы играть».
Ворчал солдат еще, но уж не предо мною,
Перед купеческой ворчал солдат женою.

Я выглянул в окно,
Мне стало то смешно,
За что я сперва злился,
И на безногого я смотря веселился:
Итти ко всенощной была тогда пора;
Купецкая жена была уже стара
И очень богомольна;
Была вдова и деньгами довольна;
Она с покойником в подрядах клад нашла.
Молиться пеша шла;
Но не от бедности; да что колико можно,
Жила она набожно:
Все дни ей пятница была и середа,
И мяса в десять лет не ела никогда,
Дни с три уже она не напивалась водки,
А сверх того всегда
Перебирала четки.
Солдат и ей о пище докучал,
И то ж ворчал.
Защекотило ей его ворчанье в ухе,
И жалок был солдат набожной сей старухе,
Прося, чтоб бедному полушку подала.
Заплакала вдова и в церковь побрела.
Работник целый день копал из ряды
На огороде гряды,
И, встретившись несчастному сему,
Что выработал он, все отдал то ему.
С ползущим воином работник сей свидетель,
В каком презрении прямая добродетель.

ОСЕЛ ВО ЛЬВОВОЙ КОЖЕ

Осел, одетый в кожу львову,
Надев обнову,
Гордиться стал
И будто Геркулес под оною блистал.
Да как сокровищи такие собирают?
Мне сказано: и львы, как кошки, умирают
И кожи с них сдирают.
Когда преставится свирепый лев,
Не страшен левий зев
И гнев;
А против смерти нет на свете обороны.
Лишь только не такой по смерти львам обряд:
Нас черви, как умрем, ядят,
А львов ядят вороны.
Каков стал горд осел, на что о том болтать?
Легохонько то можно испытать,
Когда мы взглянем
На мужика
И почитати станем
Мы в нем откупщика,
Который продавал подовые на рынке
Или у кабака,

И после в скрынке
Богатства у него великая река,
Или, ясняй сказать, и Волга и Ока,
Который всем теснит бока,
И плавает, как муха в крынке,
В пространном море молока,
Или когда в чести увидишь дурака,
Или в чину урода
Из сама подла рода,
Которого пахать произвела природа.
Ворчал,
Мичал,
Рычал,
Кричал,
На всех сердился, —
Великий Александр толико не гордился.
Таков стал наш осел.
Казалося ему, что он судьею сел.
Пошли поклоны, лести
И об осле везде похвальны вести:
Разнесся страх,
И всё перед ослом земной лишь только прах.
Недели в две поклоны
Перед ослом
Не стали тысячи, да стали миллионы
Числом,
А всё издалека поклоны те творятся;
Прогневавшие льва не скоро помирятся;
Так долг твердит уму:
Не подходи к нему.
Лисица говорит: «Хоть лев и дюж детина,
Однако вить и он такая же скотина;

Так можно подойти и милости искать;
А я-то ведаю, как надобно ласкать».
Пришла и милости просила,
До самых до небес тварь подлу возносила,
Но вдруг увидела, все лести те пропев,
Что то осел, не лев.
Лисица зароптала,
Что, вместо льва, осла всем сердцем почитала.

ОБЕЗЬЯНА-СТИХОТВОРЕЦ

Пришла Кастальских вод напиться обезьяна,
Которые она Кастильскими звала,
И мыслила, сих вод напившися допьяна,
Что, вместо Греции, в Ишпании была,
И стала петь, Гомеру подражая,
Величество своей души изображая.
Но как ей петь!
Высоки мысли ей удобно ли иметь?
К делам, которые она тогда гласила,
Мала сей твари сила:
Нет мыслей; за слова приняться надлежит.
Вселенная дрожит,
Во громы громы бьют, стремятся тучи в тучи,
Гиганты холмиков на небо мечут кучи,
Горам дает она толчки.
Зевес надел очки
И ноздри раздувает,
Зря пухлого певца,
И хочет истребить нещадно до конца
Пустых речей творца,
Который дерзостно героев воспевает.

Однако рассмотрев, что то не человек,
Но обезьяна горделива,
Смеяся, говорил: «Не мнил во весь я век
Сему подобного сыскать на свете дива».

БОЛВАН

Был выбран некто в боги:
Имел он голову, имел он руки, ноги
И стан;
Лишь не было ума на полполушку,
И деревянную имел он душку.
Был идол попросту болван.
И зачали болвану все молиться,
Слезами пред болваном литься
И в перси бить.
Кричат: «Потщися нам, потщися пособить!»
Всяк помощи великой чает.
Болван того
Не примечает
И ничего
Не отвечает:
Не слушает болван речей ни от кого,
Не смотрит, как жрецы мошны искусно слабят
Перед его пришедших олтари
И деньги грабят
Таким подобием, каким секретари
В приказе
Под несмотрением несмысленных судей
Сбирают подати в карман себе с людей,
Не помня, что о том написано в указе.

Потратя множество и злата и сребра
И не видав себе молебщики добра,
    Престали кланяться уроду
    И бросили болвана в воду,
Сказав: «Не отвращал от нас ты зла:
Не мог ко счастию ты нам пути отверзти!
Не будет от тебя, как будто от козла,
    Ни молока, ни шерсти».

ЛИСИЦА И ТЕРНОВЫЙ КУСТ

Стоял Терновый куст.
Лиса мошейничать обыкла
И в плутни вникла.
Науку воровства всю знает наизуст,
Как сын собачий
Науку о крючках,
А попросту бессовестный подьячий.
Лисице ягоды прелестны на сучках,
И делает она в Терновник лапой хватки,
Подобно как писец примается за взятки.
Терновый куст
Как ягодой, так шильем густ
И колется. Лиса ярится,
Что промысел ея без до́бычи варится.
Лисица говорит Терновнику: «Злодей!
Все лапы исколол во злобе ты своей».
Терновник отвечал: «Бранись, как ты изволишь:
Не я тебя колю, сама себя ты колешь».
Читатель! знаешь ли, к чему мои слова?
Каков Терновый куст, сатира такова.

ПИР У ЛЬВА

Коль истиной не можно отвечать,
Всего полезнее молчать.
С боярами как жить, потребно это ведать.
У Льва был пир,
Пришел весь мир
Обедать.
В покоях вонь у Льва:
Квартера такова.
А львы живут нескудно,
Так это чудно.
Подобны в чистоте жилищ они чухнам
Или посадским мужикам,
Которые в торги умеренно вступили
И откупами нас еще не облупили
И вместо портупей имеют кушаки,
А кратче так: торговы мужики.
Пришла вонь Волку к носу;
Волк это объявил в беседе без допросу,
Что запах худ.
Услышав, Лев кричит: «Бездельник ты и плут,
Худого запаха и не бывало тут.
И смеют ли в такие толки
Входить о львовом доме волки?»

А чтобы бредить Волк напредки не дерзал,
Немножечко он Волка потазал
И для поправки наказал,
А именно — на части растерзал.
Мартышка, видя страшны грозы,
Сказала: «Здесь нарциссы, розы
Цветут».
Лев ей ответствовал: «И ты такой же плут:
Нарциссов, роз и не бывало тут.
Напредки не сплетай ты лести,
А за такие вести
И за приязнь
Прими и ты достойну казнь».
Преставился Волчишка,
Преставилась Мартышка.
«Скажи, Лисица, ты, — хозяин вопрошал, —
Какой бы запах нам дышал?
Я знаю, что твое гораздо чувство нежно;
Понюхай ты прилежно».
Лисица на этот вопрос
Сказала: «У меня залег сегодня нос».

ПРОТОКОЛ

Украл подьячий протокол,
А я не лицемерю,
Что этому не верю:
Впадет ли в таковой раскол
Душа такого человека!
Подьячие того не делали в век века.
И может ли когда иметь подьячий страсть,
Чтоб стал он красть!
Нет, я не лицемерю,
Что этому не верю;
Подьяческа душа
Гораздо хороша.
Да Правда говорит гораздо красноречно:
Уверила меня, что было то конечно.
У Правды мало врак;
Не спорю, было так.
Судья того приказа
Был добрый человек;
Да лишь во весь он век
Не выучил ни одного указа.
Однако осудил за протокол
Подьячего на кол.
Хоть это строго,
Да не гораздо много.

Мне жалко только то: подьячий мой
Оттоль не принесет полушечки домой.
Подьячий несколько в лице переменялся
И извинялся,
На милосердие судью маня,
И говорил: «Попутал черт меня».
Судья на то: «Так он теперь и оправдался.
Я, право, этого, мой друг, не дожидался.
За протокол
Его поймать и посадить на кол».
Однако ты, судья, хоть город весь изрыщешь,
Не скоро черта сыщешь;
Пожалуй, справок ты не умножай
Да этого на кол сажай.

КОЛОВРАТНОСТЬ

Собака кошку съела,
Собаку съел медведь,
Медведя зевом лев принудил умереть,
Сразити льва рука охотничья умела,
Охотника ужалила змея,
Змею загрызла кошка.
Сия
Вкруг около дорожка.
А мысль моя,
И видно нам неоднократно,
Что всё на свете коловратно

ВОЙНА ОРЛОВ

Дрались Орлы,
И очень были злы.
За что?
Того не ведает никто.
Под самыми они дралися небесами;
Не на земли дрались, но выше облаков,
Так, следственно, и там довольно дураков.
Деремся вить и мы, за что, не зная сами;
Довольно, что Орлы повоевать хотят,
А перья вниз летят.
Дерутся совестно они, без лицемерья.
Орлы поссорились, стрелкам орлины перья.

КУЛАШНЫЙ БОЙ

На что кулашный бой?
За что у сих людей война между собой?
За это ремесло к чему бойцы берутся?
За что они дерутся?
За что?
Великой тайны сей не ведает никто,
Ни сами рыцари, которые воюют,
Друг друга кои под бока
И в нос и в рыло суют,
Куда ни попадет рука;
Посредством кулака
Расквашивают губы
И выбивают зубы.
Каких вы, зрители, здесь ищете утех,
Где только варварство позорища успех?

ИСТИНА

Хотя весь свет
Изрыщешь,
Прямыя истины не сыщешь;
Ея на свете нет;
Семь тысяч лет
Живет
Она высоко,
В таких местах, куда не долетает око,
Как быстро взор ни понеси,
А именно — живет она на небеси.
Так я тебе скажу об этом поученье:
О чем ты сетуешь напрасно, человек,
Что твой недолог век
И скоро наших тел со духом разлученье?
Коль свет наполнен суеты,
Так ясно видишь ты,
Что всё на свете сем мечты,
А наша жизнь не жизнь, но горесть и мученье.

СТРЯПЧИЙ

Какой-то человек ко стряпчему бежит:
«Мне триста, — говорит, — рублей
принадлежит».
Что делать надобно тяжбою, как он чает?
А стряпчий отвечает:
«Совет мой тот:
Поди и отнеси дьяку рублей пятьсот».

ОСЬ И БЫК

В лесу воспитанная с негой,
Под тяжкой трется Ось телегой
И, неподмазанна, кричит.
А Бык, который то везет, везя молчит.
Изображает Ось господчика мне нежна,
Который держит худо счет,
По-русски — мот,
А Бык — крестьянина прилежна.
Страдает от долгов обремененный мот,
А этого не воспомянет,
Что пахарь, изливая пот,
Трудится и тягло ему на карты тянет.

ШАЛУНЬЯ

Шалунья некая в беседе,
В торжественном обеде,
Не бредила без слов французских ничего,
Хотя она из языка сего
Не знала ничего,
Ни слова одного,
Однако знанием хотела поблистати
И ставила слова французские некстати;
Сказала между тем: я еду делать *кур*.
Сказали дурище, внимая то, соседки:
«Какой плетешь ты вздор, кур делают
наседки!»

АРАП

Чье сердце злобно,
Того ничем исправить не удобно;
Нравоучением его не претворю;
Злодей, сатиру чтя, злодействие сугубит:
Дурная бабища вить зеркала не любит.
Козицкий! правду ли я это говорю?
Нельзя во злой душе злодействия убавить.
И так же критика несмысленным писцам
Толико нравится, как волк овцам;
Не можно автора безумного исправить:
Безумные чтецы им сверх того покров,
А авторство неисходимый ров;
Так лучше авторов несмысленных оставить.
Злодеи тщатся пусть на свете сем шалить,
А авторы себя мечтою веселить.
Был некто в бане мыть искусен и проворен.
Арапа сутки мыл, Арап остался черен.
В другой день банщик тот Арапа поволок
На полок;
Арапа жарит,
А по-крестьянски то — Арапа парит
И черноту с него старается стереть

Арап мой преет,
Арап потеет,
И кожа на Арапе тлеет:
Арапу черным жить и черным умереть.
Сатира, критика совсем подобна бане:
Когда кто вымаран, того в ней льзя омыть;
Кто черен родился, тому вовек так быть.
В злодее чести нет, ни разума в чурбане.

ПОРЧА ЯЗЫКА

Послушай басенки, Мотонис, ты моей:
Смотри в подобии на истину ты в ней
И отвращение имей
От тех людей,
Которые ругаются собою,
Чему смеюся я с Козицким и с тобою
В дремучий вшодши лес,
В чужих краях был Пес
И, сограждан своих поставив за невежей,
Жил в волчьей он стране и во стране медвежьей.
Не лаял больше Пес; медведем он ревел
И волчьи песни пел.
Пришед оттоль ко псам обратно,
Отеческий язык некстати украшал:
Медвежий рев и вой он волчий в лай мешал
И почал говорить собакам непонятно.
Собаки говорили:
«Не надобно твоих нам новеньких музык;
Ты портишь ими наш язык»,
И стали грызть его и уморили.
А я надгробие читал у Пса сего:
«Вовек отеческим языком не гнушайся,
И не вводи в него
Чужого ничего,
Но собственной своей красою украшайся».

БЛОХА

Блоха, подъемля гордо бровь,
Кровь барскую поносит,
На воеводство просит:
«Достойна я, — кричит, — во мне всё барска кровь»
Ответствовано ей: «На что там барска слава?
Потребен барский ум и барская расправа».

ПАРИСОВ СУД

У парников сидели три богини,
Чтоб их судил Парис, а сами ели дыни.
Российской то сказал нам древности толмач
И стихоткач,
Который сочинил какой-то глупый плач
Без склада
И без лада.
Богини были тут: Паллада,
Юнона
И матерь Купидона.
Юнона подавилась,
Парису для того прекрасной не явилась;
Минерва
Напилась, как стерва;
Венера
Парису кажется прекрасна без примера,
Хотя и все прекрасны были:
Прекрасны таковы Любовь, Надежда, Вера.
А сидя обнажась, весь стыд они забыли.
Парис на суд хоть сел,
Однако был он глуп, как лосось иль осел.
Кокетку сей судья двум бабам предпочел,
И рассердил он их, как пчельник в улье пчел;

И Дию он прочел
Экстракт и протокол.
Дий за́ это его не взрютил чуть на кол.
Венера возгордилась,
Дочь мозгова зардилась,
Юнона рассердилась,
Приама за это остригла и обрила
И Трою разорила.

ПУЧОК ЛУЧИНЫ

Нельзя дивиться, что была
Под игом Росская держава
И долго паки не цвела,
Когда ея упала слава;
Вить не было тогда
Сего великого в Европе царства,
И завсегда
Была вражда
У множества князей едина государства.
Я это в притче подтвержу,
Которую теперь скажу,
Что Россов та была падения причина —
Была пучком завязана лучина;
Колико руки ни томить,
Нельзя пучка переломить,
Как Россы, так она рассыпалась подобно,
И стало изломать лучину всю удобно.

НЕДОСТАТОК ВРЕМЕНИ

Жив праздности в уделе
И в день ни во един
Не упражнялся в деле
Какой-то молодой и глупый господин.
Гораздо, кажется, там качества упруги,
Где нет отечества ни малыя услуги.
На что родится человек,
Когда проводит он во тунеядстве век?
Он член ли общества? моя на это справка,
Внесенная во протокол:
Не член он тела — бородавка;
Не древо в роще он, но иссушенный кол;
Не человек, но вол,
Которого не жарят.
И бог то ведает, за что его боярят.
Мне мнится, без причин,
К таким прилог и чин.
Могу ль я чтить урода,
Которого природа
Произвела ослом?
Не знаю, для чего щадит таких и гром,
Такой и мыслию до дел не достигает,
Единой праздности он друг,

Но ту свою вину на время возлагает,
Он только говорит: сегодня недосуг.
А что ему дела во тунеядстве бремя,
На время он вину кладет,
Болтая: времени ему ко делу нет.
Пришло к нему часу в десятом время;
Он спит,
Храпит,
Приему время не находит
И прочь отходит.
В одиннадцать часов пьет чай, табак курит
И ничего не говорит.
Так времени его способный час неведом.
В двенадцать он часов пирует за обедом,
Потом он спит,
Опять храпит.
А под вечер, болван, он, сидя, убирает —
Не мысли, волосы приводит в лад,
И в сонмищи публичны едет, гад,
И после в карты проиграет.
Несчастлив этот град,
Где всякий день почти и клоб и маскерад.

САТИР И ГНУСНЫЕ ЛЮДИ

Сквозь темную пред оком тучу
Взгляни, читатель, ты
На светски суеты!
Увидишь общего дурачества ты кучу;
Однако для́ ради спокойства своего,
Пожалуй, никогда не шевели его;
Основана сия над страшным куча адом,
Наполнена различным гадом,
Покрыта ядом.
С великим пастухи в долине были стадом.
Когда?
Не думай, что тогда,
Когда для человека
Текли часы златого века,
Когда еще наук премудрость не ввела
И в свете истина без школ еще цвела,
Как не был чин еще достоинства свидетель,
Но добродетель.
И, словом, я скажу вот это наконец:
Реченны пастухи вчера пасли овец,
По всякий день у них была тревога всяка:
Вздор, пьянство, шум и драка.
И, словом, так:
Из паства сделали они себе кабак —

Во глотку,
И в брюхо, и в бока,
На место молока,
Цедили водку,
И не жалел никто ни зуб, ни кулака,
Кабашный нектар сей имеючи лекарством,
А бешеную жизнь имев небесным царством.
От водки голова болит,
Но водка сердце веселит.
Молошное питье не диво,
Его хмельняй и пиво;
Какое ж им питье и пить,
Коль водки не купить?
А деньги для чего иного им копить?
В лесу над долом сим Сатир жил очень близко,
И тварию их он презренною считал,
Что низки так они, живут колико низко.
Всегда он видел их, всегда и хохотал,
Что нет ни чести тут, ни разума, ни мира.
Поймали пастухи Сатира
И бьют его
Без милосердия, невинна Демокрита.
Не видит помощи Сатир ни от кого.
Однако Пан пришел спасти Сатира бита;
Сатира отнял он, и говорил им Пан:
«За что поделали ему вы столько ран?
Напредки меньше пейте;
А что смеялся он, за то себя вы бейте.
А ты вперед, мой друг,
Ко наставлению не делай им услуг;
Опасно наставленье строго,
Где зверства и безумства много».

ОТРЕКШАЯСЯ МИРА МЫШЬ

С лягушками войну, злясь, мыши начинали.
За что?
И сами воины того не знали;
Когда ж не знал никто,
И мне безвестно то.
То знали только в мире,
У коих бороды пошире.
Затворник был у них и жил в голландском сыре:
Ничто из светского ему на ум нейдет;
Оставил навсегда он роскоши и свет.
Пришли к нему две мышки
И просят, ежели какие есть излишки
В имении его,
Чтоб подал им хотя немного из того,
И говорили: «Мы готовимся ко брани».
Он им ответствовал, поднявши к сердцу длани:
«Мне дела нет ни до чего.
Какия от меня, друзья, вы ждете дани?»
И как он то проговорил,
Вздохнул и двери затворил.

ФИЛИН

В павлиньих перьях Филин был
И подлости своей природы позабыл.
Во гордости жестокой
То низкий человек, имущий чин высокой.

Пародии и оды вздорные

‹ПЕСЕНКА›

Красоту на вашу смотря, распалился я, ей! ей!
Изволь меня избавить ты от страсти тем моей!
Бровь твоя меня пронзила, голос кровь зажег,
Мучишь ты меня, Климена, и стрелою сшибла
с ног.

Видеть мне тебя есть драго,
О богиня всей любви!
Только то мне есть не благо,
Что живешь в моей крови.

Или ты меня, спесиха слатенька, любезный свет,
Завсегда так презираешь, о, увы! моих злых бед!
Хоть, Климена, исподтиха покажи мне склонный
вид,
И не делай больше сердцу преобидных ты обид!

Не теряй свою тем младость,
Приклони ко мне себя,
Мысль моя увидит сладость,
Буду жить, ся не губя.

ПЕСНЯ

О приятное приятство,
 Ти даюсь сама я в власть,
Всё в тебе я зрю изрядство,
 Тщусь сама ся дать, ах! в страсть.
Я таилася не ложно,
 Но, однак, открылась ти.
Весь мой дух за невозможно
 Ставит пламени уйти.

О восхить его, восхити
 Больш еще, любви божок.
Станем друг друга любити,
 О мой слатенький дружок.
Прочь от мя ушла свобода,
 Мой сбег с ней прочь, о! и нрав.
Прочь, любовная невзгода,
 О любезный, будь мой здрав.

Как синицы птички нежно
 Между любятся собой,
Их любовь как с счастьем смежно
 В драгости живет самой;

В летах так с тобой мы красных,
И седин мы до своих,
И в сединах желтоясных,
В мыслях станем жить одних.

Мне зело ты преприятен
И зело, ах! мя зажег.
Твой ли жар уж весь понятен,
В том ти сердце вот в залог.
Ты ж не страждь уж больш так ныне,
Утирая милу бровь,
Будь всегда всё в благостыне,
Бречь, о станем, ах, любовь!

СОНЕТ

Вид, богиня, твой всегда очень всем весь нравный,
Уязвляет, оный бы ни увидел кто.
Изо всех красот везде он всегда есть славный,
Говорю без лести я предо всеми то.

Всяко се наряд твой есть весь чистоприправный.
А хотя же твой убор был бы и ничто,
Был, однак, бы на тебе злату он не равный,
Раз бы адаманта был драгоценней сто.

Ти покорный я слуга много и премного,
Пышно хоть одета ты иль хоть убого.
Полюби же ты меня, ах! немного хоть.
Объяви, прекрасна бровь, о любви всей прямо,
И на час ко мне хотя, о богиня, подь
Иль позволь прийти к себе поклониться тамо.

ДИФИРАМБ

Позволь, великий Бахус, нынь
Направити гремящу лиру
И во священном мне восторге,
Тебе воспеть похвальну песнь!

Внемли, вселенная, мой глас,
Леса, дубровы, горы, реки,
Луга, и степь, и тучны нивы,
И ты, пространный океан!

Тобой стал новый я Орфей!
Сбегайтеся на глас мой, звери,
Слетайтеся ко гласу, птицы,
Сплывайтесь, рыбы, к верху вод!

Крепчайших вин горю в жару,
Во исступлении пылаю:
В лучах мой ум блистает солнца,
Усугубляя силу их.

Прекрасное светило дня
От огненныя колесницы
В Рифейски горы мещет искры,
И растопляется металл.

Трепещет яростный Плутон,
Главу во мраке сокрывает:
Из ада серебро лиется,
И золото оттоль течет.

Уже стал таять вечный лед,
Судам дорогу отверзая:
На севере я вижу полдень,
У Колы Флору на лугах.

Богини, кою Актеон
Узрел несчастливый нагую,
Любезный брат! о сын Латоны!
Любовник Дафны! жги эфир!

А ты, о Семелеин сын,
Помчи меня к Каспийску морю!
Я Волгу обращу к вершине
И, утомленный, лягу спать!

ОДА ВЗДОРНАЯ I

Превыше звезд, луны и солнца
В восторге возлетаю нынь,
Из горних областей взираю
На полуночный океан:
С волнами волны там воюют,
Там вихри с вихрями дерутся
И пену плещут в облака;
Льды вечные стремятся в тучи
И их угрюмость раздирают
В безмерной ярости своей.

Корабль шумящими горами
Подъемлется на небеса;
Там громы в громы ударяют
И не целуют тишины;
Уста горящих тамо молний
Не упиваются росою
И опаляют весь лазурь;
Борей замерзлыми руками
Из бездны китов извлекает
И злобно ими в твердь разит.

Возникни, лира, вознесися,
Греми во всех концах земли
И песнию великолепной
Умножи славу ты мою!
Эол, пусти на волю ветры
И возложи мои ты мысли
На буреносны крылья их!
Помчуся по всему пространству,
Проникну воздух, небо, море
И востревожу весь эфир.

Не сплю, но в бодрой я дремоте
И наяву зрю страшный сон:
Нептун из пропастей выходит,
Со влас его валы текут,
Главою небесам касаясь,
Пучины топчет пирамид;
Где только ступит, тамо ров.
Под тяжкою его пятою
Свирепы волны раздаются,
Чудовищи ко дну бегут.

Как если я того достоин,
Скажи мне, о Сатурнов сын!
Почто оставил ты чертоги
И глубину ревущих вод?
Отверз уста правитель моря,
Сто крат сильняе стала буря,
И океан вострепетал,
Леса и горы затрещали,
Брега морские затряслися,
И устрашился сам Зевес.

«Твоею лирой насладиться
Я вышел из пучинных недр:
Поставь Фебанские ты стены
На мразных северных брегах;
Твои великолепны песни
Подобны песням Амфиона;
Не медли, зижди новый град
И украси храм музам пышно
Мусией, бисером и златом». —
Он рек и скрылся в бездне вод.

ОДА ВЗДОРНАЯ II

Гром, молнии и вечны льдины,
Моря и озера шумят,
Везувий мещет из средины
В подсолнечну горящий ад.
С востока вечна дым восходит,
Ужасны облака возводит
И тьмою кроет горизонт.
Ефес горит, Дамаск пылает,
Тремя Цербер гортаньми лает,
Средьземный возжигает понт.

Стремглав Персеполь упадает,
Подобно яко Фаэтон,
Нептун державу покидает
И в бездне повергает трон;
Гиганты руки возвышают,
Богов жилище разрушают,
Разят горами в твердь небес,
Борей, озлясь, ревет и стонет,
Япония в пучине тонет,
Дерется с Гидрой Геркулес.

Претяжкою ступил ногою
На Пико яростный Титан
И, поскользнувшися, другою —
Во грозный льдистый океан.
Ногами он лишь только в мире,
Главу скрывает он в эфире,
Касаясь ею небесам.
Весь рот я, музы, разеваю
И столько хитро воспеваю,
Что песни не пойму и сам.

ОДА ВЗДОРНАЯ III

Среди зимы, в часы мороза,
Когда во мне вся стынет кровь,
Хочу твою воспети, Роза,
С Зефиром сладкую любовь.
В верхах Парнасских быстры реки
Цветов царицу вы навеки
Взнесите шумно в небеса;
Стремитесь, мысленные взоры,
На многие Парнасски горы;
Моря, внимайте, и леса.

Стесненна грудь моя трепещет,
Вселенная дрожит теперь;
Гигант на небо горы мещет,
К Юпитеру отверсти дверь;
Кавказ на Этну становится,
В сей час со громом гром сразится,
От ада помрачится свет:
Крылатый конь перед богами
Своими бурными ногами
В сей час ударит в вечный лед.

Пекин горит, и Рим пылает,
О, светской славы суета!
Троянски стены огнь терзает,
О вы, ужасные места!
Нынь вся вселенна загорелась,
Вспылала только, лишь затлелась,
Всю землю покрывает дым;
Нарцисс любуется собою,
Так, Роза, как Зефир тобою.
Пылай, великолепный Рим!

Мятутся ныне все планеты,
И льва пресильною рукой
Свергаются с небес кометы:
Премены ждал ли кто такой?
Великий Аполлон мятется,
Что лира в руки отдается
Орфею, Амфиону нынь.
Леса, сей песнью наслаждайтесь,
Высоки стены, созидайтесь,
В эфире лед вечный синь.

В безоблачной стране несуся,
Напившись Ипокренских вод,
И, их напившися, трясуся,
Производитель громких од!
Ослабли гордые нынь ямбы,
Ослабли пышны дитирамбы.
О Бахус, та ль награда мне?
Орфей, ты больше не трясися;
Возникни, муза, вознесися,
Греми в безоблачной стране!

Род смертных, Пиндара высока
Стремится подражать мой дух.
От запада и от востока,
Лечу на север и на юг
И громогласно восклицаю,
Луну и солнце проницаю,
Взлетаю до предальных звезд;
В одну минуту восхищаюсь,
В одну минуту возвращаюсь
До самых преисподних мест.

Там вижу грозного Плутона,
Во мраке мрачный вижу взор.
Узрев меня, бежит он с трона,
А я тогда вспеваю вздор.
Из ада вижу Италйю,
Кастильски воды, Остиндию,
Амур-реку и вечный лед.
Прощай, Плутонова держава:
О вечный лед, моя ты слава!
Ты мне всего миляй, мой свет.

Трава зеленою рукою
Покрыла многие места,
Заря багряною ногою
Выводит новые лета.
Вы, тучи, с тучами спирайтесь,
Во громы, громы, ударяйтесь,
Борей, на воздухе шуми.
Пройду нутр горный и вершину,
В морскую свергнуся пучину:
Возникни, муза, и греми!

О Роза! я пою мятежно,
Согласия в сей оде нет.
Целуйся ты с Зефиром нежно,
Но помни то, что я поэт;
Как если ты сие забудешь,
Ты ввек моей злодейкой будешь;
Не стану я хвалить тебя;
А кто поэта раздражает,
Велико войско воружает
Против несчастного себя!

ДИФИРАМВ ПЕГАСУ

Мой дух, коль хочешь быти славен,
Остави прежний низкий стих!
Он был естествен, прост и плавен,
Но хладен, сух, бессилен, тих!
Гремите, музы, сладко, красно,
Великолепно, велегласно!
Стремись, Пегас, под небеса,
Дави эфирными брегами
И бурными попри ногами
Моря, и горы, и леса!

Атлант горит, Кавказ пылает
Восторгом жара моего,
Везувий ток огня ссылает,
Геенна льется из него;
Борей от молнии дымится,
От пепла твердь и солнце тмится,
От грома в гром, удар в удар.
Плутон во мраке черном тонет,
Гигант под тяжкой Этной стонет,
На вечных лютых льдах пожар.

Тела в песке лежащи сером
Проснулись от огромных слов;

Пентезилея с Агасфером
Выходят бодро из гробов,
И более они не дремлют,
Но бдя, музыки ревы внемлют:
Встал Сиф, Сим, Хам, Нин, Кир,
Рем, Ян;
Цербера песнь изобразилась;
Луна с светилом дня сразилась,
И льется крови океан.

Киплю, горю, потею, таю,
Отторженный от низких дум;
Пегасу лавры соплетаю,
С пресердьем напрягая ум.
Пегас летит как Вещий Бурка,
И удивляет перса, турка;
Дивится хинец, готтентот;
Чудится Пор, герой индеян,
До пят весь перлами одеян,
Разинув весь геройский рот.

Храпит Пегас и пенит губы,
И вихрь восходит из-под бедр,
Открыл свои Пермесски зубы,
И гриву раздувает ветр;
Ржет конь, и вся земля трепещет,
И луч его подковы блещет.
Поверглись горы, стонет лес,
Воздвиглась сильна буря в понте;
Встал треск и блеск на горизонте,
Дрожит Самсон и Геркулес.

Во восхищении глубоком,
Вознесся к дну морских я вод,
И в утоплении высоком
Низвергся я в небесный свод,
И, быстротечно мчася вскоре,
Зрюсь купно в небе я и в море,
Но скрылся конь от встречных глаз;
Куда герой крылатый скрылся?
Не в дальних ли звездах зарылся,
В подземных пропастях Пегас?

И тамо, где еще безвестны
Восходы Феба и Зари,
Никоему коню не вместны,
Себе поставил олтари,
Во мраке непрестанной тени
Металлы пали на колени
Пред холкой движного коня;
Плутон от ярости скрежещет,
С главы венец сапфирный мещет
И ужасается, стеня.

Плутон остался на престоле,
Пегас взлетел на Геликон;
Не скоро вскочит он оттоле:
Реку лежанья пьет там он.
О конь, о конь пиндароносный,
Пиитам многим тигрозлостный,
Подвижнейший в ристаньи игр!
По путешествии обширном,
При восклицании всемирном
Да здравствует пернатый тигр.

Отрывки из трагедий

ХОРЕВ

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Явление 1

Кий
(один)

О время тяжкое порфиры и короны!
Законодавцу всех трудней его законы.
Во всей подсолнечной гремит монарша страсть,
И превращается в тиранство строга власть;
А милость винному, преступнику прощенье
Нередко и царю и всем в отягощенье.
Но меры правоты всегда ли льзя найти,
По коей к общему блаженству мочь итти,
Потребно множество монарху проницанья,
Коль хочет он носить венец без порицанья,
И если хочет он во славе быти тверд,
Быть должен праведен, и строг, и милосерд,
Уподоблятися правителям природы,
Как должны подражать ему его народы.
Но коей радости в победе ныне жду?
Почто в желанный гроб толь медленно иду?

СИНАВ И ТРУВОР

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Явление 3

Труввор и Ильмена

Трувор

Сие ли нашея горячности плоды!
Потщимся отвратить толь лютые беды,
Доколе время всей надежды не скончало,
Которо наше всё веселие умчало.

Ильмена

В сей крайности, мой князь, толь пламенно любя,
Чего б ни сделала Ильмена для тебя!
Но я спасения ни в чем себе не вижу
И всё в отчаяньи на свете ненавижу.

Трувор

Ты слышала, в сей день назначен мой отъезд,
Лишаюся навек я сих прекрасных мест.
Глаза покажут мне стези моей дороги,
И буду жить я там, где мне прикажут боги.
Коль не гнушаешься быть странника женой,

Коль любишь ты меня, расстанься с сей страной,
И из величества, куда восходишь ныне,
Отважься ты со мной жить в бедности
в пустыне,
С презренным, с выгнанным, с оставленным
от всех!
Покинь с желанием надежду всех утех,
Которы пышностью князей увеселяют
И честолюбия ничем не утоляют;
Довольствуйся одним пустынным житием,
Будь мне участница в несчастии моем,
Которо, коль ты мне вручишь красу и младость,
Во несказанную преобратится радость.

Ильмена

Мое прибежище стенания одни.
О мой несносный рок! о горестные дни!
Неогорчаема любовною судьбою,
В уединении, в убожестве с тобою
Со всей охотою покойно б я жила
И младость бы свою в весельи провела.
Но пред родителем как буду я преслушна?
Каков родитель мой, так я великодушна.
Я знаю, что́ мне брак противный приключит,
Но с должностью меня ничто не разлучит.

Трувор

Когда бы ты меня не так любила мало,
Так сердце б не такой совет тебе давало.
Когда рассудок наш бесстрастно говорит,
Там кровь, хотя жарка, однако не горит.

Ильмена

Колико тщится днесь Ильмена лицемерить!
Хотя бы я клялась, никто не будет верить.
Как я тебя люблю, не можно вобразить,
Нельзя никак любви сильняе заразить,
Что скоро действие, мой князь, тебе покажет,
И кто-нибудь когда о том тебе расскажет.
Правители небес, которых так мы чтим,
Хотят того, чтоб мы уподоблялись им.
Явлюся дочерью геройскою в народе
И, победив себя, дам действовать природе.
Хоть мя в порочну жизнь она не вовлечет,
Но злополучие, конечно, пресечет.

Трувор

Ты хочешь умереть; тебе ль умреть прилично,
Во младости своей, прекрасной необычно?
Живи и слабости любовной не вини,
Живи и грубу мысль, драгая, отмени!

Ильмена

Ничто от мысли сей меня не отвращает.
Живи, где рок тебе жилище обещает;
Я знаю, что тебе меня лишиться жаль,
Но мне моя еще несноснее печаль.

Трувор

Ты верностью меня, драгая, уверяешь,
И, ах, без жалости навек меня теряешь.
Мучитель не губит того, к кому он щедр,
Ни льстец, изверженный во свет из адских недр;
В мучительстве, во льсти, в лютейших сих двух ядах

Нет казни таковой, в твоих какая взглядах.
Глаза твои ко мне в крови являют жар,
А ты готовиши смертельный мне удар!
Рази! и отделяй печальный дух от тела,
И после говори, что жалость ты имела.
Я зрю, что ты одно суровство только чтишь
И долгом то зовешь, что ты меня губишь;
То ложно, что себя ты оным обесславишь,
Когда любовника мучения избавишь:
Сию имея мысль, родитель твой свиреп.

Ильмена

Кто любит, тот всегда в своем рассудке слеп,
А мне с младенчества отцом моим вперенно,
Чтоб сердце было ввек рассудку покоренно.

Трувор

Оставшие часы немедля пролетят.
С какою жалостью покину я сей град,
Той град, где вся моя утеха остается!..
Увы! из глаз твоих источник слез лиется!..
Ты плачешь обо мне!.. жалей меня! жалей!
Скажи, Ильмена, мне, скажи в тоске моей,
Могу ли я еще надеяться пылая,
Что ты со мной отсель...

Ильмена

О часть моя презлая!

Трувор

Моя сплетенна часть с твоею навсегда:
Не буду без тебя спокоен никогда.

(Становится на колени.)

Смягчись, дражайшая! отвергни права люты!
И помни, что сии последние минуты
Ко отвращенью бед нам дороги теперь...

Ильмена

Я помню только то, что я герою дщерь.

Трувор

(стоя на коленях)

А то забыла ты, колико ни страдаешь,
Что ты меня в сей день навеки покидаешь?
Возможно ли сие любовнику снести.
Спасай меня! еще ты можешь мя спасти.

Явление 4

Трувор, Ильмена и Синав

Синав

Преступка нет нигде подобна сей измене!
Меня нарек отец супругом быть Ильмене.
Ты знаешь то? твое веселье претекло.

Трувор

Но сердце ей меня супругом нарекло.

Синав

Преступник истины! рушитель дружбы,
братства!
И кровь не делает неправедным препятства.
Враг честности!

Трувор

Постой, хоть власть тебе дана,
Но Трувору ль терпеть такие имена?
Хотя и должен я тебе повиноваться,
Но я не так рожден, чтоб мне тебя бояться.
Скрепився, ярости толикой уступлю,
А слов ни от кого поносных не стерплю.

Ильмена

Иль душу вы мою еще тесните мало?

Синав

(Трувору)

Названия сии тебе безделъство дало.

Трувор

Безделъство дало мне?

Ильмена

(Трувору)

Престани говорить.

Синав

(Трувору)

Противу ты меня что можеши творить?

Трувор

(вынимает против него меч свой и бросается на него)

Я буду делать то, что честь теперь вещает.

Как только Трувор за меч свой ухватился, в то самое время и Синав то ж делает.

Ильмена

(бросаясь между их)

Кто более из вас свирепства ощущает?
Коль в злобу вас могла любовью я привлечь,
Вонзай мне в грудь *(Синаву)* хоть ты,
(Трувору) хоть ты свой острый меч!

Трувор

Любовь, гнев, жалость рвут меня его виною:
Играйте, страсти все, играйте, страсти, мною!

(Кладет меч свой в ножны.)

Синав

(кладет меч свой в ножны и говорит Ильмене)

Я ради лишь тебя не мщу сего ему;
Но дерзостного ты привесть должна к тому,
Чтоб прежней не затмил он всей моей приязни,
Когда не хочет пасть на месте лютой казни.

Трувор

Ты казнью мне грозишь?

Ильмена

(Трувору)

Дни жизни мне храня,
Пойди отселе, князь, коль ты любил меня!

Трувор

Где я ни буду жить, доколе не увяну,
Тебя, дражайшая, любити не престану.

Явление 5

Синав и Ильмена

Синав

Ты Трувора к своим пускаешь пасть ногам
В тот день, в который ты со мной идешь
во храм?

Ильмена

Прибавьте, небеса, к терпению мне мочи!
Сдержитеся от слез, мои печальны очи!
Не вспоминай его ты больше предо мной!
Я буду без того Синавовой женой.

Синав

Коль горестно тебе сие воспоминанье,
Так, знать, не кончилось еще твое желанье
О получении отъемлемых утех:
Оно погибель мне, тебе — и стыд и грех.

Ильмена

Прискорбная душа не о забавах мыслит
И только лишь одне свои напасти числит.

Синав

Благополучен быть в сей день тобой хощу,
Жду радостей своих, в надежде сей грущу.
Тьмы будущих приятств в уме изображаю
И, представляя то, болезни умножаю.
Синавова любовь зовет тебя на трон. . .
Скончай, дражайшая, скончай тоску и стон!

Ильмена

Не возмущай еще души моей ты снова!
А я с тобой во храм итти уже готова.

Синав

Я тамо на тебя корону возложу
И на престол тебя с собою посажу.
Правь город сей со мной, владей страною сею,
Подобно как душой и жизнию моею.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Явление 1

Ильмена
(одна)

В какую ты напасть мя, должность, привела!
Вот ради я чего на свете сем жила!
Я знаю, смерть мои напасти окончает,
Но смерть еще меня довольно огорчает.
Необходимо всем то должно претерпеть;
Равно бы было то, когда ни умереть;
Но будучи млада и тем прекрасна зрима,
Кем распаленна я и кем сама любима,
Могу ли без тоски я очи затворить!
И страх отважности геройской покорить!
Но жизнь уже к чему? напрасно устрашаюсь!
Что мне прелестно в ней, того всего лишаюсь!
На что мне более желати живота?
Пусть гибнет молодость и мнима красота.
Не для того ль хочу на свете я остаться,

Дабы на всякий час слезами обливаться,
Всегдашней жалобой свой рок изобличать
И смертным и богам стенанием скучать?
Потребна бедным смерть: дражайший час покою,
Приди и разлучи дух с телом и с тоскою!
Светило дневное, с небесной высоты
Взирающе на все земные красоты,
Представь пред Трувора девицу саму красну
И дай ему забыть любовницу несчастну!
А ты, сей горький плач на радость пременя,
Хоть сыщешь и сто крат прекраснее меня,
Но, в пламени к тебе любовном дорогия,
Не сыщешь никогда подобной мне другия.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Явление 1

Гостомысл
(один)

Наполнен наш живот премножеством сует.
Но что я в свете сем? одушевленный цвет:
Не долго время я в сей жизни пребываю;
Едва рождаюся, уже и истлеваю.
Пред всею вечностью лет осмьдесят иль сто —
Одна минута, миг или совсем ничто.
Доколе существо в нас живность ощущает,
К познанию себя прийти не допущает.
В невежестве своем иметь премудрость мним
И в самолюбии безумство ею чтим.
Недолог смертных век, печалей в нем премного:

Благополучие — мечта, несчастье строго;
Прошедше время ввек не возвратится к нам;
Которо есть, то лишь единый миг очам;
Которого мы ждем, тем мы не обладаем
И, может быть, его напрасно ожидаем;
Нет счастья на земли — на небесах оно,
Оставлено богам и смертным не дано.
Дано, но мы его страстями разрушаем,
Друг друга общего спокойствия лишаем.
Где только человек печется о себе,
Жилища тамо нет, о истина, тебе!

ДИМИТРИЙ САМОЗВАНЕЦ

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Явление 7

Димитрий
(один)

Нетвердо на главе моей лежит венец,
И близок моего величия конец.
Повсеминутно жду незапныя премены.
О устрашающи меня Кремлевы стены!
Мне мнится, что всяк час вещаете вы мне:
Злодей, ты враг, ты враг и нам и всей
страно.
Гласят граждане: мы тобою разоренны.
А храмы вопиют: мы кровью обагренны.
Уныли вкруг Москвы прекрасные места,
И ад из пропастей разверз на мя уста.
Во преисподнюю зрю мрачные степени
И вижу в тартаре мучительские тени.
Уже в геенне я и в пламени горю.
Воззрю на небеса, селенье райско зрю:
Там добрые цари, природы всей красою,
И ангели кропят их райскою росою;
А мне, отчаянну, на что надежда днесь!

Ввек буду мучиться, как мучуся я здесь.
Не венценосец я в великолепном граде,
Но беззаконник злой, терзаемый во аде.
Я гибну, множество народа погубя.
Беги, тиран, беги... кого бежать? . себя.
Не вижу никого другого пред собою.
Беги!.. куда бежать?.. твой ад везде с тобою.
Убийца здесь; беги!.. но я убийца сей.
Страшуся сам себя и тени я моей.
Отмщу!.. кому?.. себе!.. себя ль
возненавижу?
Люблю себя... люблю... за что?.. того не
вижу.
Всё вопит на меня: грабеж, неправый суд,
Все страшные дела, все купно вопиют.
Живу к несчастию, умру ко счастью ближних.
Завидна участь мне людей и самых нижних:
И нищий в бедности спокоен иногда,
А я здесь царствую и мучуся всегда.
Терпи и погибай, восшед на трон обманом!
Гони и будь гоним, живи, умри тираном!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Явление 1

Шуйский и Пармен

Пармен

Я мысли мрачные злодею просветил
И новы ярости сколь можно укротил:
Георгия от уз тиран освобождает;
Довóд мой гнев его по нужде побеждает.

Наперсником его я был бы верен ввек,
Коль добродетельный он был бы человек;
Но сын отечества, член росского народа...

Шуйский

Димитрия на трон взвела его порода.

Пармен

Когда владети нет достоинства его,
Во случае таком порода ничего.
Пускай Отрепьев он, но и среди обмана,
Коль он достойный царь, достоин царска сана.
Но пользует ли нам высокий сан един?
Пускай Димитрий сей монарха росска сын,
Да если качества в нем оного не видим,
Так мы монаршу кровь достойно ненавидим,
Не находя в себе к отцу любови чад.
Коль нет от скипетра во обществе отрад,
Когда невинные в отчаянии стонут,
Вдовы и сироты во горьком плаче тонут,
Коль, вместо истины, вокруг престола лесть,
Когда в опасности именье, жизнь и честь,
Коль истину сребром и златом покупают,
Не с просьбой ко суду, с дарами приступают,
Коль добродетели отличной чести нет,
Грабитель и злодей без трепета живет,
И человечество во всех делах теснится, —
Монарху слава вся мечтается и снится.
Пустая похвала возникнет и падет;
Без пользы общества на троне славы нет.

Шуйский

Царю и обществу я всяких благ желаю.

Пармен

А я на небеса молитвы воссылаю.
Спасай отечество, Георгия, себя
И деву страждущу, рожденну от тебя.

(Уходит.)

Явление 2

Шуйский

(один)

Лукавствуй ты иль нет, Димитрий мной увянет,
Низвержется, падет, падет и не восстанет.
Когда умрети рок велит, умреть хощу;
Но на Димитрия весь город возмущу,
Спасу престольный град, отечество избавлю,
Умру, но имени бессмертие оставлю.
Почтен герой, врага который победит,
Но кто отечество от ига свободит,
И победителя почтенней многократно:
За общество умреть и хвально и приятно.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Явление 1

Димитрий

(один)

Занавес подымается; Димитрий спящий сидит на креслах: возле него стол, на котором царские утвари, и, проснувся, говорит:

Довольно я терплю душевных огорчений;
Не умножайте вы, мечты, моих мучений.

Мне всё приснилося, чем страшен мне сей
град,
И весь перед меня предстал ужасный ад.

Слышен колокол.

В набат биют! сему биенью что причина?

(Встает.)

В сей час, в сей страшный час пришла моя
кончина.
О ночь! о грозна ночь! о ты, противный звон!
Вещай мою беду, смятение и стон.
Трепещет дух во мне... сего не знал я
прежде...
Объят отчаяньем, и нет путей к надежде.
Дом царский зыблется, колеблется чертог...
О боже!.. но меня оставил вечно бог,
А люди моего гнушаются и виду...
Смотрю прибежища... не зрю... в геенну
сниду.
Во преисподнюю ступай, душа моя!
Правитель естества! и там рука твоя!
Исторгнешь мя на суд из адския утробы,
Суди и осуждай за все творимы злобы;
И человечества я враг и божества;
Против я шел тебя, против и естества...
Весь воздух восшумел; враги вооруженны
У стен моих палат ярятся приближенны,
А я бессильствую, их наглости внемля...
Всё, всё против меня: и небо и земля...
О град, которым я уж больше не владею,
Достанься ты по мне такому же злодею!

Явление 2

Димитрий, стражи и страженачальник

Начальник

Весь Кремль народом полн, дом царский
окружен,
И гнев во всех сердцах против тебя зажжен,
Вся стража сорвана: остались мы едины.

Димитрий

Не может быть ничто жесточе сей судьбины!
Пойдем... повержем... стой... ступай...
будь здесь... беги
И мужеством число врагов превозмоги!..
Бегите! тщитеся Димитрия избавить!..
Куда бежите вы?.. хотите мя оставить?
Не отступайте прочь и защищайте дверь!..
Убегнем... тщетно всё, и поздно всё теперь.
Введите Ксению.

Явление 3

Димитрий

(один)

Не трона отлученье
Важнейшее мое, тяжчайшее мученье,
Но то, что в ярости лютейшей я горю
И услаждения в отмщении не зрю.
В крови изменничьей, в крови рабов виновных,
В крови бы плавал я и светских и духовных;
Явил бы, каковы разгневанны цари,
И кровью б обагрил и трон и олтари;

Наполнил бы я всю подсолнечную страхом,
Преобратил бы сей престольный град я прахом,
Зажег бы град я весь, и град бы воспылал,
И огнь во пламени до облак воссылал.
Ах! суетно сии мя мысли утешают,
Когда меня судьбы отмщения лишают.

Явление 4

Димитрий, Ксения и стражи

Димитрий

Внимая бунта шум, ты в радости не мни,
Что нежности твоей не кончилися дни.
Как скоро ты меня узришь не на престоле,
Не будешь ты часа на свете этом боле.
Удар, который мя изменою разит,
Моею и в тебя рукой кинжал вонзит.
Ты узницей умрешь, не царскою супругой.

Ксения

Достойна смерти сей какою я прослугой?

Димитрий

Любовница и дочь предателей моих!
Когда они спаслись, так ты умри за них.
И сим уж ты винна, что тех народов дева,
Которы моего достойны царска гнева.

Ксения

Не страшен более несчастный мне конец,
Когда спасенны мой любовник и отец.
Единыя такой боялась я разлуки.

Омой невинною моею кровью руки;
Когда ни милости, ни сожаленья нет,
Кончай плачевну жизнь во дни цветущих лет!
Не удивится ли Россия и вселенна,
Услыша, что тобой девица умерщвленна,
Толико близко быв у сердца твоего,
Ко раздражению не сделав ничего.
Не ждет родитель мой моей невинной казни,
Ни город наш ко мне такой твоей приязни.
Не думает никто, что я их долг плачу
И пол чертогов сих я кровью омочу.

Димитрий

Прельстившемуся мне, прекрасная, тобою,
Одни уж мысли зреть тя мертву пред собою.
Зрю сам, колико ты в сии часы бедна,
Но ты к отмщенью мне осталася одна.
Винна́ ли ты иль нет, будь ви́нна града жертва:
Доколь не свергуся с престола, буди мертва...
В преддверии моем я слышу стук и треск,
Пришли минуты злы, короны тмится блеск.
Готовься ощущать караемую злобу.

(Хватает ее за руку, вынимает кинжал и подымает на нее.)

Жди смерти и умри, предшествуй мне ко гробу.

Явление последнее

Димитрий, Ксения, Шуйский, Георгий и воины

Георгий

Какое зрелище!

Шуйский

Свирепая душа.

Димитрий

Лишайтеся ея, престола мя лиша!

Георгий

(*несколько приближася к нему*)

Когда ты чьей-нибудь погибели желаешь,
Смягчи суровство мной, в котором ты пылаешь!
Георгий — твой злодей.

Шуйский

Не он, не дочь моя
Виновны пред тобой; начальник бунтов — я.

Димитрий

Когда содеяти хотите ей пощаду,
Ступайте вон отсель и объявите граду,
Что я им дарствую и милость и приязнь,
Или над сей княжной свершится града казнь.

Шуйский

За град отеческий вкушай, княжна, смерть люту!

Георгий

Стремится на меня зло всё в сию минуту!..
Судьбина, ждал ли я толь страшного часа!..
Вельможи и народ!.. Димитрий!.. небеса!..
Оставь невинную; моей лей токи крови
И сотвори конец несчастнейшей любови!

Димитрий

Мне жертва та мала к отмщенью моему.

Георгий

(*отступив и обратясь ко народу*)

Спасения лишен, на смерть лечу к нему.

(*Бросаяся на него.*)

Прости, любезная!

Ксения

Прости!

Димитрий

(*устремивсь Ксению заколоть*)

Увяньте, розы!

Пармен

(*с обнаженным мечом, вырывая Ксению из рук его*)

Прошли уже твои жестокости и грозы!
Избавлен наш народ смертей, гонений, ран.
Не страшен никому в бессилии тиран.

Димитрий

Ступай, душа, во ад и буди вечно пленна!

(*Ударяет себя во грудь кинжалом и, издыхая, падущий в руки стражи.*)

Ах, если бы со мной погибла вся вселенна!

ПРИМЕЧАНИЯ

ОТ РЕДАКТОРА

При жизни Сумарокова полного собрания его сочинений издано не было; выходило много сборников его стихотворений, сгруппированных по жанровому признаку («Оды торжественные», «Некоторые духовные стихотворения», «Сатиры», «Притчи» и т. д.). В дважды изданном Н. И. Новиковым «Полном собрании всех сочинений» Сумарокова (1781 и 1787) материал в основном расположен по жанрам в соответствии с принятыми тогда правилами композиции собраний сочинений писателей (ср. Сочинения Ломоносова 1751 и 1757 и Тредиаковского 1752). Однако Новиков строго выдержать этот принцип не сумел, нарушив его после того, как в процессе издания обнаружил неизвестные ему ранее рукописи Сумарокова.

В настоящем издании сохранен принцип жанрового расположения текстов с незначительными отступлениями от принятого в XVIII веке порядка. В пределах каждого жанра по мере возможности соблюдается хронология написания

произведений; дата публикации, не отмеченная в заглавии произведения, указывается в скобках в примечаниях. Основания датировки не приводятся.

Тексты печатаются по «Полному собранию сочинений» Сумарокова (1787), обозначаемому в дальнейшем ПСС. Все отклонения оговариваются в примечаниях к отдельным произведениям.

Орфография Сумарокова не была единообразной на всем протяжении его литературной деятельности. Поэтому в настоящем издании орфография текстов Сумарокова по возможности приближена к нашей современной. Отклонения от общепринятого правописания допущены: 1) в тех случаях, когда это вызвано требованиями рифмы; например: *злаго — благо, Россия — святыя* и т. п.; 2) в окончании *ыя, ия* в род. падеже ед. ч. прилагательных, порядковых числительных, личных местоимений; например: *Не вижу никакия славы, Алчба всемирныя державы, Во дни ея державы;* 3) в сравнительной степени прилагательных и наречий: вместо современного окончания *ее, е,* когда на него падает ударение, сохраняется *яе, ае,* например: *сильняе, крепчае* (но *прекраснее*).

ОДЫ ТОРЖЕСТВЕННЫЕ

Ода императрице Елисавете Петровне 25 ноября 1743 года. В ПСС не вошла. Отдельное издание 1743 года не сохранилось. Печатается по тексту, включенному в кри-

тическую статью В. К. Тредиаковского о Сумарокове (А. А. Куник. Сборник материалов для истории императорской Академии наук в XVIII веке. СПб., 1865, ч. II, стр. 454—470). *Борей* — северный ветер. *Беллона* — в римской мифологии богиня войны. *И Александр в победах блещет* — об Александре Македонском. *Се ищет Греция Елены И вержет Илионски стены.* — Согласно преданию, греки начали войну с Троей (Илионом) из-за прекрасной Елены Спартанской. *Покрыл брега Скамандры дым.* — Троя находилась на брегах реки Скамандр. *Когда Иулий смерть бросает* — о Юлии Цезаре. *Похвальный греков главный царь... Для мщения багрит олтарь.* — Предводитель греков в Троянской войне царь Агамемнон для успеха похода, согласно преданию, принес в жертву богам свою дочь Ифигению. *Подвластен Деве...* — о богине войны, Афине Палладе. *Аврора* — утренняя заря. *Теперь девическая сила.* — Здесь игра слов: девическая сила — сила Афины Паллады, военная сила, войско; вместе с тем в этих словах содержался намек на Елизавету, которая считалась девой; таким образом, девическая сила — сила Елизаветы. *Нептун ему свой скиптр вручает.* — Нептун — бог морей. Смысл стиха: Петр, построив флот, стал владыкой морей. *Белтские горы* — Скандинавские горы. *Тритоны* — второстепенные морские божества, изображавшиеся в виде полулюдей, полурыб, дувших в улиткообразную трубу. *Ты... тишину установила.* — В начале 1743 года прекратилась война России с Швецией.

*

О д а, с о ч и н е н н а я в п е р в ы е л е т а м о е г о в о с т и х о т в о р е н и и у п р а ж н е н и я. *Царя прославити навеки* — Александра Македонского. *В Семирамидины следы.* — Семирамида, царица ассирийская, распространившая свои владения до Индии; в Семирамидины следы — в Индию. *Суеты любитель* — Александр Македонский. *Забудь заразы Брисеиды.* — Обращение к Ахиллу, герою «Илиады», очарованному прелестями («заразами») пленницы Брисеиды, которую у него отнял Агамемнон. *Дай зрети, что ты сын Фетиды.* — Ахилл считался сыном морской богини Фетиды. *Коль спартская княжна прекрасна* — насколько прекрасна Елена Спартанская. *Фригия* — Троя. *Се муж, с Эолом брань творящ.* — Эней, легендарный основатель Рима, преследуемый богиней Юноной, бежал из Трои после ее разрушения в Италию; в пути ему пришлось бороться с морскими бурями. *Эол* — бог ветров. *Как Турка трепет поразил.* — Имеется в виду русско-турецкая война 1736—1739 годов, сильно уронившая военную славу Турции. *И Ксанф в пустых местах шумит.* — Ксанф — другое название реки Скамандр. Смысл стиха: Троя, находившаяся на берегах Ксанфа, разрушена. *Любовь двух дерзостных сердец* — Елены Спартанской и троянского царевича Париса. *Дидона* — царица Карфагена. На пути в Рим Эней пробыл некоторое время в гостях у Дидоны. *В потомках возвратился к ней.* — Римляне считались потомками Энея. *Один Нептун и дик народ.* — Здесь: Нептун в значении моря. Дик на-

род — имеются в виду аборигены Италии, среди которых поселился Эней со своими спутниками — троянцами. *Филиппов сын... Слыть сыном восхотел Аммона.* — Александр Македонский, сын царя Филиппа, объявил себя сыном египетского бога Аммона. *Навходоносор... возмнил себя почтити богом.* — Царь вавилонский Навуходоносор установил культ своей личности. *Там Македонин — сын Аммона* — Александр Македонский. *Там бог — владыко Вавилона* — Навуходоносор. *Сбылся царя стран Мидских сон.* — Согласно преданию, мидийскому царю Астиагу приснился сон, что из чрева его дочери Манданы выросло дерево, покрывшее своими ветвями весь Восток. Мандана позднее была матерью Кира, царя персидского, завоевавшего большую часть Азии. *Ерусалима разоритель* — Навуходоносор. *Израиль плен свой покидает.* — Навуходоносор увел жителей Палестины (иудеев) в плен. Кир разрешил их потомкам вернуться в Палестину и восстановить разрушенный Навуходоносором иерусалимский храм. *Народ стран прежде неизвестных* — американские индейцы; в этой и следующей строфе изображается первая встреча коренных жителей Америки с флотом Колумба.

Ода ея императорскому величеству в день ея всевысочайшего рождения, торжествуемого 1755 года декабря 18 дня. *Пелепел* — перепел (старослав.) *Наступим на Полтавско поле* — повторим Полтавскую победу (1709). *Тогда сей год возобновится.* —

Елизавета родилась в конце 1709 года. *С разверстием свирепа зева.* — В этой строфе описывается охота Елизаветы в окрестностях Сарского села (ныне г. Пушкин). *Диана, иль Петрова дщерь.* — Диана — богиня охоты, Елизавета была большой любительницей охоты. *Диана, твой Эфесский храм.* — Диане был посвящен знаменитый храм в городе Эфесе, считавшийся одним из восьми чудес древнего мира; здесь — дворец, выстроенный при Елизавете в Сарском селе. *В сем месте* — о Петербурге. *Наук подобно ожидала.* — В 1755 году в Москве был открыт университет. *Локк, Невтон (Ньютон)* — английские философы. *Смешайтесь, токи Иппокрены.* — Иппокрена — источник поэтического вдохновения на горе Геликоне, где, по преданию, обитали музы. Смысл строфы: поэты Петербурга и Москвы, воспойте Елизавету.

Ода государыне императрице Екатерине второй на день ея тезоименитства 1762 года ноября 24 дня. *Подобье види райску крину.* — Крин — лилия. Смысл стиха: пусть Екатерина предстанет пред тобой как райская лилия. *Минерва* — богиня мудрости. *Астрея с небеси спустилась.* — Астрея — богиня справедливости. Согласно мифу, Астрея дольше всех богов жила на земле, затем вознеслась на небеса, где обитала в созвездии Девы. *Златые дни восстановляет.* — Астрея была царицей на земле во время так называемого золотого века. Смысл этой строфы: Екатерина, подобная Астрее,

восстановила золотой век. *Зрю Героя* — то есть Петра I.

Ода государыне императрице Екатерине второй на день ея рождения 1768 года апреля 21 дня. *Яко Курций полетим.* — Согласно римскому преданию, в трещину земли, внезапно появившуюся в центре города Рима, бросился патриот Курций, чтобы умилостивить разгневанное божество, и трещина закрылась. *Дай законы мне полезны* — намек на заседавшую в то время Комиссию для сочинения проекта Нового уложения, созванную Екатериной в 1767 году и закрытую в конце 1768 года из-за разногласий, обнаружившихся при обсуждении вопросов о положении крепостных и об управлении отдельных частей страны.

ОДЫ ДУХОВНЫЕ

Гимн о премудрости божией в солнце (1760). Стих 2-й строфы 3-й печатался в разных изданиях по-разному, не давая правильного чтения. Здесь он приводится с исправлениями редактора.

Ода к М. М. Хераськову (1760). *М. М. Херасков* (1733—1807) — поэт, сперва ученик Сумарокова, позднее определившийся как поэт с масонскими и сентиментальными тенденциями.

Из 145 псалма (1774?). Перевод этот полемически направлен против перевода того же псалма Ломоносовым. У Ломоносова он имел резко антидворянский характер; Сумароков придал своему переводу чисто моральную направленность.

РАЗНЫЕ ОДЫ

Гимн Венере (1755). Стихотворение написано так называемым сафическим размером, приписываемым греческой поэтессе VII—VI в. до нашей эры — Сафо. Сумароков осложнил сафическую строфу рифмой. *Венера* — в римской мифологии богиня красоты и любви.

Ода анакреонтическая (Пляскою своей, любезна) (1755). *Анакреонт* — греческий поэт VI века до нашей эры, поэт радостей жизни.

Ода горацианская (1757). Ода была написана по случаю рождения у наследника престола Петра Федоровича (впоследствии Петра III) дочери Анны (1757—1759). Размер ее обычный у римского поэта Горация, осложненный рифмами.

Ода анакреонтическая к Елисавете Васильевне Хераськовой (1762). *Е. В. Хераскова* (1737—1809) — одна из первых по времени русских поэтесс, жена М. М. Хераскова.

Ода (Разумный человек). *Вин Арарских сок.* — Арарскими винами у римских поэтов назывались южно-французские вина.

НАДПИСИ

Гора содвигнулась (1770). Это надпись на перевозку скалы («Гром-камень»), представляющей сейчас пьедестал памятника Петру I (Медный всадник).

Сия гора не хлеб (1770). Это автопародия на предыдущее стихотворение.

ЭЛЕГИИ

К г. Дмитревскому на смерть Ф. Г. Волкова (1763). *Ф. Г. Волков* (1729—1763) — основатель первого русского постоянного театра, выдающийся русский актер; писал стихи и занимался живописью. *Котурна Волкова пресеклися часы.* — Котурн — одна из принадлежностей реквизита римского актера; переносно — актерская деятельность. *Мельпомена* — муза трагедии. *Пегасов предо мной источник замерзает.* — Согласно преданию, источник Иппокрена возник в результате того, что крылатый конь Пегас ударил задней ногой в скалу. Пегас — образ поэтического вдохновения. *В последнем как ты с ним играннии прощался.* — Волков в последний раз выступил в 1763 году в Москве

в трагедии Сумарокова «Семира». *Коликим горестям подвластны человеки... Прости, мой друг, навеки!* — Эти стихи являются цитатой из речи Ростислава в указанной выше трагедии Сумарокова «Семира». По ходу пьесы их произносил Дмитревский, игравший Ростислава и обращавшийся к Волкову, исполнявшему роль Оскольда.

Страдай, прискорбный дух, терзайся, грудь моя (1768). *И сквозь дремучий лес к Парнассу прорывался.* — Сумароков, вопреки истине, утверждает здесь свою поэтическую самостоятельность и независимость от деятельности своих предшественников — Тредиаковского и Ломоносова. *Эдемский вертоград* — рай. *Эрата перва мне воспламенила кровь.* — Эрата — муза любовной, песенной лирики. Сумароков говорит здесь о песнях как о начальном периоде своей поэтической деятельности. *Стал пети я потом потоки, берега.* — Имеются в виду его идиллические произведения. *Ко Мельпомене я впоследок обратился.* — Первые трагедии Сумарокова относятся к 1747 году. *И, взяв у ней кинжал, к театру я пустился.* — Мельпомена изображалась в виде женщины с кинжалом. *Когда лишился я прекрасной Мельпомены.* — С 1756 по 1761 год Сумароков был первым директором новооткрытого Российского театра. По проискам своих придворных врагов Сумароков был в 1761 году отставлен от директорства. *И стихотворства стал искати перемены.* — После 1758 года, когда была поставлена на сцене Российского театра

трагедия Сумарокова «Димиза» (позднее переделанная в «Ярослава и Димизу»), до 1768 года Сумароков трагедий не писал. В эти годы он усиленно работал в области басенного творчества. *Монима* — героиня трагедии Расина «Митридат»; эту трагедию Сумароков особенно высоко ценил (см. его «Мнение во сновидении о французских трагедиях», ПСС, т. IV). *Орестова сестра* — имеется в виду Электра, героиня одноименной трагедии Софокла. *Альцеста* — Алкеста, героиня одноименной трагедии Еврипида. *Талия* — муза комедии. *Пускай похвалятся надуты оды громки.* — Здесь имеются в виду оды В. П. Петрова, сильно выдвигавшегося Екатериной после смерти Ломоносова в качестве преемника последнего.

В с е м е р ы п р е в з о ш л а т е п е р ь м о я д о с а д а (1770). Эта элегия была написана Сумароковым в связи с крупным столкновением его с московским главнокомандующим П. С. Салтыковым. Сумароков резко протестовал против постановки своей трагедии «Синав и Трувор», в которой роль Ильмены «пакостно» играла актриса Е. Ф. Иванова, пользовавшаяся особым вниманием Салтыкова. В элегии Сумароков высказывает уверенность, что Екатерина станет на его сторону. На самом деле Екатерина поддержала Салтыкова и написала Сумарокову оскорбительно насмешливое письмо. С Ивановой Сумароков позднее помирился. См. следующую элегию и примечания к ней.

К г. Дмитревскому на смерть Татианы Михайловны Троепольской, первой актрисы императорского придворного театра. *Т. М. Троепольская* (174?—1774) — одна из первых по времени русских актрис, лучшая исполнительница роли Ильмены в трагедии Сумарокова «Синав и Трувор». Умерла в своей артистической уборной перед началом спектакля — первой постановки трагедии Сумарокова «Мстислав». *Елиза* — Е. Ф. Иванова, актриса, сначала игравшая первые роли в Москве, а затем переведенная в Петербург; она заняла место Троепольской.

ИДИЛЛИИ И ЭКЛОГИ

Клариса (1759). *И мниму в нем красу Милизину вспевает* — воображаемую красоту. *И к жительницам рощ, к прелестницам сатир* — то есть к нимфам, считавшимся возлюбленными сатиров.

ЭПИСТОЛЫ

Эпистола I (О русском языке) (1748). *Бова, Петр Златы ключи* — рукописные повести, пользовавшиеся большой популярностью в XVIII веке в кругу мещанских читателей. *Коль мысль сия дика* — насколько дика. *За кем итти в степени?* — кого брать за образец? *Коль аще, точию обычай истребил.*—Если слова «аще» (если) и «точию» (только) вышли из литературного употребления.

Эпистола II (О стихотворстве) (1748). *Гудок* — вид старинной трехструнной скрипки. *Прадон и Шапелен* — бездарные французские стихотворцы XVII века. *Депро* — Буало-Депрео, Николай, французский поэт (1631—1711), автор сатир и дидактической поэмы «Поэтическое искусство», являвшейся общепризнанным сводом правил поэтики классицизма. *Передо всеми то читает без стыда.* — Следующие за этим стихом 12 стихов взяты из рукописи Сумарокова (в Архиве АН СССР), где они зачеркнуты, повидимому, по требованию цензуры. *Кантемир* А. Д. (1708—1744) — поэт и политический деятель, родоначальник критического направления в русской литературе; писал силлабическим стихосложением, вышедшим в начале 1740-х годов из широкого литературного употребления. *Пермесские нимфы* — покровительницы поэзии. *Разумный Феофан... достойного в стихах не создал ничего.* — Феофан Прокопович (1681—1736) — церковный деятель, идейный сподвижник Петра I, считался в XVIII веке лучшим русским оратором; поэт и драматург, писал силлабические стихи. *Ешилл* — Эсхил. *Французов хор реченный* — группа ранее названных французов (см. в тексте эпистолы стихи 9—10). *Там царствует Гомер... там остроумный Поп.* — В приложении к Эпистоле Сумароков дал «Примечания на употребленных в сих эпистолах стихотворцев имена», своеобразный первый русский биографический словарь писателей русских и западных. За недостатком места он здесь не пере-

печатывается. *Пастушка за сребро и злато на лугах* — то есть вместо серебра и золота. *Пан* — бог лесов и рощ в греческой мифологии; его спутницами считались нимфы, которым он играл нежные песни на изобретенной им свирели. Смысл этого и следующего стиха: грубая поэзия прогоняет истинную. *Плачевной музы глас быстряе проницает.* — Речь идет об Эвтерпе, музе лирической, преимущественно элегической поэзии. *Аврорин всход* — утренняя заря. *Ириса, Филиса* — условные имена красавиц. *Рифейские горы* — Уральские. *На полы* — пополам. *Сей стих есть полн претворств* — полон превращений, метаморфоз, то есть имена богов имеют в нем иносказательный смысл. *Для смеху предо мной представь мирскую шалость* — представь свойственную всему миру глупость. *Смотритель... ругается* — зритель... порицает. *Афины и Париж, зря красну царску дщерь.* — Речь идет об Ифигении, героине одноименных трагедий Еврипида и Расина. Поэтому — Афины и Париж. *Как люто, например, Венерин гнев терзает* — любовь, вызванная гневом Венеры, богини любви. *Трезенский князь* — Ипполит, герой трагедии Расина «Федра». *Арисия* — героиня той же пьесы. *Сын Андромахин* — сын троянского царевича Гектора и его жены Андромахи. В трагедии Расина царь Пирр предлагает овдовевшей Андромахе спасти ее сына от мести греков при условии, что она станет его, Пирра, женой. *Богинин сын против всех греков восстает* — Ахилл, жених Ифигении (см. выше). *И Клитемнестрин*

плод под свой покров берет — то есть Ифигению, дочь Агамемнона и Клитемнестры. *Нерон прекрасную Июнью похищает.* — Юния, невеста Британника, сводного брата императора Нерона, чтобы спастись от домогательств последнего, прибегает под защиту статуи императора Августа, затем становится весталкой, жрицей богини Весты; весталки давали обет безбрачия. *Аталья Франции и Мельпомене слава.* — Аталья — имеется в виду трагедия Расина «Аталия» (в русских переводах «Гофолия»). *Меропа без любви тронула всех сердца.* — Меропа — героиня одноименной трагедии Вольтера; движущей основой сюжета этой трагедии является не обычная любовь между мужчиной и женщиной, а материнская. *Альзира, наконец, — Вольтерова корона.* — Альзира — трагедия Вольтера «Альзира, или Американцы». Ее Сумароков считал лучшей трагедией Вольтера. *Мизантроп... лицемер* — имеются в виду комедии Мольера «Мизантроп» и «Тартюф». *Женатый философ и Тщеславный* — комедии Н. Детуша, драматурга первой половины XVIII века. *Для знающих людей ты игрищ не пиши.* — Игрища — сценки народно-сатирического репертуара. Этот и следующий стих отражают презрительное отношение Сумарокова к народному сатирико-реалистическому театру. *Подьячий* — чиновник. *Для амуру* — для любовных приключений. *Латынщик* — ученый, педант. *Ерго* — следовательно, итак. *В удавку* — в петлю. *Рест* — карточный термин, означающий отказ от хода. *Таинственник муз.* — Так Сумароков перевел французское слово

«secrétaire» (секретарь). Этим именем он называет Буало. *Тщеславный лицемер* — Тартюф. *Льстец* — герой комедии Леграна «Всеобщий друг». *Набитый ябедой прехищный душевредник* — герой комедии Реньяра «Наследник». Сумароков предлагает сатирику изобразить характеры, послужившие образцом для известных комедий. *Наука, честность, ум, по их, среди богатства.* — По их — по их мнению. *Узловаты* — замысловаты. *И сказки пев, играл все тою же погудкой.* — Кроме басен, Лафонтен прославился своими остроумными «Сказками». *Парнасски девушки* — музы. *Еще есть склад смешных геройческих поэм.* — Имеются в виду «ирои-комические поэмы», в которых в шутливом тоне изображаются высокие сюжеты или в мнимо-возвышенном — обыденные. *Фетидин... сын* — Ахилл. *Перебяка* — потасовка. *Вулькан* (Вулкан) — бог кузнечного мастерства. *Юнона* — жена Юпитера, верховного божества в римской мифологии. *Сонет, рондо, баллад — игранье стихотворно* — формы французской поэзии эпохи классицизма, из которых сонет продолжает сохраняться и в последующие периоды. *Флора* — богиня цветов. *Плачевным голосом стенящей де ла Сюзы.* — Де ла Сюз, Генриетта—французская поэтесса XVII века. *Штивелиус* — частое в немецкой литературе первой половины XVIII века обозначение бездарного ученого педанта. Здесь имеется в виду Тредиаковский.

Ж е л а й, ч т о б н а б р е г а х с и х м у з ы о б и т а л и (1755). *Октавий* — римский импера-

тор Октавиан Август, при котором жили крупнейшие римские поэты — Вергилий, Гораций, Овидий и др. *Тибр* — река, на которой стоит Рим; здесь — вместо Рим. *Сейна* — Сена, река, на которой стоит Париж; здесь — вместо Париж. *Лудовик* — Людовик XIV, при котором жили крупнейшие французские писатели. *Минавет* — менуэт, модный в то время танец.

Эпистола его императорскому высочеству государю великому князю Павлу Петровичу в день рождения его 1761 года сентября 20 числа. Эта эпистола написана сыну наследника престола Петра Федоровича — Павлу Петровичу, впоследствии Павлу I. Адресату в это время было 7 лет. *Живот* — жизнь. *Сын отечества* — патриот. *Довлеют* — достаточны, пригодны. *Владычица сих стран, родившися беззлобна* — Елизавета.

САТИРЫ

Пиит и друг его (1774). Буквы Д и П означают Друг и Пиит. *Жалостные .. драмы* — так называемые «слезные драмы», жанр, возникший в европейских литературах около середины XVIII века и отражавший эстетику выступавшей тогда на политическое поприще буржуазии. Возвратившийся из заграничной поездки актер И. А. Дмитревский был пропагандистом этого нового жанра. Сумароков резко нападал на «жалостные драмы». *А здесь и городу и мне по-*

добно гнусны. — Здесь — в Москве. Говоря, что «жалостные драмы» «гнусны и городу» и ему, Сумароков был неточен: драма Бомарше «Евгения» в переводе Н. Ф. Пушникова имела большой успех, перевод ее дважды был напечатан, пьеса шла много раз подряд. *Со съезжей поберут людей за мостовую.* — Вместо «со съезжей» должно быть «на съезжу». Смысл стиха: твоих дворовых людей возьмут в полицию за якобы неисправное состояние мостовой перед твоим домом. *Подьяческий экстракт* — окончательное изложение судебного дела, представлявшееся чиновниками-подьячими судьям для принятия решения. *Кащей* — А. И. Бутурлин, шурин Сумарокова, отдававший деньги в рост под большие проценты. Сумароков несколько раз выводил его в своих произведениях. Кащеиха — вторая жена Бутурлина (первая была сестра Сумарокова). *И дастся орденом ему ременный жгут* — вместо ордена ему дадут наказание ременным кнутом, завязанным узелками (жгутом).

О благородстве (1774). *Перикл, Алькивиад* (Алкивиад) — греческие политические деятели V в. до н. э. *Фридерик* — Фридрих II, король прусский. *Сей Павла воспитал* — гр. Н. И. Панин (1718—1783), глава дворянской оппозиции Екатерине. *Спиридов* Г. А. (1713—1790) — адмирал, командовавший русским флотом, действовавшим в 1768—1774 годах в Средиземном море против турок. *Орловы* А. Г. (1737—1807) и Ф. Г. (1741—1796) — братья Г. Г. Орлова, фаворита

Екатерины. *И купно на водах с ним пламень возжигают.* — В 1770 году в бухте Чесме был полностью сожжен турецкий флот. *Голицын* А. М. (1718—1783) и *Румянцев* П. А. (1725—1796) — крупные военные деятели Первой турецкой войны. *Тюрен* — французский военачальник XVII века. *А Панин — Мальборуг у неприступных стен.* — Панин П. И. (1721—1789) — крупный военный деятель времен Екатерины. Мальборуг — английский полководец XVII—XVIII века. *Еропкин* П. Д. (1724—1805) — генерал, известен подавлением народного бунта в Москве во время чумы (1771). *Мегера* — имя одной из фурий; здесь: чума.

О французском языке (1774). *Солому пальею, обжектом вид зовет.* — Палья — из французского слова paille (солома). Обжект — фр. objet — предмет, вид. *Не на такой ного* — французский оборот речи, соответствующий русскому «не на таком основании». *Присядка* — реверанс, книксен. *Похлебка ли вкусняй, или вкусняе суп? Иль соус, просто сос, нам поливки вкусняе?* — Суп, соус — слова, ощущавшиеся тогда как галлицизмы. *На русском прежде был языке сын твой шумен.* Шумный — пьяный.

О честности (1774). *Реванж* (фр. revanche) — возмездие; здесь: возможность отыграться. *Оправив ябеду, судья возносит честь.* — Смысл стиха: оправдав заведомо неправое дело. *Что со ста только взял рублев по десяти.* — Законный процент в XVIII веке был шесть со ста.

Наставление сыну (1774). *Забудь химеру ту, слывет котора честь.*— Химера — мифическое чудовище; здесь: выдумка, нелепая мысль. *И умножай доход Ты всеми образы* — всякими способами, образами. *Епанча* — верхняя одежда, плащ. *Явленное добро* — неожиданно доставшееся. *Беспрочно* — без прока, без выгоды. *Смучай* — интригуй.

О худых рифмотворцах (1774). *Римский Гомер* — Вергилий. *«Евгения»* — драма Бомарше (см. выше примеч к сатире «Пиит и его друг»). *Ипермнестра* — трагедия посредственного французского драматурга Лемьера. *Меропа* — трагедия Вольтера. *Со Мельпоменою вкус Талию сопряг.* — В слезных драмах, в противоположность классическим правилам, разрешалось соединять трагическое и смешное. *Расинов, говорит, француз, совместник то ж.* — Смысл стиха таков: француз, соперник (совместник) Расина (то есть Вольтер) говорит то же самое. *И говорит Вольтер ко мне в своем ответе.* — К Вольтеру Сумароков писал по поводу слезных драм; Вольтер полусогласился с Сумароковым. *Трепещет Отоман* — Турция трепещет. Далее следует описание событий Первой турецкой войны. *Подсолнечныя взор* — взор всей вселенной. *Искорест* — древняя столица древлян (ныне город Коростень, УССР). *Дом сирых, где река Москва струи лиет.* — Воспитательный дом для сирот был открыт в Москве в 1764 году. *В десятилетнее ты время превращен* — сатира была написана Сума-

роковым во время его пребывания в Петербурге в 1774 году, через десять с небольшим лет по вступлении Екатерины на престол (1762).

ЭПИГРАММЫ

«Ты туфли обругал...» (1757). Текст взят из рукописи Сумарокова, хранящейся в Центральном Государственном архиве древних актов (Москва) (фонд Г. Ф. Миллера, портф. № 414, № 15). В свое время эта эпиграмма по требованию Ломоносова была запрещена к напечатанию в журнале «Ежемесячные сочинения». *Зияет* — раскрывает рот, кричит.

«Танцовщик, ты богат...» (1759). *Танцовщик* — Тимофей Бубликов, один из первых по времени русских балетных актеров; начал выступать еще в конце 1750-х годов. Богатые посетители театра выражали в XVIII веке свое удовольствие игрой актера бросанием на сцену кошельков, наполненных золотыми монетами. *Профессор* — повидимому, имеется в виду умерший уже к этому времени академик С. П. Крашенинников (1713—1755), в судьбе детей которого Сумароков принимал именно в это время живое участие (см. ниже примечания к «Цидулке к детям профессора Крашенинникова»).

«Мужик не позабудет...» (1759). *За красное сукно* — то есть когда станет важным чиновником (красным сукном покрывались столы в присутственных местах).

«Окончится ль когда парнасское роптанье?» (1775). *Парнасское роптанье* — выступления против поэтики классицизма. *Во драме скаредной явилось воспитанье.* «Воспитанье» — комедия Д. В. Волкова (1774). *Богичи дыни жрут* — имеется в виду эпизод в сатирической поэме М. Д. Чулкова «Плачевное падение стихотворцев» (1769; отдельное издание — 1775). *Помпей* — в 1775 году была напечатана зятем Сумарокова драматургом Я. Б. Княжниным переводная трагедия «Смерть Помпея»; перевод был сделан белыми стихами в нарушение принятых в классических трагедиях правил.

«Под камнем сим лежит Фирс Фирсович Гомер ..» (1761). Эта эпиграмма была напечатана в ПСС в отделе эпитафий. *Фирс Фирсович Гомер* — имеется в виду Ломоносов, издавший в 1761 году первые две песни своей незаконченной эпической поэмы «Петр Великий». *Прохожий! возгласи к душе им пета мужа* — им воспетого мужа, Петра I.

СТИХИ РАЗНЫЕ

Мадригал <Е. О. Белоградской> (1755). *Е. О. Белоградская* — оперная актриса 1750-х годов. Белоградская играла роль Прокрис в опере Сумарокова «Цефал и Прокрис». *Ко удовольствию Цефалова творца* — то есть Сумарокова. *В игре подобием преславной Лекуврерьі* — Адрианны Лекуврер, выдающейся французской актрисы XVIII века.

Стихи Ивану Афанасьевичу Дмитревскому (1757?). Возможно, это стихотворение было написано по поводу первой публичной постановки в Российском театре трагедии «Синав и Трувор», в феврале 1757 года.

Справка (1759). Сатирическая «Справка» выдержана в стиле канцелярских документов той эпохи и направлена против ненавистных Сумарокову подьячих. Поэтому здесь сохранены особенности орфографии оригинала.

Расставанье с музами (1759). Этим стихотворением заключался последний номер журнала «Трудолюбивая пчела», издававшегося Сумароковым в 1759 году. *Схожу противу воли* — журнал был закрыт за нападки Сумарокова на придворную клику Елизаветы.

Цидулка к детям профессора Крашенинникова (1760). У академика С. П. Крашенинникова (см выше примечания к эпиграмме 2) было двое детей, сильно бедствовавших после смерти отца. Чтобы обратить внимание правительства на их положение, Сумароков написал «Цидулку» (письмецо) и поместил ее в журнал. Позднее в комедии «Опекун» (1764) он снова напомнил о детях Крашенинникова (явл. 4). *По гербу вы бы рцы с большим писали крюком.* — Документы в XVIII веке писались на гербовой бумаге. Рцы — название буквы «р», которую подьячие писали с особым росчерком. Буква «р» означала — «решено».

От автора трагедии «Синава и Трувора» Татиане Михайловне Троепольской, актрисе Российского императорского театра на представление Ильмены, ноября 16 дня 1766 года (1766). *Проснулся и пришел на Невский брег Барон* — французский актер-трагик XVIII века.

Ответ на оду Василия Ивановича Майкова (1776). *В. И. Майков* (1728—1778) — поэт, один из вернейших учеников Сумарокова. Ода Майкова, ответом на которую является данное стихотворение, называется «Ода о вкусе А. П. Сумарокову». *Витийство* — красноречие, ораторская речь. *Тебе на верх горы один остался шаг.* — Гора — Парнасс.

Жалоба. *Во Франции сперва стихи писал мошейник* — французский поэт XV века Франсуа Вийон, приговоренный за свои преступления к смертной казни через повешение, замененной ему изгнанием.

Перевод из Тилимаха Фенелонова. *Тилимах* — «Похождения Телемака», политический роман в прозе Ф. Фенелона (1651—1715). В. К. Тредиаковский перевел его на русский язык гекзаметром. Состязаясь с Тредиаковским, Сумароков перевел также гекзаметром один из лучших отрывков «Телемака», представляющий

начало поэмы. Перевод того же отрывка Тредиаковским см. в «Стихотворениях» Тредиаковского, Ломоносова и Сумарокова в малой серии «Библиотеки поэта» (1935). — *Улис* — Одиссей; *Калипса (Калипсо)* — нимфа, на острове которой пребывал некоторое время Одиссей, возвращаясь из Трои на родину. *Рцы* — скажи.

Отрывок из поэмы «Димитриада» (1769). Эпическая поэма считалась высшим по общественно-литературному значению и по трудности жанром классицизма. До Сумарокова опыт создания эпопеи на русском языке предпринял Ломоносов (см. примечания к эпиграмме 5). Переехав в 1769 году в Москву, Сумароков решил посвятить остаток своей жизни писанию эпической поэмы о Дмитрии Донском, чо, кроме настоящего отрывка, ничего от «Димитриады» не сохранилось. *Зла адска женщина, свои грызуща персты* — фурия, то есть зависть. Персты — пальцы.

ПЕСНИ

Точная хронология песен неизвестна. В настоящем издании они расположены в предположительной последовательности, полное обоснование которой здесь невозможно.

«Негде, в маленьком леску...» *Негде* — где-то.

«О ты, крепкий, крепкий Бендерград...» *Дал Петру свой ум и мужство* — то есть Петру Ивановичу Панину.

«Лжи на свете нет меры...». *Крючок* — взяточник, крючкотвор. *Там Кащей горько плачет* — см. выше примечание к сатире I.

«Савушка грешен...» Возможно, направлена против Саввы Яковлева (1712—1784), миллионера, получившего при Петре III в 1762 году дворянство и впавшего вскоре же в немилость у Екатерины II. *Где делись цуки* — выездные лошади, запряженные цугом, попарно; указом Елизаветы было определено количество запряжек у чиновников соответственно их чину.

«Всего на свете боле...» Эта песня обозначена в ПСС как театральная; очевидно, это перевод каких-то куплетов из французской комической оперы.

«Если девушки метрессы...» *Метресса* — госпожа, владычица; переносно — любовница. *Мурины* — мавры, чернокожие.

«Трепещет и рвется...» Эта песня, по-видимому, представляет переведенную Сумароковым арию из какой-то оперы. В ПСС она обозначена именем исполнителя — Дориса.

Хор ко превратному свету. Относится к 1763 году. Первоначально было запрещено цензурой. Стих 9 исправлен по публикации в журнале «Русский вестник», 1842, т. V. В ПСС он напечатан так: Каковых и здесь мы видаем.

ПРИТЧИ

Датировка не установлена. Печатаются соответственно предполагаемой хронологии.

Жуки и Пчелы. Повидимому, относится ко времени выхода в свет «Сочинений и переводов» В. К. Тредиаковского (1752), против которого она обращена.

Сова и Рифмач. Против Тредиаковского.

Безногий солдат. *Из ряды* — по найму.

Осел во львовой коже. Против Ломоносова.

Обезьяна-стихотворец. Против Ломоносова. *Которые она Кастильскими звала.* — В «Сочинениях» Ломоносова 1751 и 1757 годов в первой оде была опечатка: «кастильская роса» вместо «кастальская». Кастальский источник, вода — в греческой мифологии источник поэзии, вдохновения. Кастильский — испанский. *И стала петь, Гомеру подражая* — намек на поэму Ломоносова «Петр Великий». *Зря пухлого певца* — Ломоносова.

Война Орлов. О борьбе братьев Г., А. и Ф. Орловых за место фаворита Екатерины. *Дерутся совестно они* — добросовестно, по совести.

Кулашный бой. Против А. Г. Орлова, фаворита Екатерины, любителя кулачных боев. *Где только варварство позорища успех* — где варварство является причиной успеха зрелища.

Шалунья. *Шалунья* — дура. *Я еду делать кур* — лечиться (фр.: faire une cure).

Арап. *Арап* — негр. *Злодей, сатиру чтя* — читая. *Козицкий* Г. В. (173(?) — 1775) — писатель, филолог.

Порча языка. *Мотонис Н. Н.* (173(?) — 1787) — писатель, филолог, сотрудник журнала Сумарокова «Трудолюбивая пчела»; друг Козицкого, см. примечания к предшествующей басне.

Блоха. *На воеводство просит* — просит назначить ее воеводой.

Парисов суд (1775). См. примечание к стиху «Богини дыни жрут» в эпиграмме «Окончится ль когда парнасское роптанье» (стр. 326). *Дий* — Зевс. *Дочь мозгова.* — Афина Паллада, согласно мифу, родилась из головы Зевса (Дия).

Сатир и Гнусные люди. Об отношении современного Сумарокову дворянства к его сатирической деятельности.

Отрекшаяся мира мышь. Против церковных имущественных привилегий.

Филин. Возможно, против гр. Я. Е. Сиверса, начальника Сумарокова по театральному ведомству.

ПАРОДИИ И ОДЫ ВЗДОРНЫЕ

<Песенка> (1750). Песня включена в текст комедии «Трессотиниус», высмеивающей Тредиаковского; пародия на любовные стихотворения последнего. Текст, повидимому, неточен; ср. «Известия ОРЯС», 1917, кн. 2, стр. 33—34. *Спесиха* — гордячка. *Слатенька* — сладенькая. *О, увы! моих злых бед!* — старинный родительный падеж восклицательный — о мои злые беды!

Дифирамв. *Бахус* — бог вина и пьянства. *Вечный лед.* — Высмеивается выражение Ломоносова из оды 1747 года. Сумароков несколько раз употребляет это выражение в «Одах вздорных». *Кола* — Кольский полуостров. *Богини, кою Актеон узрел несчастливый нагую...* — Согласно преданию, охотник Актеон увидел богиню охоты Диану в то время, когда она купалась в источнике. В наказание за это он был превращен разгневанной богиней в оленя. *Любезный брат* — Аполлон, бог поэзии. Он считался сыном Латоны и Зевса и возлюбленным нимфы Дафны. *Семелеин сын* — Дионис, бог вина и опьянения.

Ода вздорная I. Пародия на оды Ломоносова. *Сатурнов сын* — Посейдон, бог морей. *Фебанские стены* — стены города Фивы. *Амфион* — легендарный певец, под песни которого складывались стены городов. *Мусия* — мозаика. Этот стих представляет выпад против занятий Ломоносова мозаикой.

Ода вздорная III. *В эфире лед вечный синь.* — Стих этот либо испорчен при публикации стихотворения, либо сознательно написан без соблюдения ритма. Смысл стиха: вечный лед в эфире представляется синим («синь» — неупотребительная краткая форма прилагательного «синий»).

ОТРЫВКИ ИЗ ТРАГЕДИЙ

Хорев (1747). Впервые этот монолог был включен Сумароковым во второе издание трагедии в 1768 году в разгар его борьбы с Екатериной II, против которой он и направлен. В издававшемся по приказанию Екатерины «Российском феатре» при перепечатке «Хорева», взамен данного монолога, была напечатана первоначальная редакция 1747 года.

Синав и Трувор (1750). *Наполнен наш живот* — наша жизнь. Этот стих вызвал насмешливые пародии современников ввиду различного значения слова «живот» в славянском и русском языках.

Димитрий Самозванец (1771). Монолог Димитрия (д. II, явл. 7) до появления монолога Бориса в трагедии Пушкина «Борис Годунов» считался наиболее сильным в поэтическом отношении местом в русской трагедийной литературе XVIII, начала XIX века. Конец этого монолога и монолог и реплики Димитрия в д. V составляют вершину искусства Сумарокова в изображении быстрых переходов героя от одного душевного состояния в другое («из страсти в страсть»).

СОДЕРЖАНИЕ[1]

---

1 Первая цифра обозначает страницу стихотворения, вторая (курсивом) — страницу примечания.

Оды духовные

Разные оды

Надписи

Элегии

Идиллии и эклоги

Эпистолы

Сатиры

Эпиграммы

Стихи разные

Песни

Притчи

Пародии и оды вздорные

Отрывки из трагедий

Редактор И. Лапицкий

Художник Л. Хижинский
Худож. редактор Н. Серов
Техн. редактор В. Комм
Корректор З. Петрова

М 39560. Подписано к печати 26/VIII 1953 г. Формат бумаги 84×108 1/64 — 2,68 бум. л. = 8,80 печ. л. Авт. л. 9,91. Уч.-изд. л. 10,45. Тираж 50 000. Зак. № 667. Цена 6 р. 20 к. (по прейскуранту 1952 г.)

Типография № 3 Ленгорполиграфиздата

